

101 ПРОЗАИК XXI ВЕКА

4



Александр
Матвеев

...

ГОРЛИЦА, ПТИЦА
БЛАГОНРАВНАЯ...

избранные рассказы



у никитских
ворот

Москва
2020

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44
М 33

Матвеев А.И.

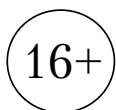
М 33 Горлица, птица благонравная... : избранные рассказы. Александр Матвеев / 101 прозаик XXI века. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2020. – 248 с.

ISBN 978-5-00170-060-9

Проза Александра Матвеева, живая и атмосферная, о простом человеке и его чувствах. Характеры выписаны так реалистично, а чувства переданы так глубоко, тонко и искусно, что не сопереживать героям невозможно. В рассказах Матвеева заметна серьёзная прозаическая школа: здесь и «лёгкое дыхание» Бунина, и мастерство психологического анализа Куприна.

Кто бы ни выбрал эту книгу, читатель взыскательный или снисходительный, она станет пищей для ума и отдохновением для души.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44



ISBN 978-5-00170-060-9

© Матвеев А.И., 2020
© Полонская М.А.,
составитель, 2020
© Оформление, серия,
Издательство «У Никитских
ворот», 2020

Правдиво и про людей

Проза Александра Матвеева – атмосферная. И атмосфера эта удивительная. В первых двух новеллах рассказывается о двух смертях в одном селе. Казалось бы, должно быть пронзительно грустно. Да, так и есть. Но грусть эта светла. Образы Тимофея Кубасова и Степана Каведецкого – образы выдающихся стариков, которые не только достойно бытовали в старости, но и приняли кончину стоически. Тёплый быт украинского села – это те декорации, в которых любые действия напитываются целительной силой природы и незатейливого радушного быта. Сделано мастерски:

«Стемнело, а Степан Каведецкий продолжал сидеть на бревне. Вспомнились молодые послевоенные годы. Село бурлило: танцы в клубе, игры, вон даже в футбол и в волейбол по воскресеньям играли. Каждый год на Ивана Купалу разводили огромный костёр за селом. Искры до неба взлетали, а потом, когда огонь спадёт, поутихнет немного, с хохотом прыгали через него».

Матвеев никогда не набрасывается на своих героев, не торопит события, многие его персонажи имеют реальных прототипов, и он так бережно обращается с ними внутри текста, как обращался бы наяву. Но при этом он очень тонко выписывает психологические портреты, все его герои очень естественны, он ничего не придумывает, и от этого картины жизни, что он описывает, впечатляют и радостями, и печалью. Рассказ «Дочь из прошлого» из таких. Обыденная жизненная ситуация выводится на уровень почти шекспировской драмы, а тонкая, не прямая концовка заставляет думать о героях, сопереживать им и после прочтения. Меня поразило, как удачно уже умершего человека автор влетает в повествование и заставляет влиять на события:

«А в письме было всего несколько фраз: „Антон, Мария не твоя дочь. А могла быть твоей. Я тебя любила. Мне не долго уже осталось. Не хочу уходить с грехом. Прости, если сможешь. Лилия“.

На следующий день утром Антон Кулаковский отправил Марии телеграмму:

„Доченька! Буду в Саратове через два дня. Целую. Папа“».

Матвеев умеет балансировать на грани художественной прозы и очеркистики с изяществом канатоходца. И из одного, и из другого жанрового колодца он пьёт исключительно чистую, кристального смысла воду. Из художественной прозы он не берёт много вымысла, вымысел ему ни к чему, позиция наблюдателя и богатство жизненных впечатлений вполне заменяют ему фантазийность, но все писатели знают, как опасно иногда слепо идти за жизнью в прозе. Ведь то, что увлекает в действительности, перенесённое на страницы, оказывается подчас просто набором банальных обстоятельств. Матвеев, как литератор опытный, преодолевает эти сложности реализма виртуозно. Во-первых, он пристально следит за выбором материала, показывает людей сквозь свою творческую оптику, подсвечивая одни их черты и камуфлируя другие; во-вторых, он создаёт неповторимую стилистическую манеру, когда навигатор превращается в образ, сам он далеко не в каждом произведении участвует, но читатель ощущает, что он где-то рядом, что происходящее в тексте случалось в одних с ним реалиях; и, в-третьих, он невероятно естественно строит диалоги, каждого персонажа слышишь и, кажется, даже можешь угадать его тембр. А что в текстах Матвеева от очеркистики? Полное ощущение правды, правды не дидактической, а той, от которой струится дыхание вечности. Неслучайно о вечной жизни, о смерти, о бренности бытия герои Матвеева рассуждают достаточно часто.

Несмотря на то что Матвеев никогда не гонится за фальшивой вымученной экзотикой, круг тем, которых он касается в прозе, весьма широк. Кроме психологических парадигм, где автор как рыба в воде, его занимает чувственная сторона жизни. Он её изучает со всех сторон,

от безотчётной страсти (рассказ «Брошенная») до исследования тончайших влюблённостей, о которых никому не скажешь. Вообще, эдакая бунинская нота Матвееву свойственна. И даже в произведениях, где в центре не совсем уточнённые субстанции, он умудряется повернуть всё так, что главное остаётся в подтексте, в полунамёках, в недоговорённостях. В этом Матвеев следует традиции большой русской прозаической школы, где подтекст подчас важнее самого текста, а поэтический язык – царь всего. Думаю, Виктору Шкловскому книга Матвеева понравилась бы.

Как говорил бессмертный герой Юлиана Семёнова, всегда запоминается лучше всего то, что было последним. Поэтому для любой книги, состоящей из множества текстов, важно, какой рассказ автор помещает в конце. Это открывает нам его творческое кредо, говорит о его сегодняшнем настроении.

Эту книгу замыкает рассказ из цикла, который условно можно назвать кипрским, – «Стелайос из селения Пиргос». Матвеев любит киприотов, много времени проводит на Кипре, наблюдает за кипрской природой с эстетским любопытством. В начале рассказа он замечательно описывает кипрскую осень, ту осень, что по нашим меркам – совершеннейшее лето, видно, как он тоскует по тому, что не во всём мире так, не везде природа так благожелательна к человеку. Дальше он с почти импрессионистской палитрой описывает незатейливую, трогательную историю, а завершает рассказ фразой:

«Наступило время сбора оливок – всё повторяется, и всё продолжается».

Что ещё добавишь?

Таков Александр Матвеев. Философ, психолог, замечательный рассказчик. Читайте его книгу и будьте счастливы, как он сам, когда пишет для вас.

Максим Замшев

Молчание Шурика

Рано утром в хату старика Степана Кавецкого без стука вбежала запыхавшаяся соседка, с порога крикнув по привычке: «Есть кто дома?» У нас в селе всегда без стука заходят в дом. А чего стучать? Хозяева и так слышат, как топают на крыльце и дверь ногой открывают.

– А где мне быть? – хмуро ответил Степан. – Чего в такую рань припёрлась?

На столе стояли бутылка с мутной жидкостью на донышке и две рюмки. Одна рюмка была накрыта тоненьким ломтиком ржаного хлеба. Обычно весёлый старик Кавецкий на этот раз не был расположен к разговору.

– Степан, говорят, что Кубасов вчера умер в больнице, в Хмельницком. Ты слышал что-нибудь?

– Вот поминаю. Налить?

– За упокой его души. Царство ему Небесное. Отгулял. Отмаялся сердешный.

Помолчали. Через окно на стол упал тяжёлый луч раннего августовского солнца, осветив пустую бутылку, рюмки, немудрёную закуску – кусочки сала на тарелке, хлеб и пучок лука.

– Степан, сама слышала, как он в прошлом году, когда его Веру хоронили, сказал на кладбище: «Долго я не задержусь. Через год она меня к себе заберёт. Вот здесь моё место будет, в её изголовье».

– А я другое слышал. Выпивали мы с ним. Я ему и сказал, не помню почему: «Доживи до моих лет, тогда узнаешь, что такое старость». Ему ведь только семьдесят семь исполнилось, а мне уже восемьдесят три стукнуло. А он возьми и ответь: «Когда мне будет восемьдесят, ты меня дома не застанешь». Вот и понимай сказанное покойным как знаешь.

– Наверное, думал, что вечно так будет по бабам бегать. Больно шустро бегал!

– Дура ты, Марфа. Теперь я его действительно дома не застаю.

Для села смерть Кубасова была полной неожиданностью. Был он довольно крепким стариком. Последние пятнадцать лет один справлялся с домашним хозяйством. Первые годы после того, как жена Вера заболела, даже корову держал и сам доил. В хозяйстве были куры, поросёнок, огород. По весне воткнёт рассаду огурцов или помидоров в землю, разок-другой заглянет к ним летом – прополет, подвяжет, а урожай на загляденье. Лёгкий был человек, и все это знали.

Кладбище за селом вширь и ввысь растёт. Сколько поколений там лежит! Некоторые фамилии со временем бесследно исчезли – никого не осталось. Вот, например, род Лещенко, Веры – жены Кубасова, какой большой был! Отец её, Фёдор Филькович – глава семьи, лежит на кладбище уже почти полвека. И мать – Марта Николаевна – похоронена рядом в восьмидесятых годах. А теперь в селе только дальние родственники остались, близкие все ушли на кладбище. И Вера, добрая душа, в прошлом году переселилась к ним, не дожив несколько дней до восьмидесятилетия. Долго болела после инсульта. Всех жалела, всё понимала. Незаслуженно страдала. Жила – мучилась и умирала в муках. Перед самой войной семнадцатилетней девушкой выдали замуж за русского солдата-пограничника. Маленькая речушка Вилия разделяла Украину на две части: восточную и западную, на берегу реки стояла застава, на ней и служил Иван Кубасов, высокий и статный парень с Волги. Влюбился он в украинскую девушку, поженились, но не прошло и месяца, как война началась. Сгинул солдат в немецком плену. Аккуратисты-немцы даже справку прислали – умер. А Иван не просто умер: бежал из немецкого плена – поймали, били, от побоев и скончался. Кто-то видел солдата в немецком лагере, и весточка дошла до села уже после войны. Вера работала в колхозе, воспитывала сына, а в пятидесятых годах заехал в село младший

брат погибшего мужа Трофим, чтоб свидеться с вдовой и с племянником познакомиться. Так и остался Трофим в селе, женился на вдове, и родила Вера от него сына Владимира. Трофим, в отличие от спокойного и рассудительного Ивана, был натурой вспыльчивой и любвеобильной. Обладал прекрасным музыкальным слухом и красивым голосом. Пел замечательно. Его звонкий тенор знали многие окрест: где свадьба или какое-нибудь другое празднество – обязательно приглашали Трофима. Без Трофима свадьба не свадьба. И физически был очень крепким. До самой старости за ним никто из молодых угнаться не мог. Пьяным его никто не видел, хотя выпить любил, но свою меру знал крепко. Светло-кариими яркими глазами и звонким голосом Трофим притягивал к себе взгляды женщин. По всем окрестным сёлам имел подруг. А лет двадцать назад сошёлся с молодкой Фроськой из соседнего села, при живом муже, и практически жил на два дома. Приворожила, говорят, Фроська его. Муж потом умер, а Трофим продолжал тянуть на своём горбу Фроськино хозяйство. Хотя и Веру не бросал.

К одиннадцати утра сын привёз из Хмельницкого отца в гробу. Последнюю неделю Владимир не уходил из больницы. Ухаживал за отцом день и ночь и никак не мог осознать случившееся. Странная история. Недавно был в селе, и всё было нормально. Отец не болел. А затем звонок, как гром среди ясного неба: упал дед с чердака в сарае и разбился. С улицы крики старика услышала соседка и нашла Трофима на бетонном полу. Медсестра Надя помогла, чем могла, и вызвала из района скорую помощь. Отправили деда в районную больницу, где в нейрохирургическом отделении ему сделали операцию с трепанацией черепа. Спустя какое-то время старик даже разговаривать начал, но не мог вспомнить, что с ним приключилось. Память как отшибло. Была надежда, что пройдёт время, поправится, и память вернётся. Но нет, потом ему стало хуже, потерял сознание. Отправили в область, в Хмельницкую больницу. Вот в этой больнице отец умирал тяжело и мучительно. С трудом можно было до него докричаться, и тогда он глазами или

лёгким пожатием руки показывал, что слышит. Слышал-то слышал, а сказать ничего не мог.

Так и осталось тайной для сына и для всей родни, что случилось в том злополучном сарае. Может, село и знает что-то, но никто ничего не говорит. Из отдельных фраз, намёков, каких-то нестыковок Владимир понимал, что случилось что-то неладное, но истины добиться не мог.

Похоронили Трофима Петровича Кубасова под вечер того же дня. Были певчие, как положено. Провожали на кладбище всем селом. Приехал сын Веры Алексей.

Когда отпевали в хате, у гроба стояли соседи, в основном старые и больные люди. Здесь была и баба Мидора, жившая одна на противоположной стороне улицы. Муж умер, дети давно разъехались, вот и доживает век одна. Еле стоит у гроба, утирая слёзы уголком платка. Так же стояла со слезами на глазах, когда в прошлом году хоронили Веру. Жалко ей Кубасова. Безотказный человек был. А если что-то было не так, то – что теперь? Бог ему судья. Печально стояли старики и искренне жалели покойного, и себя жалели. Жизнь вспоминали. Не было радости в колхозе в молодости, нет счастья и в старости без колхоза. Всё чаще на похороны приходится ходить. Невольно смотрят друг на дружку и думают:

«Кто следующий?»

После похорон накрыли во дворе столы – стали поминать покойного. В селе не принято говорить речей во время поминок. Люди поднимают рюмки и закусывают. И перебрасываются между собой какими-то незначительными фразами. Хотя всё, что говорится, всегда имеет значение, но для внимательного уха.

– Говорят, лук рассыпал на чердаке сушиться и лазил на чердак проверить. Не удержался и упал.

– А чего тот лук проверять? Сушится и сушится. Чем ему поможешь?

– И то правда. Лук без нас и растёт, и сушится.

Невдалеке сидит дворовый пёсик Шурик и внимательно слушает, наблюдая за происходящим. Даже еда его интересует не очень. Бросят кусок – съест не спеша. И опять слушает. При жизни хозяина он молча, без показушного

лая на чужих людей, служил деду Трофиму. Не за кусок хлеба, из любви к хозяину. Люди удивлялись его преданности и чутью. Уезжает дед Трофим на велосипеде в соседнее село – Шурик проводит хозяина до шоссе, вернётся во двор и ждёт. А если задержится хозяин, выбегает на дорогу и смотрит, не появился ли из-за бугра Трофим. Если Кубасов уезжал на автобусе, то Шурик выбегал к остановке и встречал автобус. Небольшой, рыжеватого окраса Шурик – скромный представитель беспородных собак, которые знают своё место и свою роль в хозяйстве.

– Шурик всё знает: зачем Кубасов на чердак лазил и как всё было. Да сказать не может.

– А что же он ел? Нелька-то тоже в больницу ездила. Помогала Володе за отцом ухаживать.

Нелька – это соседка, крупная, здоровая и ещё не старая женщина. При жизни Кубасова она помогала ему по хозяйству. Да и за Верой последний год ухаживала.

– Ко мне Шурик ходил. Я ему молока давал и так... разной еды. Придёт во двор и смотрит. Как не дашь? – вмешался в разговор немногословный Павло.

Павло – пятидесятилетний мужчина, среднего роста, худой. Он вечно чем-нибудь занят. То скотину пасёт, то корма на ферму подвозит, то в собственном дворе ковыряется, что-то ремонтирует, то помогает огород кому-то вспахать. Он один из последних и надёжных людей – колхозник: колхоз как был, так и остался, хотя на бумаге новая власть разделила и закрепила землю за селянами. Но кто её в одиночку обработает? Вот и передали землю по договорам в общее пользование. Так что колхоза как бы нет, но на деле он есть, потому что жив Павло.

– Две недели назад копали Ганке-костоправше могилу. Я из ямы не мог сам выбраться, а дядя Кубасов подтянулся на руках и выпрыгнул, – сказал вдруг молодой Старицкий.

Позднее, вечером, в узком семейном кругу стали обсуждать, как же мог покойный упасть с чердака.

– Как-то не укладывается в голове, что Трофим Петрович упал с чердака и разбился. Кто его видел в тот день? – вслух рассуждал Алексей, брат Володи по матери.

– Говорят, Фроська приезжала к нему с утра. И сын с ней был. Вроде они выпивали...

– Если выпивали, то без Нельки не обошлось. А она что говорит?

– Говорит, что в тот день была в селе Антоновке. Мол, алиби у неё имеется.

– Почему сразу – «алиби»?

– Знает что-то, а говорить не хочет, вот и лягнула про алиби. Научил кто-то.

– Так что же получается? Дело пахнет криминалом?!

– Вряд ли. Но много непонятного. Почему-то никто ничего не говорит прямо, а между собой шепчутся. Вон Андрон, что через три хаты живёт, сказал Мишке Косому, что видел, как Фрося со своим великовозрастным сыном убежала огородами на автобус, – сказал Владимир с горечью и добавил: – Живут по принципу: моя хата с краю, ничего не знаю. Пока самих жареный петух в задницу не клюнет.

– Если она видела, как Трофим Петрович упал, и убежала, то это статья уголовная – неоказание помощи человеку в беде, когда его жизнь находилась под угрозой.

– Откуда она про такие тонкости знает? Увидела, что разбился. Побоялась, чтоб не подумали, что она столкнула деда с чердака, и сбежала.

– Говорят, что Фроська домогалась, чтоб он деньгами помог её сыну. Вроде лошадь у того украли.

– А вот Хмарчук, он частенько на рюмку к деду забегал. Так на следующий день, как случилось несчастье, сказал, что никакой Фроськи там не было. А потом, когда выпивши был, стукнул по столу кулаком и рявкнул: «Была эта сука там, была! Но ничего никому говорить не буду».

– Бог им судья. Ничего не известно. Ничего не докажешь, – горестно проговорила Саша, жена Владимира. На том и расстались, и все разъехались: кто в Киев, кто в Москву. Хату закрыли на замок и ключ отдали Нельке, чтоб присматривала.

Во дворе остался один Шурик. Как он жил и чем питался, никто не знает. Может, Нелька подкармливала, может, сердобольный Павло давал ему еду, но когда Владимир

приехал в село на сорок дней, то Шурик встретил его очень взволнованно. Он словно крутился вокруг невидимой оси, стонал, как бы пытаясь сказать что-то важное.

Оказалось, что Шурик каждый день бегал на кладбище и целыми днями сидел у могилы Кубасова. Посидит-посидит и бредёт понуро домой.

– Встретился мне как-то Шурик. Бежит, вижу, с кладбища. Посмотрел на меня, а в его глазах слёзы. Аж жутко стало, – рассказал Степан Кавецкий.

– Поминали Кубасова на девятый день. Пришли на могилку. Оставили там колбаску на газете, рюмку с водкой. Так я хотела переложить колбаску и протянула руку за ней. И что вы думаете? Шурик меня лапой по руке ударил, мол, не трогай! Я чуть в обморок не упала, – всхлипнула Нелька.

– Так, может, он сам колбаску съел? Шурик-то?

– И не понюхал даже... С нами убежал с кладбища.

На сороковой день пришли мужики, стали полукругом у могилы и спели деду Кубасову песню. Песню, которую он не раз просил, то ли в шутку, то ли всерьёз, спеть ему, когда он умрёт:

*На рейде большом легла тишина,
И море окутал туман,
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:
Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море...*

Почему именно эту песню? Ведь Кубасов никогда не был моряком. Может, в песне кроется тайна его несбывшейся мечты? Или тайна смерти? Кто теперь узнает?

Из-за тучи выглянуло солнце, щедро осветив кладбище, могилку и поющих мужиков, серьёзных и торжественных. Озарило во всю мощь тихое кладбище с современными памятниками и со старыми, почерневшими от времени крестами, свежий горб земли с новым деревянным крестом над ним.

На следующий день приехала в село милиция и стала опрашивать селян на предмет загадочной смерти Кубасо-

ва. Наконец-то спохватились. В частной беседе кто-то из милиционеров сказал, что не мог дед получить такую смертельную рану от падения с чердака. Мог, не мог, кто сейчас докажет или расскажет что-то? Разве что Шурик. Но Шурик смотрит на всех с тоской в глазах и молчит.

Безмолвная и несчастная собачья жизнь.

Через полгода, весной, колхозный сторож ночью выстрелил в бродящих возле фермы собак. Может, от скуки выстрелил, может, по пьяному делу, – кто его знает? Голодные собаки часто прибегали на ферму в поисках еды. Но по странному совпадению дробь попала только в Шурика и убила его наповал. Как единственного свидетеля. И ушла вместе с Шуриком на веки вечные тайна смерти жизнерадостного Трофима Кубасова. Бегал-бегал к могилке хозяйна и ушёл вслед за ним в мир иной.

Рассветное утро старика Кавецкого

Старика Степана Кавецкого ничего в этой жизни уже не радует. Совсем ничего. Жена умерла, друзья-старики ушли в мир иной. Даже выпить толком не с кем. Дело ведь не в водке. Важно, с кем пить и что при этом происходит в душе твоей, а может, и во всём мире. С хорошим, всё понимающим собеседником и помолчать за рюмкой в радость. Одногодков в селе, считай, никого не осталось. Кажись, недавно похоронили Трофима Кубасова. Не старый ещё был, а вот и он отошёл, сердешный. Степан уверен был, что Трофим его хоронить будет, – почти на пять лет моложе. Трофиму под восемьдесят было, а он по бабам бегал, как молодой. А вот оно как получилось... Ведь вместе тогда выпивали. Эх, да что там говорить! Не хочется даже думать об этом. Если б он тогда не ушёл, может, и жил бы Кубасов. Упал с чердака. А эта, с Каменки, огородами сбежала. Как там было? Что там было? А Кубасова нет. И выпить по-настоящему, со вкусом, с песнями, с шутками не с кем. А с молодыми разве посидишь? Пьянь подзаборная. Не успеет рюмку опустошить, а уже пьян. И до дому не дойдёт – уснёт на дороге. С таким ни поговорить, ни помолчать за рюмкой.

Степан Кавецкий сидел у сарая на бревне и с тоской смотрел на поленья дров. Готовит к зиме дрова, а пригодятся ли они? Всё делает по привычке: конец августа, днём ещё жарко, но он всегда в это время закладывал поленицу. В окне дома отражалось закатное солнце, словно пожар на селе где-то полыхал. Прислушался к щебету ласточек. Сидят, миленькие, рядком на электрических проводах и щебечут. Радуются последнему теплу. Вспомнил, как вернулся из армии и вот эту самую электролинию прокладывал. Своя электростанция в колхозе была, в селе Кунове,

на реке Вилии стояла. Потом, конечно, отжила старушка своё, – село включили в общую украинскую систему электроснабжения. Где-то через год после армии женился на Нюре. Ждала его.

Печальное лицо старика Кавецкого осветилось изнутри, он даже слегка улыбнулся, но печаль снова, словно тучка солнце, накрыла его лицо. Два года уже как Нюры нет, а ему жить без неё невозможно. Дочь давно в городе устроилась. Наезжает с зятем по выходным, но нет радости от этих встреч. Ничего без Нюры нет.

– Степан, слышь, Степан! Володя Кубасов приехал. Присил передать, чтоб зашёл.

– А-а, Надька. Заходь, – оживился Кавецкий, услышав голос соседки.

– Не-е, не могу. Толик должен с заказчиком приехать. Пойду к столу соберу что-нибудь.

– А-а, тогда ладно. А я к Вовке пойду.

Он с непонятной для самого себя завистью посмотрел вслед соседке. Живёт при сыне. У того маленькая пилорама. Покупает лес, распиливает брёвна под заказ и продаёт. Дело есть. А что его зять? В городе ютятся в съёмной комнатухе, плохо им там, а никак от города не отцепятся. А он тут один кукует. Они его не понимают, и он их не понимает. Может, так оно и лучше, что врозь. Да почти все старики в селе без детей остались. Как будто вымело людей из села. Нина Ходунова, что у шоссе живёт, давно одна. Дочь где-то в Ростовской области, наезжает изредка в отпуск. А сейчас разве наездишься, дорого всё. Сын, правда, недалеко, в Луцке, по несколько раз в месяц навещается. Хорошие у Нины ребята. Её к себе сманивают, но она не соглашается. Столько лет прошло после смерти мужа... Ни во что не вмешивается, ни в каких сплетнях деревенских не участвует. В хате чисто, опрятно. Правда, на село уже не ходит – ноги болят. Летом-то ничего. Можно на скамеечке во дворе покалякать с бабами. А зимой сидит в хате у окошечка, наблюдает за жизнью деревенской и радуется жизни, ждёт, когда дети явятся. Приедут дети – ещё большая радость. Вспомнил дальнюю родню – Катерину Подайрук,

мать Саши, жены Володи Кубасова. Почти всю жизнь, считай, одна прожила. С тех пор как оставила мужа Валерьяна. И дочь воспитала и замуж выдала, и с внучками нянчилась. Хорошо жила. Никто о ней плохого слова не скажет. Но теперь она, как и вся её родня, на кладбище уже лет семь обитает.

Он долго ещё перебирал в памяти семьи сельчан. Получалось, что село стариковское. Рабочих рук раз-два да и обчёлся. Зарботков нет, что тут молодым делать? А с другой стороны, взять Надькиного Толика. Новый дом кирпичный заложил. Можно жить в селе, если с умом да не пить.

Стемнело, а Степан Каведецкий продолжал сидеть на бревне. Вспомнились молодые послевоенные годы. Село бурлило: танцы в клубе, игры, вон даже в футбол и в волейбол по воскресеньям играли. Каждый год на Ивана Купалу разводили огромный костёр за селом. Искры до неба взлетали, а потом, когда огонь спадёт, поутихнет немного, с хохотом прыгали через него. Он посмотрел на высыпавшие в небе звёзды. Вон маленький огонёк среди звёзд движется. Самолёт, наверное, а может, спутник. Этих спутников скоро будет больше, чем звёзд. Внезапно другой огонёк сорвался в вышине, полетел вниз и спустя мгновение погас.

«Ещё одна земная душа улетела в бесконечность. Может, с моей Нюрой там встретится? Огромное небо, огромный мир. Что там? Какие ещё миры за теми звёздами, что нам с Земли видны? И где тот другой, незримый мир, куда переселилось несколько поколений из маленького села Долочье? И Нюра там? И Кубасов? И Катерина? Сколько их там, и где они все умещаются? Вона сколько за тыщи лет ушло с Земли людей».

Он тяжело поднялся с бревна и пошёл к Кубасову. Володя с Сашей ужинать не начинали, ждали Каведецкого. За ужином старик оживился, пропустил пару рюмок. Рассказывал о послевоенном житье в селе. Лицо стало ласковым и добрым. Он перестал быть похожим на вечно колючего Степана Каведецкого, который любил подшучивать над всем и вся. Глаза его излучали тихий и печальный свет. Как будто он был здесь, за столом, но глаза видели что-то дру-

гое, может, это была вся его прошлая жизнь, или тайна какая звала и не отпускала. А может, он увидел то, что не могли видеть другие, – пришла пора, и ему стало возможным приблизиться к тому месту, откуда и прошлое, и грядущее как на ладони.

Назавтра утром Володя засобирался ехать на машине домой, в Киев. На улице было сыро – ночью дождик прошёл. Летом так бывает: днём жарит, спасу нет, а ночью пробежит скорый дождик, а то и короткий ливень. Утром благодать. Птицы поют пуще прежнего, солнце взойдёт в полнеба, а воздух, как говорится, – дышать и не надышаться.

«Эх, остаться бы здесь ещё на недельку! Так нет – ехать надо», – подумал, доставая воду из колодца, чтоб в дорогу с собой взять.

Перед отъездом забежал к Каведецкому занести продуктов. Была суббота. Старик сидел на кухне, как будто и не ложился спать.

– Дядя Степан, мы уезжаем. Позвонили на мобильный с работы. Вызывают. А вы что так рано встали?

– А я и не спал. С вечера не спалось, так до первых петухов глаз и не сомкнул. А потом заслушался. Ох и поёт-заливается Надькин маленький пёстрый петух! На всё село голосит. Куда там моему увальню. Здоровый, а голос словно надтреснутый. Ещё Нюра, небожка, его завела. При ней пел на всю деревню, а после её смерти пропал у него голос. Хрипит.

Володя с удивлением посмотрел на старика: чтоб Каведецкий рассуждал о пении петухов? Такого представить невозможно. У него всегда были разговоры о делах сельских да воспоминания, как оно раньше было. А тут смотрит в какую-то дальнюю точку голубыми, выцветшими глазами, словно невидящими.

– Ближе к утру мелкий дождик пробежал, так я вышел во двор, а небо чистое. Откуда тогда дождик? Как думаешь, Володя?

Не дожидаясь ответа, старик продолжил:

– Я сегодня, Володя, словно в первый раз рассвет увидел. Жизнь прожил, а рассвет вот так не встречал. Всё не-

когда было, всё бегом. А тут сижу на кухоньке, а в окне вдруг лучик блеснул. Вышел, а солнце над верхушками леса встало. А птички-то как поют! Вот истинно создания Божии, невинные.

Володя молчал. Понимал, что надо молчать. Старик вздохнул, умиротворённо улыбаясь:

– Не было в моей жизни таких рассветов. И Нюре не смог показать. Она, сердешная, солнце встречала на грядке. Не в небо смотрела, а в землю. Зато теперь, наверное, с неба смотрит. – Он опять вздохнул и добавил: – Лучше бы ты задержался ещё на денёк, Володя!

– Самому хочется, но вызывают. Надо ехать.

На том и распрощались. Старик Кавецкий ещё долго стоял у калитки, словно ожидая кого-то.

В дороге Кубасов задумался о последнем разговоре со стариком. Рассвет как рассвет был. Что в нём необычного? Володя любил на рассвете посидеть с удочкой у речки. Но ему в голову не приходило любоваться рассветом и кому-то об этом рассказывать.

«Как-то странно дядя Степан говорил, – рассуждал он. – Как будто со мной говорил, а сам уже где-то в другом месте находился. Может, он по дочери заскучал. Так она сегодня должна к нему приехать на выходные». Вечером ему позвонила Люся, дочь Кавецкого, и сказала, что отец умер. Приехали с сыном в обед и нашли деда сидящим за столом. Рука подпирала голову. Подумали, что уснул, а он уже холодный. Одет был во всё праздничное. Перед ним стояла полная рюмка самогонки, покрытая ломтиком ржаного хлеба.

На следующий день утром Володя Кубасов уехал в село на похороны старика Степана Кавецкого. Небо было затянуто сплошь тучами. Моросило. Погода повернула на осень.

Дочь из прошлого

Разбросала жизнь бывших сельчан кого куда. И в далёкой Америке есть земляки, и в Казахстане, и в России...

Что это за желание бросать родимый дом и ехать в чужие края?! Все друзья Антона Кулаковского уехали из села после окончания школы. Дальний родственник, Анатолий Каширин, моложе его лет на двадцать, тоже не задержался в колхозе. На телевизионного мастера выучился и в городе живёт. А он, Антон, в своё время очень хотел жить в селе. Но жизнь по-другому распорядилась: поступил чёрт знает как далеко в институт – в Днепропетровске. В селе Заричья мать с тёткой остались бедовать без мужских рук. Какие там доходы от колхоза при вожде Никите?! Как молока от непокрытой коровы. Еле-еле ему денег на билет наскребли да торбу с немудрёными харчами собрали. А харчи-то?! Пшено, хлеб, сухари и самая главная ценность – кусок сала, который мать у соседей одолжила. Ох и выручило его это сало! И кулеш варили с ребятами в общежитии, и с хлебом ели вечерами, запивая чаем на травах.

Мысли о бедной юности промелькнули в голове Антона, пока он слушал путаный подход Анатолия (тот звонил!) к существу дела.

– Антон Станиславович, вы только не волнуйтесь, будь ласка! С вами дочь хочет поговорить. Ваша дочь, из Саратова приехала.

– Какая дочь? Какой Саратов? Что ты мелешь? – сорвалось у него с языка, но его тут же пронзила мысль-догадка: «Это от Лии, её дочь!»

Он услышал женские всхлипы в трубке и затем тихое:

– Папа, мама умерла.

– Ты кто? Как тебя зовут?

– Я – Мария. Лилии Ахметовны дочь.

– Господи, Лия умерла! Я ничего не знал о ней почти сорок лет. Но как же? Как же так? Дочь?!

– Папа, я хочу с тобой встретиться, посмотреть на тебя. Больше мне ничего не надо.

– Встретиться? Может быть, на хуторе Красиловка, до Заричья рукой подать? Нет, дома с Тamarой тебя примем! – усовестился Антон.

Иссяк телефонный звонок, словно ливень в летнюю жару, однако раскаты его грома громыхали в голове, а в душе сверкали молнии. Сердце бухало, в ушах стоял плач неизвестной женщины, назвавшейся дочерью, и вихри воспоминаний хлестали по щекам.

Он тяжело опустил на табуретку, обхватил голову руками. Хорошо, что Тамары нет дома. Как она отнесётся к этакому известию? И правда ли это?.. А что, если – правда? Ведь дочь, его дочь... У них с Тamarой свои дети: и дочь, и сын, и внуки почти взрослые. Один сын погиб... И вот тебе... Новая, словно вчера родившаяся дочь...

На его крупном и ещё по-мужски красивом лице появилась мечтательность. Вспомнилось, как на третье лето он нагрязнул неожиданно в село на каникулы. Директор школы сразу предложил ставку учителя русской литературы в старших классах, а учиться – заочно. Это был шанс! Впервые, в институте начались неприятности: его небольшую поэму «Казачья вольница» напечатали в институтской газете. Некто написал донос, усмотрев в поэме намёки на призыв к возрождению украинской вольницы. Чуть не исключили из института. Слава Богу, ректор оказался мудрым человеком: разобрался и защитил.

Кроме того, тяжко без поддержки из дому. И впроголодь приходилось жить, и подрабатывал на разгрузке вагонов. Во имя чего? Чтоб стать учителем в сельской школе среди своих земляков!

Сентябрь настал, и он вошёл в класс. Лия, Лия... Лет на пять старше его, умная, влекущая.

Помнится, директор заметил:

– Антон Станиславович, у вас с Лилией Ахметовной всё серьёзно или как? Судачат в селе...

– Дружим, а там посмотрим.

– Смотрите, чтобы не было поздно смотреть.

На том воспитательная работа закончилась. А через год Лии дали путёвку на курорт, а он поехал в институт на экзамены.

Лето пролетело как один миг. После курорта Лия гостила у своих родных, а он в селе матери помогал. Как-то на речке приметил Тамару среди подруг. «Ну и фигура! – подумал. – Как же в школе не замечал её? Вся литая из меди. И красивая, и улыбчивая».

На танцах в клубе Тамара сама к нему подошла:

– Антон Станиславович, а я поступила в медучилище. Почему не поздравляете? С вашей оценкой, как-никак!

– Поздравляю.

– А вы на танец пригласили бы. Лучше всякого поздравления. Обзавидуются подружки.

Весь вечер протанцевал со вчерашней ученицей. Потом провожал до калитки, слова и чувства таяли, как время, надвигавшееся из облаков.

В середине августа вернулась Лия, у них с Тамарой к тому времени дальше невинных поцелуев украдкой дело не закрутилось, и всё-таки близость с Лией осыпалась, подобно осенним листьям после заморозков. На берегу речки Лия неловко намекнула ему, что ждёт ребёнка.

– Мы так не договаривались, – сказал он.

– А как? – спросила она.

...Снова телефонный звонок. Словно ветер сдул коллажи из той жизни: директор дал знать, что завтра силами персонала начнут ремонт школы. Замечательно! Занят на работе! У Тамары отгул, целый день вдвоём, и не сказать ничего о дочери из Саратова он не мог. Тем паче что жена всю эту историю досконально знает. Тогда ни он, ни Тамара не поверили Лии, а потом у Лии родилась дочь – восьми месяцев, что и думать?! «Не бывает такого, чтоб восьмимесячный ребёнок выжил. Семимесячный выживает, а восьмимесячный – нет...» – отрезал сельский лекарь Бурдейный.

Родился ребёнок, и все его сомнения, подкреплённые расчётами, оправдались. Он сам тогда, на берегу реки, сказал, что сомневается в своём отцовстве.

Лия обиделась и молча ушла.

...Воспоминания растревожили, он стал не рад завтрашним декорациям, отговоркам, отсылкам, да и оставаться один больше не мог. Хотел поехать к Тамаре на работу – передумал. Что он ей скажет? Не готов он пока к разговору с ней. Не готов! И как Тамара воспримет?

Сложно начиналась их совместная жизнь. Всё было против их брака: беременная Лия, родители Тамары, любопытные, а то и осуждающие взгляды сельчан. Расписались тайно, вдалеке от райцентра. А потом ему удалось устроиться в Остроге, где они и зацепились на всю жизнь...

...Стоял посреди двора, погружённый в воспоминания. Сколько всего было! И хорошего, и плохого, если поковыряться. Только зачем?

Посмотрел в небо, на крест знаменитого на всю Украину храма. Солнечные лучи играли с раннего утра, отражаясь от золотого купола и креста... Красота-то какая!.. Ещё князья Острожские строили, а храм до сих пор стоит и радуется людям. Господи, столько лет храму! Род князей Острожских растаял, исчез во времени, а память о них осталась. Нет, значит, не исчез род, память материализовалась в этой крепости и храме. Вот и он, немолодой уже Антон Станиславович, посмотрел на эту красоту и помянул мысленно князей. Слышат его там, на небесах? Подумалось: а что он сделал в земной жизни?.. Передал свою любовь к русской литературе и свои знания детям, лишённым судьбой слуха. Издал несколько книжек со стихами, увлёкся театром, много лет играл в народном театре Острога. Его заметили, даже приглашали на сцену в область. Тамара воспротивилась.

«Не ходи, Тоник, – попросила, – не будет у нас жизни с твоими гастролями».

Послушался Тамару – любил её. И наверно, она была права. Засматривались на него девчата. Может, и не остерегся бы. И как тогда? А так прошла жизнь в любви и се-

мейном согласии, правда, не без потрясений. Вспомнилось давнее, но не забытое горе: сын, – смахнул слезу с глаз. «Какой парень был!.. Красавец. Только из армии вернулся. Нелюди! Убили исподтишка и живут как ни в чём не бывало. Сгубили невинную душу. А сколько он мог сделать в этом мире?!» – думал о погибшем сыне, тяжело ступая к пасеке в углу двора.

Пчёлы – Божьи создания: они и от тяжёлых мыслей отвлекают, и радостью душу питают.

«Милые мои, водички вам надо. Налью, налью сейчас», – прошептал Антон, умилённо рассматривая пчёл, хлопочущих на лотках ульев.

Одни улетают, другие прилетают с нектаром, здесь же охрана начеку... Пчёлы устраивают свою жизнь разумней, чем кое-кто из людей. Всё делается ради общего блага.

Он долго возился на пасеке, отгоняя от себя мысли о разговоре с Марией, но мысли, словно пчёлы, роились: то улетали, то опять возвращались. Что из того, что без мёда?!

В тот же вечер он не удержался и рассказал о новости жене. Тамара на удивление восприняла известие спокойно, лишь печально промолвила:

– Знать бы, что этот ребёнок твой. А так что скажешь... Непонятно, как детям и внукам будем объяснять. Они-то ничего не знают о той истории. Она замужем? Дети есть?

– Не знаю ничего, Тамара... Если встретимся, порасспрошу.

– Не встречаться нельзя, Антон.

В пятницу работал на благо школы, красил, малярничал, с коллегами разговаривал и даже пытался шутить, но как-то с неохотой, через натугу.

– Антон Станиславович, вы будто бы в другом месте сейчас. Стихи пописываете? – удивился коллега Владимир Квасюк.

– Написал одно лет сорок назад, а сейчас думаю о последствиях.

– Ну, Станиславович, даёшь! – заметил Квасюк. – Извини, но ты словно с ума сошёл. Ходишь, работаешь, сам с собою разговариваешь.

– Не сошёл, а спрыгнул.

В субботу Антон Станиславович весь день топтался без дела во дворе, ожидая автобуса со вновь обрётённой дочерью.

Прикатил автобус, проскрипела калитка... Всматриваясь в её черты, желая и не желая, чтоб всё подтвердилось, чтоб чужая женщина оказалась его дочерью, он недоумевал, как накануне не мог или не умел выйти из зажимов не своей роли. У неё своя семья: муж, две дочери, еще не замужние, а он видел перед собой Лию, улыбчивую и сдержанную, умную и непосредственную, но ни капли крови, хоть отдалённо напоминавшей сходство с ним, не обнаружил. Ну ни кровиночки.

– Я тебя увидела и счастлива, – сказала Мария на прощанье. – Мне больше ничего не надо. До замужества была на маминой фамилии, а отчество твоё – Антоновна. Мама никогда не отвечала на вопрос, кто мой отец. Она говорила, что он умный и хороший человек. И ничего более. Только в последний момент прошептала, чтоб я с тобой встретилась.

– Я не знаю, что в таких случаях нужно говорить. Не знаю, не знаю, – расписался в бессилии Антон Станиславович.

Мария уехала в Саратов, а он остался с раздумьями и сомнениями. Так продолжалось долго. Прежней, тихой пенсионной жизни как не бывало. Занимался пасекой, домашним хозяйством, собакой – свирепой кавказской овчаркой. А мысли были там, в далёком прошлом.

Минуло медовое лето, мёда собралось сколь надо, если не сверх того. И себе хватило, и детям, и друзей одарил, и знакомым перепало.

«Жила бы Мария рядом, и ей досталось бы мёда», – подумал с устатку вечером.

К осени ветки от яблок ломились, пришлось подпорки поставить. И опять пожалел, что Мария далеко и яблок ей не достанется.

Зима, бесснежная и тёплая, не радовала. В феврале так потеплело, что пчёлы из ульев появились, сонно ползая по лоткам. А он, не обращая внимания на причуды природы,

ходил хмурый: мучился, переживал. Нелегко в этом жестоком современном мире совестливому человеку жить. Ой, нелегко!.. Ночью вскакивал и шёл на кухню, чтоб не будить Тamarу. А та тоже не спала, лежала в темноте с открытыми глазами, неслышно охая и вздыхая. Так в беспокойстве прошла зима, и весна минула.

Худо ли, бедно ли, но уже год с тех пор, как приезжала Мария, отмотался. Иногда звонил, говорил по телефону. Но что можно сказать в трубку, не видя человека?.. Как-то сорвалось у него:

– Мария, может, нам заказать экспертизу? Генетическую.

После долгого молчания услышал:

– Надо ли? И зачем?

Однажды, в тихий летний день, присел во дворе и задремал. И увидел в полудрёме себя, молодого, стоящего у калитки с Тamarой. А над деревьями пылало ярко-красное зарево: то ли солнце закатное, то ли пожар где-то разгорался. А потом увидел идущую мимо них Лию с маленькой девочкой и голос её услышал:

«Не пугайся, Антон. Красное солнце к вечеру – на добро...»

А девочка вдруг заплакала, тоненько так и жалостливо. И от этого плача он очнулся. Рядом тёрся о ногу приبلудный котёнок и жалобно мяукал.

«Откуда он? Надо же... Потерялся? Или кто подбросил? Не дай Бог за загородку к овчарке попадёт... Вмиг разорвёт», – подумал и протянул руку, подобрал несмышлёныша. А тот, не будь хил, неловко, но резво отскочил от него и, поднырнув под загородку, спустя мгновенье оказался перед пастью овчарки.

«Всё. Пропал дурашка маленький», – ёкнуло внутри. К его удивлению и радости, злая овчарка принялась облизывать котёнка.

Назавтра, с утра, Антон пошёл на кладбище к сыну. Долго стоял перед обелиском с портретом улыбчивого парня с кудрявой головой. Положил пучок белых ромашек на чёрный мрамор с выбитым на нём «Memento Mori».

Вечером он долго не мог заснуть, вздыхал, по привычке ворочался с боку на бок.

– Толик, не могу больше молчать. Будь что будет. Письмо тебе приходило от Лилии. А я тебе его не отдала, – прошептала Тамара и заплакала.

– Тамара, ты читала его? Что там было?

– Нет. Не распечатывала. Прочитай сам, если хочешь.

А в письме было всего несколько фраз: «Антон, Мария не твоя дочь. А могла быть твоей. Я тебя любила. Мне недолго уже осталось. Не хочу уходить с грехом. Прости, если сможешь. Лилия».

На следующий день утром Антон Кулаковский отправил Марии телеграмму: «Доченька! Буду в Саратове через два дня. Целую. Папа».

Такая беспощадная любовь

Было далеко за полночь. Уже затихли в чёрной тьме голоса электричек. Тихь небесная наполнилась звёздами. Мягкий свет ночника освещал красивую женщину с книгой в руках. Зачиталась. Всё про любовь из жизни позапрошлого века! Муж посапывает себе. И пусть! Она, Саша, – в другом мире, где чистая любовь, тихая, умная, лиричная. Простые слова и море чувств! Да что там море – океан после шторма, когда безбрежье волн полно сил, никак не успокоится... Какой страстный монолог о любимой женщине, покинувшей скабрёзную землю!

Шёпотом Саша повторила до дрожи в сердце поразившие её строки:

*Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

Она отвела глаза от книги и задумалась. Густой каштан волнистых волос разметался, а глаза, полные зелёного блеска, мерцали. Невесть откуда взялась одна-единственная слезинка, выкатилась на атлас подушки, стремясь далеко в поля и леса осенней ночи.

Раздался глухой телефонный звонок. Саша сняла трубку, машинально глянув в угол на часы.

– Саша, прости за поздний звонок. Я не могу. Мне нужно поговорить с тобой, – раздалось знакомое заклинание, словно перепев ночных призраков.

– Лёня, посмотри на время. Видишь, как поздно?

– Не могу. Я просто не могу. Поговори со мной. Я вспомнил Женю и залился слезами.

– Ладно. Позвони мне через десять минут. Я перейду к телефону на кухне. А то Алексея разбудим.

Но муж уже не спал:

– Сашунь, опять Лёня? Да? С ума сошёл. Женю при жизни не оставлял в покое. Теперь тебя по ночам будит.

«Господи, – думала Саша, – мистика какая-то! Я читаю Тютчева, вспоминаю Женечку со слезами. И то же самое происходит на другом конце города с Лёней. Может, тётя там, на небесах, думает о нас, и поэтому нам не спится».

Припомнилась первая встреча с Лёней: заглянула к тётё Жене, а у неё – высокий, с копной тёмных вьющихся волос мужчина. После института работал в союзном министерстве по финансам. Тётя была сто лет как замужем, её дружба с Лёней, который тоже был женат, показалась Саше, зелёной девчонке, странноватой. Потом они с Лёней время от времени пересекались у тёти. На всех семейных праздниках он присутствовал, но почему-то один, без своей супруги. Сашу всегда удивляло, что Валерий терпел дружбу своей жены с Лёней.

Даже как-то не удержалась, спросила немножко дурашливо:

– Валер, а ты не боишься, что Лёня уведёт от тебя Женю? Почему ты так легко переносишь их дружбу?

– Нет, не боюсь, она дорожит дружбой с Лёней. Как я могу ей запретить? Хочется – пусть. Ей хорошо!

В дружбе Жени и Лёни настоялся аромат духов, должно быть, от «Шанель». Смотреть на них без восхищения и улыбки мог разве греховодник. Неважно, сколько в комнате людей и что за люди. Женя и Лёня никого не видели, кроме друг друга. Когда они встречались, близким казалось, что интерьер становится прозрачным, искромётным и необычайно счастливым, и сами они сияли от счастья. И это в присутствии Валерия! «Блаженный какой-то... Разве он не видит, что Лёня влюблён в тётю и тётя любит Лёню. А Валера – ноль внимания», – никак не могла понять Саша. Но ничего страшного! Люба, Лёнина жена, в годы так называемого развитого социализма делала карьеру в буфете гостиницы «Москва». Валера промышлял антиквариатом

и мог иногда позволить себе передать через Лёню аляповатую золотую безделушку для Любы. Правда, никогда семьями эти две пары не встречались.

Так продолжалось очень долго. Позже Саша поняла, что Валерий, как умел, старался отвести Лёню от их дома, но делал это с деликатностью посла в какой-нибудь Америке. И Лёня никаких намёков не понимал и не принимал. Как ходил, так и продолжал регулярно ходить к Вишневым будто в гости, а на самом деле всё было похоже на возвращение из долгой командировки. Звонок в дверь менял порядок вещей, и неважно, чем бы Валерий ни занимался, Лёня усаживался на кухне, пил чай и любовался своей невинной подружкой Женей. Знал ли Валерий об их совместных поездках в отпуск? Путаный лабиринт отношений. Но скандалов никогда не было. В период горбачёвской перестройки Вишневы эмигрировали в Америку. Следом за ними спустя год-два укатил и Лёня. Супружница Люба осталась ждать в Москве, пока он устроится в Америке по ихним, «американосовым» меркам.

Сашины воспоминания прервал звонок.

– Саша, ты уже на кухне? Можешь говорить?

– Могу. Что случилось? Что на тебя нашло вдруг среди ночи?

– Я вспомнил, как Женя умирала во Флориде, а я в то время был в Москве, и мне не дали даже попрощаться с ней. Я бы немедленно прилетел. Я был бы около неё в больнице. Мне ничего не сообщили. И похоронили тайно от меня. Зачем так со мной поступили?

– Ты же знал: так хотел Валера!.. Чего непонятного? Он не хотел тебя видеть, знать. И почему ты опять это вспоминаешь? Ведь прошло уже время. Мы с тобой не раз говорили. Зачем ты себя мучишь, Лёня?

– Саша, ты помнишь, как он, собака, прогнал меня из их квартиры во Флориде? Я не могу вспоминать, захожусь в обиде.

– Вот-вот, «захожусь», – позволила Саша улыбнуться чужому ей словечку.

Саша всё помнила. Помнила, что тётя упростила бабушку Марию сделать Лёне вызов в Штаты как племяннику.

И та пошла на подлог и подписала необходимые документы. Чтоб уговорить бабушку Марию, пуганную культом личности, оттого не терпящую никакой лжи, подписаться под неправдой?! Страх Божий, но Женя уговорила. Лёня получил въездную визу в Штаты и стал жить в семье тёти Жени. Валерий с утра бежал на работу, а Женя с Лёней садились чаёвничать, не отводя влюблённых глаз друг от дружки. А потом они отправлялись гулять. Вечером – семейный ужин. Обстановка возвышенности и торжественности. «Валера, подай Лёне солонку. Валерий, ты забыл, что Леня не пьёт кислого вина, налей ему виски». Как Валера мог терпеть? И всё же терпел, шутил вместе с ними. А через два месяца он тактично и деликатно устроил Лёню на съёмную квартиру и даже вещи перевёз лично. «Не переживай, Лёня. Утром, когда Валера уйдёт на работу, приходи, и мы будем, как обычно, пить чай», – успокоила Женя дружочка.

И вот теперь, после внезапной, нелепой и несправедливой смерти тёти, молодящейся и какой-то беззащитно-обаятельной, прошлое мгновенно предстало пред Сашей. Странная ночь: стихотворение Тютчева, написанное на годовщину смерти любимой женщины, ночной звонок Лёни и его неподдельная боль и тоска... И Саша тихо сказала:

– Лёня, никто не виноват. И потом, ведь Валера так помогал тебе! Он хотел, чтоб у тебя свой угол был. Но ты же продолжал к ним ходить. Валера тебя принимал.

– Этот подлец подсматривал за нами, когда я у них жил. Приходил с работы в обед, стоял под окнами и слушал, о чём мы говорили. Он живёт, а её нет! Мне сегодня вспомнилось, как после смерти Женечки я приехал к её дому. Заходил в парадное, смотрел на почтовый ящик. Её руки касались этого ящика. Я не выдержал и поцеловал его дверки. А потом я всю ночь просидел на скамейке, глядя в её окна, как в её глаза, когда мы пили чай ещё в Москве. Очнулся к утру, вся моя одежда была мокрая от слёз. Почему она ушла? Сколько тварей живут в этом мире, и ничего с ними не случается!.. А с ней случилось. Почему?

– Что ты так убиваешься? Что было, того не вернуть. И Валеру тоже можно понять – он был её мужем. Валера её любил, и она его любила.

– Саша, я сегодня думал о ней. А потом думал об этом мерзавце. Как он мог не дать мне проводить Женю в последний путь?! Ты знаешь, Саша, я никогда никого не бил. А тут со злостью стал думать: вот бы встретить его и ударить кулаком в морду. А когда упадёт, бить ногами. Бить и бить козлину поганую.

Всхлипы шуршали в трубке. Откуда он звонит? Из Москвы? Из Америки?

– Лёня, остановись! Я не хочу этого слышать. Прошу, остановись.

Натикало три часа ночи или утра? Для электричек – утра. Саша попыталась уснуть, но куда там! Сна не было ни в одном глазу. Всеми силами отгоняла мысли о Жене, умершей в Америке, о Валере, но всякий раз странная биохимия взаимоотношений Жени, Валеры и Лёни возвращалась к ней новым случаем, давно позабытым. Иной раз сама не поймёшь, что с тобой происходит, а как других понять? Как понять того же Валеру? Почему он так долго терпел Лёню? Как понять Лёню? Наверно, у него была настоящая любовь с Женей? Но почему, почему, не любя друг друга, Женя с Валерой жили вместе? А то, бывает, любовь есть, а вместе – нельзя! Любовь непонятна и беспощадна. Она никого и никогда не жалеет. Вот взять хотя бы Валеру... Всю жизнь работает не покладая рук, как говорится, развернулся, целиком впаялся в капитал. Квартира во весь этаж в доме невысказанной красоты, отделана полудрагоценными камнями. И что? Это счастье? Женечки нет. Богатый и одинокий. Что у него в душе?

К утру количество децибел за окном возросло. Москва гудела, шумела, брэнчала и скрежетала во всю Тверскую. Саша проводила мужа, прилегла на диван. Стала листать последний журнал моды в надежде, что удастся успокоиться, немного поспать. Но вскоре – совсем ерунда! Звонок из Америки с драмой всей жизни... Сатанизм! Кому их драмкружок или драмклубок интересен? От недосыпа

и невнятицы жизни Саша устала, не желая слушать никого. Валера, Валерий... В просветах грязных туч обнажился солнечный диск, сверкнул золотом осени, рассыпая лучи куда попало...

– Саша... Здравствуй! Это – Валерий! Узнала?

– О Боже! Да, Валера! Здравствуй! Сегодня – «день молитвы и печали», «память рокового дня». С ночи телефон заливается погребальным звоном.

– Саша, я – о тебе, обо мне... Нам нужно встретиться. Приезжай.

Саша оторопела:

– Что-то случилось?

– Случилось... Да. Давно случилось. Только я скрывал...

И нервирующий звонок стал обрастать всеми гранями, тенями и оттенками тех драгоценных камней, о каких мало кто мог помечтать в позапрошлом веке. К её удивлению, голос Валерия доносился словно эхо из другого мира, планеты, мимо которой она случайно прошествовала с зонтиком.

Несчастный Валера клялся, что всегда любил её и только её, Сашу, сохранял брак с тётёй Женей ради неё, желая видеть её, только её в своей квартире, какими бы редкими ни были визиты к тётё Жене. Ну не изящно ли сплетённое кружево на ночной столик Алексея? Волна воспоминаний о тётё, о её кажущейся легкомысленной дружбе с любимым мужчиной и затем её внезапном уходе из жизни далее качивала сердце, ум, душу... И вот ещё груз – из самоцветов!

Шёл мелкий затяжной дождь, какой бывает поздней осенью только в Москве. Надев резиновые сапоги, натянув толстый свитер и без зонта, Саша вышла на улицу. Долго бродила меж параллелепипедов и кубов, погружённая в себя, не замечая ни людей, ни машин.

Потом стояла на набережной Москвы-реки и неотрывно смотрела на тёмную воду. Некоторые мужчины, проходя мимо, не могли удержаться, чтоб не полюбоваться красивой женщиной с печальным лицом. Высокий парень подошёл и протянул ей свой зонт:

– Люди беспокоятся, видя, как вы мокнете под дождём. Что-то случилось? Может, помочь?

– Нет, нет. Спасибо. А зонтик заберите, мне пора уходить.

Но парень убежал, крикнув на ходу:

– От души и с любовью.

Саша неторопливо двинулась вдоль парапета набережной. Тяжёлая вода неопределённого цвета текла, образуя кое-где еле заметные водовороты.

Прошёл выкрашенный в белое пассажирский теплоход. Стоявшие под тентом ребята махали ей руками, что-то весело крича. «Давай к нам...» – донёсся отголосок. Впрочем, неважно, что насыщало смыслом осеннюю атмосферу. Важно то, что ей захотелось на теплоход. И плыть куда-нибудь, плыть. В Индию, в Антарктиду... А если взять и прыгнуть сейчас в воду? Доплывёт ли она до прибрежного мелководья? Кинется ли кто с гранитных отвесов набережной ей на помощь? А вдруг посреди реки утонет? Будет ли кто-нибудь убиваться по ней так, как Лёня убивается по Жене? Её зеленоватые глаза мерцали изумрудным светом ночи, словно там поселилась какая-то тайна, и эта тайна изменила её походку и выражение лица, утомлённого, но прозревшего некую глубь человеческой реки.

Брошенная

В тёмном осеннем пруду кружились гонимые ветром золотистые листья клёна.

«Словно звёзды в ночном небе», – подумала Татьяна Петровна. Её печальные красивые глаза оживились.

Однако блеск в глазах тотчас иссяк, будто тучи снова набежали на лицо, и, закрываясь от них, она отвернулась от пруда. Похожей красоты женщин можно встретить только в провинциальных русских городах, вдали от московской суеты.

Тонкие черты не молоденькой, но ещё очень привлекательной женщины... Прямой нос, маленький изящный подбородок, фигура тонкая и не потерявшая ещё своей гибкости. И большие карие глаза.

Татьяна Петровна смотрела на кружащиеся над водой листья, и жёлто-красный хаос мыслей метался вокруг. Покружат, покружат листья клёна и опустятся на илистое дно. Сгинет, пропадёт красота, превратится в частицу ила. А душа? Оголилась её душа и стынет, стынет.

«Брошена, брошена...» – била острой болью в сердце неотступная мысль.

Мужем брошена, отринута, не хозяйка дома, не жена. Вчера ещё был праздник: она гуляла в усадебном парке и любовалась багрянцем кленовой листвы, солнечные предзакатные лучи проникали сквозь золотое марево листьев и отражались в чистой и светлой воде пруда.

Приехал из Москвы муж Вениамин – чужой, отстранённый. И вместо приветствия и поцелуя тут же объявил, что он от неё уходит. На её недоуменный и встревоженный взгляд резко ответил:

– И не смотри на меня так, как будто я серийный маньяк. Нормальный я мужик. Не получается у нас с тобой. Да и влюбился я.

– Веня, ты шутишь? Разыгрываешь меня? Да?

– Какие уж тут шутки?! Бросаю я тебя. На Ленке, секретарше, женюсь.

И всё. Муж немедленно уехал в Москву. А она вот стоит у пруда и не может до конца понять, что случилось. Умом понимает, а душа не принимает. Не принимает никак, и всё. Ей почти сорок лет. Двадцать лет в браке. Дочь Катя на первом курсе театрального института учится. Как теперь вести себя с друзьями, со знакомыми? Весь мир, близкий и родной мир в одночасье стал рушиться. Как можно это принять? Неправда это, неправда! Она вдруг выпрямилась и побежала в дом, чтоб позвонить.

– Лена, это Татьяна Петровна. Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Простите, Татьяна Петровна. Я люблю его. Простите... Он сам вам всё сказал...

И в трубке набатом зазвучали долгие гудки.

За одну ночь мир стал иным. На траве светится изморозь. Подул пронизывающий северный ветер, по небу бежали тяжёлые рваные тучи. А клёны стали голыми, сиротливыми, совсем не похожими на себя вчерашних. За одну ночь!

Развелись тихо, без шума. Ушли в прошлое истерики и стыд от пронизывающих и всё понимающих взглядов бывших подружек. Большинство из них были жёнами друзей Вениамина, и все они тут же от неё отвернулись. Дочь восприняла развод родителей спокойно, сойдясь по-дружески с новоявленной женой отца. Это с мачехой-то при живой матери?! Татьяна Петровна не забыла, не простила, не смирилась.

Прошло время. Опять роняли клёны листву, опять подуло холодом, засверкали льдинки на лужах. Через год она стала уже подумывать о том, что их развод с мужем – развязка бабьего лета... И может быть, в этом была её вина? Ушло влечение, осталась привычка: позаботиться о муже, встретить его с работы, проводить. Порвались те нити таинства, которые связывают мужчину с женщиной. Она вспомнила, как раздражалась по ночам, когда муж начинал во сне храпеть. А его нестерпимая привычка пить чай, втягивая со свистом жидкость! Как-то она мягко сделала

ему замечание, но он с обескураживающей улыбкой ответил: «А мне так вкуснее!..» А ещё растущие волосы на мочках ушей. Когда она с ним разговаривала, то старалась не смотреть на уши, чтобы не видеть этот кустившийся пух. Может, она его первой разлюбила? Кто его знает? А может, никогда и не любила?

Ни шатко ни валко стали переваливаться года. Она привыкла к положению брошенной жены. Ей стали нравиться свобода и независимость. Ей стало нравиться гулять одной или с новыми подругами по улицам города, всматриваясь в лица прохожих – мужчин и женщин. А ещё ей стало нравиться ловить на себе взгляды мужчин! И что самое главное: она как-то вдруг обнаружила, что с удовольствием всматривается в лица мужчин.

– Таня! Что с тобой? Ты вся светишься! С мужем сошлась? – как-то спросила приехавшая из Таганрога подруга. – Ты так помолодела!

– С каким мужем?! Чур на тебя! Я наслаждаюсь одиночеством.

– Ну, Танюха! Видно, тебе недолго осталось наслаждаться одиночеством. Мимо такой красавицы ни один стоящий мужик не пройдёт.

После развода она стала работать экскурсоводом в художественном музее «Наше наследие». Не из-за денег. Денег хватало. Муж оставил ей достаточно средств, чтоб жить безбедно. Да и усадьба с квартирой вблизи любимого пруда в переулке Гнилой Овражек осталась за ней.

Как-то она собралась к сослуживице отметить день рождения и взяла на работе отгул. Полдня потратила на магазины, но купила миленький подарок – серебряные подвески. Возвращалась домой в прекрасном настроении! Представляла, как явится к подруге в новом розовом платье с подарком в коробочке, упакованной в магазине в ярко-синий пакет.

«Синий цвет на фоне розового платья? Должно быть красиво. Да и подарок что надо! Камушки из аметиста подходят к цвету чёрных глаз подруги», – подумала, входя в свой подъезд.

Времени до встречи было предостаточно, и она не спешила. У лифта стоял молодой парень в майке, с чемоданчиком, с какими обычно ходят слесари по вызовам. Высокий, с накачанными бицепсами, парень ей сразу понравился. Открытый взгляд широко поставленных глаз. Улыбчивый.

«Красивый парень, но очень молодой. Какого чёрта я на него плююсь?» – подумала Татьяна Петровна и демонстративно отвернулась, бессознательно улыбаясь.

– Вы так хорошо улыбаетесь, что так и хочется прикоснуться к вашей улыбке, – вдруг неожиданно сказал парень и, поймав её взгляд, добавил: – Губами.

«Нахал!» – радостно подумала она и ничего не ответила.

От парня шёл какой-то незнакомый запах. Резкий и притягательный.

«Банальная ситуация: молодой слесарь и молодящаяся дамочка едут в лифте. И у них завязывается роман», – мелькнула мысль.

– Так это вы здесь живёте? Вызывали слесаря? – спросил парень, когда они вышли из лифта на её этаже.

– Я не вызывала. Наверно, соседи. А вы что? Слесарь?

– Нет, я – инженер. Но был срочный вызов. Никого из слесарей не оказалось.

«Чем же от него так приятно пахнет? С ума можно сойти!» – подумала она, открывая дверь квартиры.

Парень продолжал стоять, наблюдая за ней.

«А вдруг он бандит?» – она, резко развернувшись, посмотрела на парня:

– Вам что-то нужно?

– Да. А впрочем, нет. Я у соседей спрошу.

«Какого чёрта я вступила в разговор с незнакомым женщиной? Дура! И почему он так смотрел? А запах, запах... Дура, дура! Да это просто запах пота молодого и здорового мужчины...» – И она отправилась в ванную принять душ.

Только успела раздеться, как в дверь позвонили. Наскоро набросив лёгкий ситцевый халатик, она побежала к двери, почему-то понимая, что это тот самый парень, и бессознательно желая, чтобы это был он.

– Я... я хотел бы позвонить. А у соседей никого нет. Можно? – спросил парень, когда она открыла дверь.

– Нет! Конечно, да... Нет. Входи, – забормотала она, теряя самообладание от звериного запаха его тела.

Её глаза заиграли золотистым цветом, словно кленовые листья на воде. Парень шагнул к Татьяне Петровне, она качнулась, падая и не понимая, что с ней происходит. Он подхватил её, прикосновение сильных рук обожгло тело, ситцевый халатик распахнулся, обнажились нежно-розовые крупные соски. Сознание обмякло, стон вырвался из груди, она стала хвататься руками за что ни попадя, пока не ощутила под цепкими пальцами мужские плечи.

С тех пор её жизнь как бы разделилась надвое: всё, что было до встречи с Олегом, не имело больше никакого значения. Как будто той жизни не было. Не было Вениамина и даже дочери. Была ли прошлая жизнь? Разве сразу вспомнишь? На счастье, дочь вышла замуж за американского фермера и почти перестала появляться в жизни Татьяны Петровны. Её жизнь – это Олег, маленький сын и любовь... И пусть разница в возрасте пятнадцать лет. Пусть... Олег влюблён в неё до беспамятства. И пусть их сын Олежка – одноклассник внука. Неважно. Она тоже влюблена в Олега до беспамятства. А что ещё ей нужно? Муж, ребёнок и она, возлюбленная... До какой поры, до какого срока? Надо ли считать осени, зимы? Или пусть всё идёт так, как идёт? Кто знает, сколько продлится это блаженство: день, два, неделю? Разве хочется об этом думать, когда мир вокруг прекрасен? И счастье переполняет его.

На ажурном мостике, перекинутом через пруд, в старинной усадьбе, стояли мужчина и женщина. Сквозь золото листвы осенних клёнов пробивались лучи закатного солнца и освещали чистую и покойную воду.

Смысл всей этой жизни – в любви. И нет и не будет другого смысла.

Певица

Ирадность светящаяся, и скука суетная – всё есть в её жизни. Но радости намного больше. Два сына: младший ещё школьник, но уже музыкант настоящий: скрипка, флейта, гитара – всё ему подвластно. А всё она! Её настойчивость, её забота и, наконец, её уроки музыки сделали из Олега музыканта. А старший, Святослав – нет... он из другого теста, будет юристом. Вот муж... А что муж? Живут в любви и согласии. Как голубки, воркующие у весенних нечистых луж: вокруг месиво грязное, чавкающие ботинки, гарью дышащие авто, а им всё равно – у них любовь. Они не видят этой неуютной суеты, смотрят друг на дружку и воркуют, воркуют под ярким весенним солнцем.

Женщина лет за сорок, но статная, поёживаясь, смотрела в сторону Крещатика. Утреннее небо было затянуто сплошными тучами, такими низкими, что, казалось, они заглядывают в окна старинного доходного дома на Владимирской горке.

Мокрый снег вперемешку с мелким дождём. «Бр-р... И это январь. Но хочешь не хочешь, а надо. Вперёд, Светик! – подбодрила сама себя. – Вас ждёт холодная купель, сударыня!»

Светлана Непейвода каждое утро, летом и зимой, купалась в Днепре. И не боялась простудить голосовые связки, хотя и была певицей. Окунётся в прорубь, и – будто бы родилась в водах – в глазах вспыхивают огоньки.

Светлана выбежала из дома и, перекрестившись на старинный костёл, пустилась вниз к реке. Пока семенила, перебирая камни тротуара каблуками спортивных ботинок, в голове складывался день: репетиция на студии, потом – запись песни. Как она пойдёт? Поэт Родин из Москвы будет на записи.

У дымящейся проруби быстро освободилась от спортивных брюк и свитера и в одних плавках решительно прыгну-

ла в прорубь. Она начала купаться зимой ещё со студенческих лет, и всегда – без лифа. Говорят, что холодная вода делает груди твёрдыми. И действительно: её маленькие груди с ярко-красными сосками вызывали в студенческой среде зависть. А Георгию и сейчас нравятся! Хотя Георгию по статусу положено восторгаться. Муж всё-таки. А дирижёр оркестра, старый хрыч Леонтьевич? Так и норовит при случае прижаться. Или вот недавно в трамвае какого-то пьяненького мужичка качнуло, а он давай облизываться, как на масленицу кот, и бормотать: «Ну и ну! У тебя что там? Камушки? Давай в кино сегодня ходим, а?» – норовил привязаться.

Выскочив из проруби и не обращая внимания на зимних купальщиков, она стала, как обычно, растираться полотенцем до красноты кожи. И тут она увидела его: в красных узеньких плавках, под два метра ростом, мускулистый, с копной чёрных волос. Господи! Он стоял босыми ногами на льду и восторженно смотрел на неё.

– Ой! Мама родная!

Где полотенце?! Ну ёлки-палки! Прикрыться бы!

– Сеньорита, простите. Вы – Непейвода? Певица Светлана Непейвода? Ваш поклонник – Илья Гусаров. Не имел чести встретиться раньше. Но мечтал.

Она замерла перед ним в стыдливой неловкости под твёрдым взглядом мужчины...

«Илья Гусаров! – молнией пронеслось в голове. – Не может быть!»

Кто из артистической братии не слышал о знаменитом меценате Илье Гусарове? Геолог, нефтепромышленник, золотоискатель... А кто он на самом деле? Ловелас, сердцеед? Слухами о его деньгах наполнилась вся земля Киевская. И он легко их тратит. Тратит на артисток. Многие известные звёзды и звёздочки российской эстрады обязаны своим восхождением на желанный олимп ему, льву артистических тусовок. Зашуршали в голове мысли, словно золотинки пляжного песка, где некогда они встретились с мужем.

Гусаров, приложив руку к сердцу и слегка поклонившись, продолжил:

– Сеньорита, специально приехал из Москвы, чтоб познакомиться с вами. Вы – лучшая певица в Украине. Первый раз в жизни окунулся в зимнюю прорубь только ради вас.

– Сеньор, – оправилась Светлана от смущения, – благодарю вас за внимание. Я – не сеньорита, я – сеньора. Благодарю за честь.

Знакомство состоялось. Светлана легко побежала вверх из-под кручи, плохо замечая ступени, как олимпийский чемпион бежит с факелом, чтоб зажечь огонь в чаше. Вот так и она бежала, гордо неся свой восторг от встречи с красавцем, богатым и щедрым богом. Надо же! Будто ради неё приехал в Киев! Заранее выяснил, что она по утрам купается в этой проруби! И ради знакомства с ней нырнул в эту самую прорубь! И сегодня они встречаются! К чёрту запись песенки! Родин никуда не денется. Тем более что с молоденькой певицей недавно завёл творческие шашни. Предатель! Но что её Родин теперь? Возможно, она запишет наконец полный альбом с лучшими симфоническими оркестрами! Она представила, как она сама себе аккомпанирует на бандуре, а за её спиной – симфонический оркестр. И обязательно Олег тоже в оркестре. Выбежав на горку, она остановилась и пропела:

*Ніч яка місячна, зоряна, ясна.
Видно, хоч голки збирай.
Вийди, кохана, працюю зморена,
Хоч на хвилиноньку в гай.*

Как будто не было бега по лестнице – голос летел легко и непринуждённо, как у вольной птицы в предчувствии весеннего гомона.

На кухне копошился Георгий, готовил завтрак – яичницу на сале с томатами. Любит она яичницу с салом, ой как любит! И не отказывает себе в удовольствии раз в неделю побаловаться этим деликатесом. У неё сумасшедшая энергетика: всё сгорает, никаких диет и никаких проблем с весом. Но на этот раз она отказалась от любимого блюда:

– Гоша, чашку кофе, и всё.

– Света, уже всё готово. Почему не будешь?

Но она, не отвечая, скрылась в душевой. Как?! Душа поёт, а тут – на тебе: яичница с салом. И как объяснить Георгию? «А не буду ничего объяснять! Да и нечего пока объяснять», – успокоилась она.

После контрастного душа долго стояла перед большим, во всю стену, зеркалом в ванной и внимательно себя рассматривала. Стройная, как у молоденькой девочки, фигура. В углах глаз уже образовались морщинки, но они скорее красят её лицо, чем портят. Карие глаза с блеском влаги, как будто слезинки выступили, но в глазах нет грусти. Нет-нет, это, скорее всего, смешинки, чёртики, как говорится, прыгают. Нос прямой и тонкий. Повернулась к зеркалу спиной, нагнулась, легко достав ладонями пол, и посмотрела на отражение в зеркале. Тут же прыснула смехом. Увидел бы её кто в такой позе. Но сзади она ещё тоже куда как хороша. Вспомнилась польская поговорка: «Сзади лицеум, спреду музеум». Нет, к ней это не относится. У неё «спреду» тоже «лицеум».

Наскоро распрошавшись с Георгием, убежала в салон красоты. Никогда не ходила по салонам. Всё сама научилась делать. А сейчас – нет, не тот случай. У неё встреча вечером с меценатом. «А как же концерт в Доме учителя?!» – внезапно ударила мысль. Она никогда не отменяла выступлений. Никогда. «А попрошу Стасю Донцову! Пусть подменит меня, споёт на концерте и запишет песню без слов Родина. Тем более они что-то втайне затевают вместе. Стася молодая да ранняя. Но голосище – дай Бог каждой. Будет, будет из девочки толк. На пятки наступает». Стася с восторгом приняла её предложение: ей – Родин, мне – Гусаров.

День прошёл как во сне. Ждала и не могла дожждаться вечера. Звонила поэтессе Громошкиной, чтоб рассказать о Гусарове, но в последний момент стусевалась. Конечно, подруга порадует за неё, но рано хвастаться! Да и поэтесса – баба холостая, не промах. Если захочет, то обернётся такой фурией! – отобьёт любого. Особенно когда начинает петь в компании или стихи читать. До сих пор ходит бай-

ка, как она несколько лет назад в Коктебеле свела с ума какого-то московского поэта. Жену чуть не бросил ради неё. Нет-нет, не нужно ей пока говорить. «Тьфу, я уже начинаю к Ларисе ревновать. Что же это такое? И кто он мне? Да и не собираюсь я с ним шашни крутить», – она гордо вскинула голову с великолепной причёской, сделанной в салоне красоты.

Вечером Гусаров прислал к дому машину – блестящий «ягуар». Георгий даже руками всплеснул:

– Света, кто же за тобой это прислал? Более двухсот тысяч баксов на колёсах.

– Гоша! Не доверяешь мне? Меценаты новые замаячили на горизонте. Сегодня показываю им новую песню.

С трудом удалось Георгия оставить дома.

Встреча была намечена в расписных интерьерах старинного ресторана в центре города, недалеко от Крещатика. Рядом с рестораном, через стенку, – великолепное экстра-современное здание известного коммерческого банка. Вечер получился словно сказка из «Тысячи и одной ночи». Весь зал был выкуплен для них двоих. Повсюду охрана Гусарова: молчаливые парни на входе, в коридоре, у двери в подвал, на кухне. Со сцены лилась музыка, играл камерный оркестр. И везде цветы, цветы. Букеты её любимых белых роз. И рядом с ней этот бог в смокинге, предупреждающий каждое её движение. Он знал почти все её песни, даже куплеты напевал на чистом украинском языке.

– Илья, мне, право, неудобно. Я не привыкла! Столько цветов! Мои любимые белые розы! Как вы узнали?

– Вы – украинская королева песни. А для королевы – королевский приём.

Как ответить ему? Чем? Светлана пошла на сцену. Две новые песни в сопровождении оркестра: «Зозуля» на слова поэтессы, известной на Украине, – Лужиной и «Зов любви», записанный с Александром Родиным. Вот чем она ответит сегодня Гусарову. «Зря я отреклась! Родин пригодился! „Зов любви“ – что надо! А Лужина как радуется!» Пела единственному слушателю – Илье Гусарову. И ответный восторг был для неё едва ли не более значи-

мым, чем овации публики в концертном зале «Украина». Всё было деликатно, никакого намёка на что-то ещё. Илья Гусаров показал себя рыцарем. Втайне она надеялась – он пообещает финансировать запись её нового музыкального альбома в сопровождении Венского симфонического оркестра. Выпуск нового альбома в Вене! И Гусаров не разочаровал певицу: попросил подготовить тексты и ноты новых песен.

Далеко за полночь «ягуар» доставил её домой с охапкой великолепных белых роз. Хмурый Георгий посветлел, когда она ему рассказала о встрече с меценатом и о предложении записать новый музыкальный альбом в Вене.

На следующий день её вызвали в милицию. Оказалось, что в ту самую ночь, когда она пела песни для своего единственного слушателя, был ограблен коммерческий банк через подкоп, сделанный из подвала ресторана. Светлана испытала шок и потрясение. Её допросили и взяли подписку о неразглашении тайны вопросов дознания. Илья оказался ловким и успешным мошенником-грабителем: свои налёты он обставлял с великосветским шиком. И никогда никому не попадался в сети.

Дознаватель показал фотографию настоящего Ильи Гусарова – мецената из Москвы, невзрачного лицом, тщедушного господина. Далеко не красавца и не героя песен Светланы Непейводы, несомой волнами «Зова любви», бес его дери, Родина, с его записью... Как теперь в студии работать? Душа охладела, словно насовсем осталась в проруби.

* * *

Об этом ограблении не писали в газетах, не говорили по ТВ. Так захотел банк. Деньги шума не любят. Позже следователь, глядя на Светлану влюблёнными глазами, по секрету сказал, что денег и драгоценностей было украдено на десятки миллионов долларов США. И чёрт с ними, с деньгами банка! Наживут ещё. А был ли звенящий счастьем вечер? Неужели всё было наваждением? Но постепенно

жизнь вошла в прежний ритм: записи новых песен, концерты и обязательное купание в Днепре, в любое время года, в любую погоду. Хотя нет, где-то глубоко в душе оставалась тоска по несбывшейся сказке.

Долго ли, скоро ли, но погода переменилась, и весеннее солнце обогрело её. Австрийский меценат, глава известной в мире фирмы хрустальных украшений, оплатил выпуск сольного музыкального альбома украинской певицы Светланы Непейводы «Зов любви». Вот и поверь после этого, что чудес на свете не бывает! Бывают, но только надо верить в чудо, и оно однажды обязательно явится к тебе. Неважно, когда и где это случится: в ледяной проруби или в русской бане с берёзовым веником, рано утром или ночью. Ведь певица Светлана Непейвода то в Вене, то с концертами на Сахалине, и по утрам ей готовит кофе и бутерброды с икрой морских ежей её муж, или, как его с любовью кличут в кругу друзей, – свет-Георгий. Но раз в неделю он обязательно подаёт ей любимое блюдо – яичницу с салом. Не соскучишься! Вена и Сахалин – такой далёкий и такой романтичный! Остров штормов и туманов. Остров тёплой и снежной зимы. А что нужно женщине-актрисе? Чтобы были поклонники, чтобы был восторг, чтобы её обожали.

Ходят слухи, будто бы на морском побережье недалеко от кипрского города Лимассол находится чудная белая вилла, скрытая от посторонних взглядов высоким зелёным забором и вечнозелёными зарослями китайских роз. Вилла кажется пустынной и необитаемой, но каждую весну, когда начинают цвести китайские красные розы, сюда приезжает моложавая стройная женщина. Если бы можно было заглянуть за зелёный забор, то любопытствующий увидел бы накрытый стол на двоих и везде живые белые розы, а за столом – русоволосую красавицу и высокого атлета с чёрной копной волос, одетого в смокинг. И всё это на фоне спокойного морского простора. И может быть, удалось бы даже увидеть сцену с симфоническим оркестром и услышать украинскую народную песню в исполнении русоволосой гостьи.

Великая сила кроется в песне, особенно когда она звучит в исполнении красивой женщины. У ног певицы может оказаться не только Сахалин, но и весь мир.

Приезжающие с Кипра туристы рассказывают, что на местном радио в Лимассоле можно заказать по заявкам песни в исполнении Светланы Непейводы на украинском и русском языках. Так скоро, глядишь, и на греческом запоёт. Скоро её весь мир услышит.

Дульсинея из Киева

(Из жизни одинокой женщины)

Неправда, что женщина не умеет быть другом мужчине! Нашей дружбе с Ириной Муратовской много лет, началась она очень и очень романтично. Именно так, как поётся в известном романсе:

*Вы помните поезд и наше купе –
Любви незабвенной начало?
И был вместе с нами кудесник Шопен,
И музыка в сердце звучала.*

Кому – любовь, кому – страдание, но дружба у нас получилась крепкая. Как-то мы говорили с Ириной о женском одиночестве. Я опрометчиво заявил, что красивые и успешные женщины никогда не бывают одинокими. В ответ Ирина рассказала небезынтересную историю.

Её звали Дульсинея. Разумница. Красавица из красавиц. С серыми огромными глазами. Успешный музыкальный критик. Заядлая театралка. Фитнесом занимается – три раза в неделю плавает в бассейне по утрам. А модница какая! «И куда мужчины смотрят?» – не раз подумывала Ирина. Видно, не туда, потому что Дульсинея – одинока: ни мужа, ни друга сердечного. С именем ей, конечно, не повезло: кто-то при знакомстве переспрашивает, как её зовут, кто-то начинает ёрничать, передразнивая, мол, Дуся и есть Дуся, а никакая не Дульсинея. Но подруга всегда была против такого упрощенчества. Ира зовёт её Дульсичка, иногда – Дульсия, но не всем это позволено. А когда к имени добавляется отчество, то слишком привередливому мужчине становится совсем невмоготу. На что уж интеллигентный директор киевского издательства Игорь Ростиславович, и тот не сдержался и как-то сказал:

– К имени Дульсинея ещё можно привыкнуть, но Карла душа не принимает. Дульсинея Карловна! Язык сломаешь. Лучше уж просто Дульсинея или Дульсия!

– Игорь! – пыталась образумить его Ирина. – А что – Карл? Чем тебе не нравится? С выдумкой были родители Карла из Полтавы и назвали мальчика в честь короля шведского. И Карл Петрович с выдумкой оказался – дал дочери имя Дульсинея. Хорошо, что не назвал Дульсинеей Тобосской! Дульсичка – настоящая женщина, в отличие от прекрасной дамы Дон Кихота! Одни серые глаза чего стоят!

– Серьёзная слишком. А мужики весёлых любят.

– Игорь, давай познакомим её с хорошим мужчиной. Ей уже тридцать пять, а она – нецелованная. В моём издательстве – одни женщины, и все при мужьях. А у тебя не найдётся достойного жениха для нашей Дульсички?

– Уволь, Ира! Ещё бабы донесут жене, и она подумает, что для себя стараюсь. Ну её к чёрту, твою Дульсинею! Пусть лучше запишется в какую-нибудь геологическую экспедицию или в союз поэтесс, куда заходят мужики неужённые.

– Да ты что! Она любую оперу по полочкам разложит, по-французски свободно говорит! Её статьи о музыке в Париже печатают! Всю жизнь среди меломанов. Нечего ей делать в тайге среди мужиков, медведей и комаров!

– Родиться ей нужно было в другое время и в другом месте. Имя странное, отчество странное. Дульсинея родом из Полтавы!

Вероятно, Игорь специально отводит от себя подозрения, ведь ему явно нравится Дульсинея! Впрочем, ему все красивые женщины нравятся. Он по натуре эстет, окружает себя редкими вещами и эффектными женщинами. Как большинство видных мужчин, он сродни нарциссу. Любит и себя, и когда его хвалят. Но на авантюру он не способен! Хотя кто знает этих мужчин, на что они способны? Вон у Каролины, корректора из издательства, на что муж был домашним и покладистым, всё равно не устоял, съехал с катушек. Она ему двоих детей подарила в свои неполные тридцать лет, а он вдруг словно взбесился, бросив семью ради молоденькой продавщицы из супермаркета. Хотя, на-

верное, Игорь прав: есть такие мужчины, которые боятся женской красоты, есть. Мужчина – трус? Или слишком гордый, опасается фиаско? Иная женщина только и мечтает, чтобы кто-то её приступом взял! Мечтает, но не может показать свою расположенность ни намёком, ни взглядом. Будто бы воспитанность не позволяет, а невоспитанность говорит: «Что? Да пожалуйста».

Однажды Ирина выбралась во Львов на выставку Олеся Мыкыты и пригласила с собой Дульсинею. Там познакомились с двумя художниками – оба высокие и статные, один брюнет лет под сорок, другой блондин, чуть старше. Они сразу положили глаз на Дульсинею и с неподдельным интересом стали за ней ухаживать: дали свои визитки, пригласили на поэтический вечер. А на Ирину – ноль внимания. Ей даже стало как-то не по себе. Она-то думала, что если пригласят куда-нибудь, то сходит ради подруги. Ну не привыкла Ирина, чтобы мужики её игнорировали! А тут оба, и Влас, и Евсей, чуть ли не на руках носят Дульсинею. И имя их ничуть не смущает. В общем, понятно стало, что оба влюбились в Дульсичку. Такое только в старых советских фильмах случалось, а в наш век... Ирина решила оставить подругу с мужчинами:

– Дульсичка, прости, родная! Мне нужно бежать. Муж сегодня с дачи придет. Запомню я. Обещала ему позвонить, не то без меня зачахнет. Сам, без инструкции, даже котлетку не разогреет.

– Как же так, Ирочка? А я? Я тоже с тобой.

Но Влас и Евсей тут же в один голос закричали:

– Оставайтесь! Мы не отпустим вас, Дульсинея!

– Влас, Евсей! Оставляю вам Дульсичку, – поцеловав подружку в щёчку, крикнула Ирина.

Она помахала им ручкой – и в гостиницу. Хотя есть подозрение, что в мастерскую львовского художника Мыкыты.

На следующий день с утра Ирина зашла в гостиничный номер к подружке.

– Дульсичка, привет! Рассказывай. Кто тебя провожал?

– Оба.

– Как оба? В таких случаях один кто-то остаётся. А тебе кто из них больше нравится? Влас или Евсей?

– Мне оба нравятся!

– Ну, подружка! Ничего себе тихоня! Не было ни одного ухажёра, а тут сразу два! И как оно было?

– Посидели в кафе. Шутили. Хорошие они. Рассказывали много о современном искусстве. Мне было интересно.

– Телефон оставила кому?

– Оба взяли мой номер. Обещали позвонить.

И закрутила-завертела Дульсинею волна свиданий с Власом и Евсеём. Иногда друзья просто приглашали в парк погулять, а то и в театр вместе ходили.

Как-то Дульсинея позвонила Ирине:

– Ира, давай в кафешке рядом с твоей работой пообедаем. Поговорить хочется.

– Конечно, Дульсичка. В час сегодня, идёт?

– Замётано, – засмеялась Дульсинея.

Ирина опешила. Вот это влияние свободных художников! В речи культурнейшей Дульсинеи появились жаргонные словечки. Что-то дальше будет?

В кафе Дульсинея пришла в модной белой юбке до колен и лёгкой кофточке, на руке браслет от «Пандоры» и ожерелье той же фирмы.

– Дульсичка! Модница!! Как твои художники? «Пандоры» – от кого?

– Браслет от Власа, ожерелье от Евсея.

– Невероятно! Ты что, гуляешь сразу с двумя? И подарки от обоих принимаешь?

Подруги долго обсуждали странную ситуацию с ухажёрами. Ирина никак не могла взять в толк, что замышляют друзья.

– А картины ты их видела? В мастерскую приглашали? Возможно, они никакие не художники. Вдруг они мошенники и просто хотят втереться к тебе в доверие и потом ограбить?

Оказалось, что в следующее воскресенье Влас и Евсей пригласили Дульсинею в свою киевскую мастерскую. Вот это да!

Измученная многолетним одиночеством, Дульсинея никак не могла решить, кто из поклонников ей больше нравится. Оба хорошие. Влас – весёлый, искромётный, знаток

поэзии и вина. В ресторане он мог на спор по букету определить марку вина. Евсей, наоборот, был сдержан, скуп на слова, но всё, что он говорил, ей было очень интересно. Весёлый синеглазый Влас и степенный Евсей – два сапога без ботфортов для Дульсиinei!

Ночами она долго не могла уснуть, вспоминала свою незадачливую жизнь. Что в ней было? Ничего яркого. Была любовь в десятом классе к Димке, и он её любил вроде бы. Пошли в кино, сели на последнем ряду, и как только выключили свет, парень жарко задышал и, лихорадочно тиская её, полез целоваться. Она оттолкнула Димку и убежала из кинотеатра. На этом первая любовь и закончилась. В институте появились воздыхатели, но ей не до них было – учёба всё время съедала. На последнем курсе связалась с аспирантом Валерием. Но со временем отношения сошли на нет, и потом она никогда не вспоминала о нём. Видно, так суждено. Мужики не те попадались, ни в кого не влюбилась. А тут сразу два, и такие интересные, оба нравятся ей. Да ещё туда-сюда мотаться между Киевом и Львовом – чем не романтика!

Накануне визита в мастерскую художников она долго сомневалась: идти – не идти? А вдруг это не мастерская, а ловушка? Проверила через интернет. Нет, всё правильно. Влас и Евсей, художники, мастерская на Владимирской горке, салон во Львове. Позвонила Ирине:

– Ира, как ты думаешь, мне идти в гости к Власу и Евсею?

– А где у вас встреча?

– На Софиевской площади. Посидим в кафе, а потом в мастерскую.

– Дульсичка, иди. Обязательно иди. Думаю, что сегодня всё решится. Мужики должны разобраться. А если нет, предложи им сразиться на дуэли ради Прекрасной Дамы! – засмеялась Ирина.

– Это был бы выход, – поддержала шутку Дульсиinea.

Перед свиданием она перебрала весь свой гардероб и остановилась на синей юбке свободного покроя и белой блузке, подчёркивающей её фигуру и бюст. Но начала она с нижнего белья: тонкие салатные шортики и в тон им лёгкий, но плотно прилегающий к телу топик, заменяющий

бюстгальтер! Вообще-то она может обходиться и без бюстгальтера! Маленькие радости.

Гуляли втроём на Софиевской площади. «До чего же красиво! – думала она. – Купола храмов! Если бы не эта уродина – гостиница „Хаят“! Зачем её построили в этом месте? Дань времени? Уступка бизнесу? Политиканству?»

– А давайте не будем обедать. Купим мороженого и полакомимся в скверике.

– Оригинально! – подхватил идею Влас.

– Как скажешь, Дульсичка! Я – за, – согласился Евсей.

Они уселись на скамейке и весело болтали ни о чём. Дульсинея не могла избавиться от мысли, что сегодня, именно сегодня что-то должно произойти. И была надежда, что Влас объяснится ей в любви. А вдруг это будет Евсей? Пусть будет Евсей! Или Влас? Но пусть, пусть хоть кто-то из них скажет ей эти заветные слова – «Я вас люблю», как в романсе на стихи некоего Мареева, который она слышала недавно по радио:

*«Я вас люблю» – слова не новы,
Их говорили и до нас.*

Уже два месяца они втроём гуляют по Киеву, и вот-вот она услышит эти слова. Иначе зачем всё это? Для дружбы? Двое мужчин и одна женщина. Кто-то из мужчин – лишний. А если вдруг они скажут, что она должна выбрать сама? Нет, она не в состоянии этого сделать. Ей нравятся оба.

– Дульсинея, что ты, милая, вдруг прискучила? – засмеялся Влас.

– Не заболела, Дульсичка? – забеспокоился Евсей.

– Ребята, а пойдёмте в мастерскую. Мне интересно посмотреть ваши картины.

Минут десять ходу, потом по крутой железной лестнице куда-то под крышу. Массивная деревянная дверь, за ней мастерская под куполом из стекла. Море света, изумительный вид на лежащий внизу город. И картины, картины, картины. Два мольберта. В углу широкая кровать, покрытая огромным цветастым покрывалом.

– Дульсиня, иди в ванную комнату и прими душ. Полотенце на столике, – произнёс степенным голосом Евсей. Его огромные чёрные глаза смотрели на неё с восхищением.

– Да, Дульсичка! Иди. Мы с Евсеем ждём тебя.

И она пошла. Дверь ванной не стала закрывать. Медленно разделась, осматривая себя в огромном, во всю стену, зеркале. Стройная фигура. Тугие груди с набухшими красными сосками. Пока стояла под душем, вспомнила всю свою жизнь, скучную и одинокую. «А плевать на всё! Втроём так втроём!» – решила Дульсиня и, завернувшись в махровое полотенце, решительно вошла в студию. Влас и Евсей несколько секунд смотрели на неё из-за мольбертов во все глаза, а потом закричали почти одновременно:

– Дульсиня, ты прекрасна! Взбирайся на стол, и начнём работать!

– Дулься, сбрось быстрее полотенце, пока румянец со щёк не сошёл.

Картина художников Власа Корнецкого и Евсея Ливанова «Дульсиня из Киева» произвела фурор на выставке в Париже и получила первый приз.

– Ирина, а как же сама Дульсиня? – спросил я, выслушав её рассказ.

– О! С ней всё в порядке. Она вышла замуж за винодела из Франции и живёт в маленьком городке недалеко от Тулузы.

– А художники?

– Они продолжают дружить с Дульсинеей и часто бывают у неё в гостях во Франции.

По-своему оценил ситуацию Игорь Ростиславович:

– Конечно, красивая женщина может стать другом мужчины, особенно если он женщинами не интересуется.

В тот же день мы с Ириной Муратовской улетели на море, на Кипр. Ведь нашей дружбе три десятка лет, и разве кто-то может усомниться в искренности наших отношений?

Хотя такой человек нашёлся. Олесь Мыкыта из Львова, будь он неладен.

Маруся

«Летят гуси, летят гуси...» – напевал Чистюхин. Других слов из народной песни он не помнил. А слово «гуси» рифмовалось со словом «Маруся».

«Ах, Маруся! Ах, Маруся!» – пела душа.

В его жизни недавно появилась девушка. Маруся! Появилась – громко сказать: случилось так, что он ошибся телефонным номером, и ему ответил приятный девичий голосок: «Маруся. Слушаю вас». Потом позвонил ещё раз и ещё раз. И вот уже неделю он, мужчина за сорок, озадачен ею.

И что он знает про девушку? Ту малость, что сама рассказала: двадцати лет от роду, студентка, и всё. Но нет, он знает самое главное: она – кореянка, рост полтора метра и вес сорок четыре кэгэ. Он представил её миндалевидные глаза, раскосые и с влажным блеском. Статуэтка! Представил её учтивую манеру ведения беседы, и сердце от радости зашлось. И вдруг неожиданно для себя он пропел совершенно новые слова:

*Ах, Маруся, где ты, где ты?
Над землёй мой зов летит.*

Было воскресенье. Чистюхин сидел в потёртом плюшевом кресле и предавался мечтам. Появились сомнения. Если она кореянка, то почему Маруся? Хотя мало ли корейцев живёт в России с давних пор? Многие родились здесь, и имена у них – русские, а языка корейского не знают. А как хорошо она разговаривает по-русски! И какая вежливая! Нет, что ни говори, а восточная девушка, где бы она ни родилась, сохраняет свою особую натуру. Это у них в крови. Покорность, услужливость, почитание культа предков.

И в очередной раз захотелось позвонить далёкой, неизвестной, но уже любимой им Марусе. Набрал номер, но на том конце никто не отвечал. В этот день всё у него валилось из рук. Теперь он и думать не мог ни о чём, кроме как об этой загадочной восточной девушке. Звонил ещё несколько раз, и ничего. Молчание.

«Куда она подевалась? Всегда отвечала», – волновался Чистюхин.

Вечером телефон был всё время занят.

«То не отвечает, то телефон занят», – Чистюхин разволновался.

Наконец ответил приятный женский голос:

– Салон «Афродита». Слушаю вас.

– Какой салон?! Я звоню Марусе.

– Одну минутку.

– Да! Маруся. Слушаю.

– Маруся, это я, Кирилл. Здравствуйте.

После продолжительной паузы последовал ответ:

– Кирилл, что вы хотели?

– Маруся, я хотел бы встретиться.

– Я согласна.

– Завтра в восемь вечера. Пойдёте в кино со мной?

– Что? В кино?! Вы шутите. Приходите к нам. Я зарезервирую время.

И Маруся назвала адрес салона чётко знает на какой окраине Москвы.

Чистюхин был в недоумении, слушая короткие гудки. Что за салон? И почему раньше не говорила, что работает в салоне?

Со школьных лет Чистюхин был влюбчивым. Уже в первом классе он мечтал о пухленькой девочке Любе. Белокурая, с двумя косичками и с огромными голубыми глазами. Он постоянно думал о ней. И даже тетрадку для рисования подарил. Но однажды увидел, как Любочка, чавкая, уплетает котлетку в буфете. И любовь закончилась. На смену пришла длинноногая и худосочная Настя из параллельного десятого класса. Он долгое время пялился на Настю, боясь к ней приблизиться и сказать хотя бы слово. Весь класс

знал о тайной любви Кирилла, и это длилось до тех пор, пока как-то они не остались вдвоём под мостом во время грозы. Настя вдруг прижалась к нему и стала мелко и часто дышать. И эта любовь закончилась ничем. Потом были другие женщины, но к сорока годам он так и не женился. Он был заиклен на возвышенной и чистой любви и платонически мечтал о чистом божестве в образе женщины.

На следующий день он не пошёл в конструкторское бюро, где служил. Взял отгул. С утра погладил выходной костюм, а чёрный галстук с вековечным затёртым узлом развязал и постирал. Взял томик Анны Ахматовой и перечитал стихотворение «Любовь», повторяя наизусть любившуюся строфу:

*То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует...*

Подошёл к зеркалу и оценивающе осмотрел свое отражение: выше среднего роста, остроносый, лоб высокий, серые, глубоко посаженные глаза, седина незаметна на фоне русых волос. Не красавец, но и не уродина. И возраст нормальный: всего на двадцать лет старше Маруси.

Ровно в восемь вечера Чистюхин приехал по указанному Марусей адресу. Над входом висел рекламный щит с улыбающейся прекрасной дамой, выходящей из моря. И надпись «Салон красоты „Афродита“. Работает круглосуточно».

«Вот в чём дело – красоту наводит», – отлегло от сердца.

Открылась дверь, и широкоплечий парень в модном костюме с чёрной бабочкой вежливо спросил:

– Вы по записи?

– Я, собственно, к Марусе. Мы договаривались.

– Значит, по записи. Ваше имя?

Прошли в уютный холл, обвешанный фотографиями голых красавиц. Парень сверил имя Кирилла по компьютеру и предложил рюмку коньяку.

– А Маруся где?

– Подождите минут пять. Она приводит себя в порядок.

И действительно, скоро из боковой двери вышла миниатюрная корейянка, а может быть, японка или китайка. Именно такая, какой её представлял Чистюхин: красивая, учтивая, улыбчивая, с потупленным взглядом. О Небеса! Так не бывает. Он почувствовал, как сердце бешено заколотилось, – это была любовь с первого звонка, с первого взгляда!

Из стоящего на полке магнитофона лилась тихая восточная музыка. На душе стало покойно.

Но вдруг с грохотом открылась входная дверь, и в салон ворвался милицейский спецназ. Чистюхина и администратора уложили на пол. Рядом разместили ещё нескольких мужчин, вытащенных из других комнат. Марусю и полуодетых плачущих девиц посадили на пол отдельно.

Лежащий невдалеке от Чистюхина верзила, похожий на таджика, всё время икал, что раздражало до невозможности.

«Пусть арестуют, пусть побьют и отпустят, но лишь бы не слышать этого иканья».

Некто в маске с автоматом ткнул ботинком Чистюхину под бок:

– Давай паспорт! Лежать! Я сам возьму!

– Я, собственно... У меня свидание.

– Конечно, свидание! В бардаке! Теперь это называется свидание. Придурок.

Чистюхина стали обыскивать. Он лежал, задыхаясь от стыда и обиды.

Всех погрузили в милицейский автобус и отвезли в отделение милиции, где посадили в так называемый обезьянник. Толстый и неприятно пахнущий таджик продолжал икать. Впоследствии у него нашли бумажный пакетик с наркотиками и задержали. Остальных, включая Чистюхина и кое-кого из размалёванных девок, выпустили. Марусю, или по паспорту Чен Гы – китайку, содержательницу притона, а с ней нескольких подружек, китайских подданных, тоже задержали.

Он вышел из отделения милиции и поплёлся к трамвайной остановке. Было холодно. Зима только начиналась. Небо затянули сплошные тучи. Дул промозглый ветер. По бесснежным улицам ветер гнал обрывки бумаги, целлофановые пакеты, пожухлые листья, пыль. Он еле успел на трамвай, видимо, последний. В трамвае было две пары: пожилой забулдыга с женщиной и сидящие на переднем сиденье парень с девушкой, слившиеся в поцелуе.

– Гадость, гадость! Маруся, Афродита! Какие имена поганят! – шептал Чистюхин сквозь слёзы. – Всё – гадость. Жизнь – гадость.

С ненавистью посмотрел на целующуюся парочку: парень русоволосый, а девушка восточного типа. «Ишь, разбирает их. Страсти восточные. Скоро все мы будем с раскосыми глазами».

На конечной трамвайной остановке все вышли. Подвыпивший парень продолжал тискать хихикающую смуглую девушку.

– Свины! – громко крикнул Чистюхин.

Парень оторвался от девушки и удивлённо посмотрел на него:

– Что ты сказал? Это ты мне?

Забулдыга с женщиной остановились и молча стали смотреть.

– Тебе, тебе! Тискаетесь на виду у всех. Свины!

И он с ожесточением плюнул под ноги парню. Тот, резко развернувшись, пружинисто, как это делают каратисты, ударил Чистюхина ногой в горло. В последний миг своей жизни Чистюхин ясно увидел Марусю – она учтиво улыбалась, зазывая его в салон «Афродита». За дверью струился свет, чистый и нежный восточный свет. В лучах восходящего солнца, словно в сетке, беспомощно трепыхались гуси с утками – столкнулись две стаи, летели пух и перья, ломались крылья, и стояла тишина.

Голые женщины, или Необычные способности Ивана Голощепкина

Воскресенье Иван Голощепкин проснулся от криков пастуха: «Струля, назад! А-а, холера! Куда прёшь, оторва?!»

Затем послышался хлёткий хлопок кнутом. Голощепкин встал и недовольно закрыл форточку – отгородился от шума коровьего стада, возвращающегося с пастбища к обеденной дойке.

«Расшумелся на всё село. Показывает усердие», – подумал о пастухе Новодворском и снова забрался в кровать.

Голощепкин любил поспать с утра. А куда спешить? В селе по воскресеньям не работают. Праздник. Грех работать. А в будний день жена всегда найдёт работу: ты бы воды принёс, ты бы дров нарубил, ты бы, ты бы... «Тыбик» – одним словом, так в деревне его и прозвали. Чуть что – позовите Тыбика, скажите Тыбику... Безотказный Иван всем помогал. И все этим пользовались, начиная от собственной жены и заканчивая Кузьмичом, председателем колхоза. Колхоза давно нет, есть акционерное общество – сельскохозяйственное предприятие на арендованной земле у своих же селян, а директора Кузьмича по привычке продолжают звать председателем.

Настенные ходики отбили одиннадцать. Жены не было. Видимо, на праздничную службу в церковь пошла. Тамара набожная. Церковные праздники чтит, посты соблюдает, но это ей не мешает ни за что ни про что пилить мужа. Словно пила в неумелых руках мучает крепкое дубовое бревно: шуму много, а толку никакого. Голощепкина ворчание жены особенно не задевало.

В комнате было сумрачно. Мокрая осень – радости мало. За окном моросил нудный дождь, лениво и безостановочно.

Голощепкин услышал всё тот же противный перестук мелких дождинок по карнизу, под который он уснул вчера вечером.

«Ничего не меняется, – подумал он, засыпая. – То моросит, то дождит. Каждый год одно и то же. Слякотная и мерзкая осень. Никуда не пойдёшь. Эх, взять бы удочку да к речке, как летом бывало. А так – целый день маяться».

Загрохотала на веранде дверь. Жена, видимо, вернулась.

«Пришла из церкви, а гремит, словно в клубе на танцах была», – подумал неприязненно.

Тамарка, как её в глаза и за глаза зовут в селе, всё делает громко и шумно. Даже Ивана женила на себе с шумом: пошёл провожать после танцев в клубе, прощаясь у калитки, хотел в щёчку чмокнуть, так она тут же и прилипла к нему: зацеловала. А назавтра всё село знало, что Тамарка замуж за Ивана выходит.

– Как можно столько спать?! Бока не пролежал? Сходил бы в магазин, хлеба нет.

– Не ворчи с утра. Сейчас встану, – не открывая глаза, ответил супружнице.

– Глазки-то открой! Смотри, новую хустку я купила у Матрёны. Муж привёз из города. Но ей не лычит. А мне всё лычит.

В селе живёт немало выходцев из Украины. Отсюда и много украинских слов: хустка – платок, лычит – идёт, значит, к лицу наряд. Голощепкин нехотя посмотрел на жену и от увиденного снова закрыл глаза и даже рукой прикрылся. Перед ним стояла голая Тамарка.

«Может, сплю?» – подумал с опаской.

– Что жмуришься? Не нравится? Или денег пожалел? – вскрикнула Тамарка, да и ещё ногой притопнула.

– Да нет... Я ничего. То есть хорошо, – промямлил Голощепкин.

Тамарка стояла голой. Нет, нет... одежда на ней была. И новая цветастая хустка была. Но под одеждой он видел голую Тамарку. Стройные сильные ноги. А груди-то, груди... Полные, красивые... Соски крупные, розовые. Господи, да он вроде как в первый раз увидел свою жену. Всё остальное

ушло в сторону. Ушли в сторону мысли, почему она голая или почему он видит её голой.

– Тома, а может, полежим немного? Иди сюда! Выходной ведь.

– Да ты что, рехнулся?! Средь бела дня! С вечера уснул... А теперь его повело! С чего бы?!

– Да красивая ты больно в этой новой хустке, – нашёлся Голощепкин.

Но она повернулась и пошла из спальни. Голощепкин во все глаза смотрел ей вслед. Белые булочки ягодиц перекатывались под тёмной юбкой, словно зверки живые. Он облизнул пересохшие губы: «Как же так? Я её вижу голой, а она одетая. И не сплю».

Он выглянул в окно и увидел голую старую яблоню и сидящую на ветке нахохлившуюся под дождём ворону. Ворона, словно в ответ на взгляд Голощепкина, громко каркнула и лениво полетела прочь. И тут он окончательно уверовал в то, что с ним что-то произошло. Что он не такой, каким был вчера. Но мелькнула спасительная мысль: «Привиделось». Не дай Бог, если он приобрёл дар видеть людей голыми. Представил, как выйдет из комнаты и увидит голой тещу.

– Чур меня! – громко вырвалось у него.

С опаской Голощепкин открыл дверь спальни. У печки копошилась теща, Анна Акимовна. Не голая. В обычном и вечном своём зипуне, который, казалось, она никогда не снимала: ни в мороз, ни в жару.

– Наконец-то проснулся зятёк! Ты бы воды принёс.

– Да с большим нашим удовольствием, Анна Акимовна. А где Тамарка?

– Так недавно из церкви вернулась и опять куда-то повеялась.

– Дык она ведь только что в новой хустке в спальню заходила. Сказала, что у Матрёны купила. Может, показаться к соседке побежала?

Но теща, посмотрев на него, как обычно, неприязненно, молча загремела ухватом.

Взял вёдра и пошёл к колодцу. Во дворе стояла голая Тамарка и разговаривала с подружкой Валькой. Тоже голой.

«А моя Тома поядрёней будет, – подумалось. – Больно тощая Валька. Да и сисек у неё почти нет. С детский кулачок каждая».

Голощепкин отвернулся и молча пошёл к колодцу.

– Вань, ты чего не здоровкаешься? Не проснулся, что ли? – крикнула Валька.

– Здорово! – буркнул Голощепкин, не оглядываясь.

– Да он на меня с утра обиделся, – вставила Тамарка и что-то затараторила подружке. Затем обе громко рассмеялись.

У колодца стоял с полными вёдрами председатель Кузьмич. Одетый. Не голый. Голощепкин с облегчением вздохнул: «С полными вёдрами – к добру. Не хватало ещё Кузьмича голым увидеть!»

– Привет, Тыбик. Что не в духе? Понурый какой-то.

– Тебе бы, Кузьмич, не председателем, а экстрасенсом работать. Всё ты видишь. Всё знаешь. Ничего не случилось.

Немного поговорили, и Голощепкин заторопился домой. От способности видеть женщин голыми голова пошла кругом. Как такое может быть? Жену и Вальку видит голыми. А тещу, к счастью, нет. Какая разница между ними? И почему Кузьмича голым не видит? Хорошо, что не видит, но почему? А как с другими людьми?

После завтрака Голощепкин вышел на село, хотя дождь продолжал нудно моросить. В резиновых сапогах и в нейлоновой синей куртке с капюшоном он медленно шёл по скользкой от грязи улице, всматриваясь в редких прохожих – не терпелось проверить свои способности видеть людей голыми. Он ещё раз убедился, что на мужчин его дар не распространяется. И на старух не распространяется. И на детей. А вот молодых женщин видит обнажёнными и во всей их красе. Завидел впереди рябую Матрёну, даже отвернулся, чтоб не смотреть на её сомнительные прелести. Другое дело – красавица Нинка, студентка. Приехала из города на выходные к бабке. Голощепкин уставился на голую Нинку, разинув рот от удивления. Вот это фигура! Та недоуменно посмотрела на него, покрутила пальцем у виска и побежала дальше.

Потом ему встретилась Верка, жена пастуха Петра Новодворского, и он одобрительно прошёлся взглядом по её дебелий, крупной фигуре: «Баба у Петра что надо! А сам-то хлюпик. И за что бабы в теле любят таких хилых: Петра-то соплёй можно перешибить».

Голощепкин никому не рассказывал о своём даре. Всё было внове и интересно. В клуб на танцы даже навевывался, мол, на молодёжь посмотреть, как они теперь танцуют. Но в селе ничего не скроешь, село всё видит: необычный интерес Тыбика к женщинам вызвал пересуды. Пошли скандалы. Хромой Никодим, души не чаявший в своей молодой жене Лариске, даже обещал ему морду начистить за то, что на Лариску пялится. Да и жена принялась неуёмно ревновать. Голощепкин стал носить тёмные очки. То, что вначале было забавным и интересным и в какой-то мере скрашивало унылую жизнь, позже стало невозможным. Невозможно каждый день видеть голых женщин. Невозможно и не всегда приятно. И Голощепкин страстно захотел избавиться от необычного дара.

Поехал в районную больницу и записался на приём к терапевту. А к кому идти? Какой врач может избавить от напасти видеть голых женщин? Терапевтом оказалась молодая красавица, и на её вопрос, на что жалуется, он только мычал и плёл какую-то несурязицу, не в силах не смотреть на голую докторшу. Из больницы ушёл ни с чем. Но перед этим случайно услышал разговор двух бабок в очереди к терапевту, что в дальнем селе есть знахарка, которая отводит привороты, избавляет от разной хвори. Побывал Голощепкин у знахарки.

Во всем, оказалось, виновата ворона, которая в то памятное утро сидела под дождём на голой ветке яблоньки против окна спальни. Знахарка шипела, золой от осины посыпала голову, шептала слова отворота и наконец объявила:

– Глаз на тебя положила соседка твоя худосочная. Нравишься ты ей. Вот и явилась вороной к тебе и наслала энти чары. Но перестаралась. Хотела, чтоб только её задницу лицезрел, а тебе все молодые бабы доступны. Но моё кол-

довство посильнее будет. Избавлю я от напасти. Поезжай домой. Спадёт напасть-то.

«Валька это», – сразу определил Голощепкин. Он как-то имел неосторожность на ферме шлёпнуть Вальку по мягкому месту. Видимо, поняла как приглашение к взаимности. Муж-то на заработки на Сахалин уехал.

«Ну как же она могла в ворону превратиться?» – засомневался и решил вечером наведаться к Вальке. Может, откроет секрет.

* * *

Этот рассказ я услышал от случайного попутчика в поезде Москва – Киев. Он подсел в наше купе в Брянске. Как это бывает в дороге, слово за слово – потекла беседа, словно вода в речке, наполняясь всё новыми историями. Разговор шёл о колдовстве. Сидевшая рядом со мной женщина приводила один за другим примеры чёрной и белой магии.

«А вот ещё был такой случай...» – начинала она очередную историю. Чего только в этих историях не было: ведьмы и добрые бабки-знахарки, катанием варёного яйца по телу снимающие сглаз, удаляющие бородавки, были любовные привороты, отвороты и всякая другая, с моей точки зрения, чепуха. Молодая тоненькая девушка с большим, не по фигуре бюстом широко открытыми глазами смотрела на женщину и восторженно ахала. Сидевший у окна напротив меня флегматичный мужчина не отводил глаз от девушки и помалкивал.

– Не верю я во всю эту чушь о колдовстве, – не выдержал я.

– С вами ничего не случилось, вот и не верите, а придёт нужда, так впереди всех к знахарям побежите, – тут же парировала женщина.

Затем к разговору подключился флегматичный мужик и рассказал эту странную историю про Ивана Голощепкина и необыкновенную способность видеть женщин голыми. Дотоле скучное его лицо оживилось, зарумянилось, глаза заблестели.

– И что? Помогла знахарка? – не дожидаясь окончания истории, спросила восторженная девушка.

– Дык... Не знаю. Не спрашивал я Ивана, – засмутился мужик и отвернулся к окну.

Вышли с ним в тамбур покурить. И я с завистью сказал, что неплохо, наверное, таким даром обладать. Вон сколько женщин красивых. Взять хотя бы девушку из купе. Вот бюст! Загляденье.

– Дык надоедает. Разве приятно смотреть на говорливую бабу из нашего купе?

– Да, ты прав, наверно. Надо ещё уметь отключаться от способности видеть голых баб, – пошутил я. – Я бы согласился на такой эксперимент.

– А ты приезжай в наше село. Я тебя с Валькой познакомлю. Может, сговоритесь, – и мужик назвал село в Брянской области.

– А кого спросить?

– Тыбика и спрашивай. Любой встречный укажет мою хату.

Вот так сюрприз! Я опешил. И до конца поездки с опаской поглядывал на флегматика. Шутил он или правду рассказал? Кто знает? А с другой стороны, если известный на всю Россию ловкач Гробовой за деньги оживляет мёртвых, то почему не может живая Валька обернуться живой вороной? А может, съездить в село к Голощепкину? Если всё – правда и если договориться с этой самой Валькой, то представляете, какие возможности открываются по части колдовства?

Франческа

Потёртая японская красная «хонда» выкатилась, как игрушечная, из Южно-Сахалинска и легко побежала по дороге среди первозданных снегов, но Франческа была в полном смятении ума.

Подумать только: ещё каких-то десять лет назад она, продавщица продовольственного магазина, училась заочно на каком-то юридическом факультете... И вот добралась до невысказанных высот бизнеса. Но в бизнесе ей ничего не принадлежит. Она – наёмный менеджер. Да и членом совета директоров рыболовной компании она является номинальным. Избрали, как назначили. Завтра – не угодишь, и дадут пинка под зад? Недавно провели заседание совета директоров без участия московских директоров. И на тебе! Из-за этого самого совещания и возникла война между акционерами.

– Фиг его знает, что делать, – вырвалось у Франчески со вздохом.

– А давайте заедем на дачу к Ваське Кривому. Здесь недалеко. Ключи у меня есть, – пророкотал водитель – молодой, но уже тучный, расплывшийся на пивных дрожжах.

– Рома, придётся потерпеть до вечера. Не до того мне сейчас. В Холмске сегодня такие дела... Уцелеть бы!

Через два часа начнётся заседание совета директоров. Как себя вести? Главные акционеры разделились на два лагеря: с одной стороны команда бывших менеджеров компании, а с другой стороны команда новых... Собственно, они – новая команда, они и управляют! А те, другие, сидят в Москве, но, имея акции в компании, претендуют на то, что они и есть единственные и правильные хозяева компании.

– Чёрт знает какая расстановка сил! И на кого ставить? – забывшись, воскликнула Франческа.

– Не понял, Франческа Кимовна, – отозвался водитель.

– Рома, я не тебе. Это я о своём, девичьем. Если сегодня всё нормально закончится, то вечером заедем к тебе на квартиру.

Франческа почувствовала, как по телу прокатилась жаркая волна, и поправила пышный бюст. Рома умом не блещет, но как любовник выше всяких похвал. Сколько у неё этих любовников перебывало, пока делала карьеру! Помнится, в молодости даже практиковали с подружкой любовь на троих. Хорошо было. Дурачились от избытка силы и страсти. Но сейчас другое время. С водителем иногда побалуется. А так – ни с кем. Ни-ни. Положение обязывает. Да и чин президента инвестиционного фонда что-то да значит! Хотя какие там инвестиции! Куда скажут главные акционеры, туда и переводит денежки.

Конечно, она числит себя в команде новых менеджеров. Это им она обязана своим карьерным ростом. Но и бывший генеральный директор рыболовной компании Туманин тоже для неё немало сделал. Во-первых, пригласил когда-то на работу в компанию. Во-вторых, в своё время личные отношения с ним сложились. Помнится, как в прошлом году, произнося тост на его юбилее, она сказала, что всеми успехами компания обязана ему, Туманину. И в заключение произнесла:

– И наш Яков Георгиевич как мужчина видный из себя! Я бы сказала, что он ещё о-го-го! Пожелаем ему оставаться «о-го-го» ещё долгие годы.

– Поддерживаю, – закричал фальцетом всем поддакивающий начальник рыбного цеха.

– Молчи, дурак! – зашипела супружница.

Но шипенье завистливой супруги потерялось в дружных криках зала: «Гип-гип-ура!»

До Холмска – не более получаса пути, а Франческа так и не надумала, какую позицию занять на заседании совета директоров. Кого поддержать?

«Позвоню я Нетёмному. Алексеич – председатель совета директоров всё-таки. Может, что подскажет?» – ухватила за новую мысль.

В телефоне раздался голос Алексеича:

– Слушаю. Нетёмный.

– Алексеич! Это – я, Франческа. Где вы? Как обстановка? Заседание совета состоится вовремя?

– Франческа, всё нормально. Голосуем за предложения менеджмента. Смотри, не подведи. Тебя подозревают, что ты можешь москвичей поддержать. Туманин явно на их стороне. На тебя надежда, Франческа.

– Алексеич, может, мне вообще не приезжать?

– Да ты что! Без тебя наши не смогут провести решение. Смотри, проиграем – по головке не погладят.

Франческа выключила телефон. Что делать? Она ведь пообещала Туманину, что будет, как он, голосовать. Как узнали?

Маленькая «хонда», словно божья коровка, медленно поднималась на перевал. Что там за перевалом? Увидеть бы!

– Остановись, Рома. Я выйду на минутку.

– А давайте в тупик заедем? А? Там нас никто и не увидит.

– Рома, перестань. Не до любви сейчас.

С перевала было видно море. Вокруг – до боли в глазах сверкающий снег яркой белизны. Внизу – чистота синего моря. Невинность свежего снега. И грязь корпоративной борьбы за влияние в бизнесе. Франческа не любила конфликтов, просто избегала их. Лучше заниматься любовью, чем конфликтовать. Не будь каменных глыб напряжения, могла бы с Ромой махнуть на холодную дачу Васьки Кривого. Да и в тупике на полчаса можно задержаться. В машине, среди белого снега. Класс!

К счастью, конфликта не получилось. После заседания совета директоров, под вечер, Франческа отправилась домой, в Южно-Сахалинск. На банкет не осталась, как её ни упрасивал Алексеич. У мужа отметилась, сказав, что будет поздно.

Остановились на перевале. Заехали в тупик – улавливатель аварийных машин. Рома оставил двигатель работающим, отключил фары, но включил габаритные огни. Красный свет отражался на поднимающихся ввысь бело-

снежных стенах, создавая иллюзию окон в пространстве. Прямо-таки замок! И в этом замке они вдвоём: она и сильный, молодой мужчина! От дороги слышен гул проезжающих автомашин, освещающих на повороте вершину сопки. Салют любви! Франческа, постанывая, шептала:

– Рома, приоткрой окно. А? Ножка на волю просится. Жарко!

Потом «хонда» катилась по серпантину дороги, вырываясь из снежного царства; водитель насвистывал «Мурку», а Франческа, засыпая на заднем сиденье, думала: «Какой, к чёрту, совет директоров?! Какие акционеры?! Ночь, снег и любовь под ночным небом. Кайф!»

Затем – дача Васьки Кривого, в долине у ручья, с зарослями вездесущего сахалинского бамбука.

«Учиться нам нужно у природы жить без зауми, – рассуждала Франческа, ожидая в окружении бамбука и снега, пока Рома достанет из сумки бельё. – Спит бамбук беспробудным сном, спят заросли шиповника до разгула южных ветров, до океанских штормов. А потом – взрыв весеннего буйства».

Позвал Рома, и она, на ходу расстёгивая шубёнку, побежала в домик.

Разливанное море любви – что ещё надо женщине? Франческа с нетерпением нырнула под рыхлого и большого Рому, как рыбаки ныряют под лодку, чтоб расплести запутавшиеся снасти. Ей хотелось вытянуть свою сеть с уловом, не бросая её, не неся убытков... «Жизнь есть борьба за жизнь», – мелькнуло у неё в мозгу.

«О море, о море!..» – напевала потом, вспомнив картину моря, открывавшуюся с перевала, когда они ехали в Холмск на собрание.

Настроение было прекрасное. Выкрутилась из щепетильного положения номинального директора. Номинальный директор – это нулевой директор. Нелегко выживать в бизнесе, особенно когда представляешь интересы других, а у мужиков – одно на уме. Но ей везёт. Имя у неё такое – везучее. Благодаря матери у неё это необычное имя – Франческа. Из прошлой далёкой жизни. Из старого лирического фильма о любви «Роман и Франческа».

Когда-то её молодые родители, посмотрев в деревенском клубе романтическую любовную историю, мечтали, что у них будет много детей – девочек и мальчиков. И первую девочку назовут Франческой, а мальчика – Романом. Но Бог дал им только её, Франческу. С внуками тоже не получилось, поскольку у Франчески детей не было.

Впереди показались огни Южно-Сахалинска, как будто скопление звёзд с чистого неба спустилось и осело на горизонте. Но один огонёк продолжал плыть в небе, удаляясь от города. То ли это был самолёт, то ли, может быть, НЛО? Франческа заворожённо наблюдала за удаляющимся огоньком.

«И я одинока, как та звёздочка, что в небе плывёт, – подумала и горько вздохнула. – Зато в карьере преуспела. Должность. Зарплата. И муж! А что муж?! Простой работяга. Пусть радуется, что жена попалась добытчица. Дом – полная чаша».

– Может, ещё ко мне на часок заедем? – подал голос Рома.

Но она промолчала, на глаза навернулись слёзы. Представила себе далёкий деревенский клуб, родителей, их мечтания о чистой любви, о детях. «Роман и Франческа», – горько прошептала, не сдерживая рыдания.

Она проплакала до самого дома, не обращая внимания на водителя и не отвечая на его недоуменные вопросы.

На следующий день Романа вызвали в отдел кадров и вручили приказ об увольнении по сокращению штатов.

Боль любви

Он сидел в полутьме бревенчатого чёрно-бурого дома на окраине Москвы и ждал Её возвращения. Была боль и радость ожидания, была надежда и сомнение: придёт – не придёт? А вдруг что-то случилось? Была печаль и жалость. Печаль – почему они не встретились лет двадцать назад, когда сил и желаний было в избытке? Эти «почему» назойливо приходили и теребили душу и сознание, забылось, что родилась Она двадцать лет назад, а ему тогда уже было более тридцати лет. Сердце внезапно зашло от жалости – обещала вернуться к полуночи или чуть позже, а время уже к двум часам ночи.

Он сидел у окна неподвижно, уставившись в темноту, пытаясь увидеть родной силуэт в калитке. Разве двадцать лет назад он знал любовь? Нет, не знал, хотя был молод и уверен, что всё знает, что всё ему по плечу. И ошибался, и ещё как! Любовь – это другая жизнь, другой мир. Это – новая Вселенная, это – даже больше, чем Вселенная. Но теперь он знает силу любви: она – царица жизни, она – всепоглощающая воля. Но вдруг поймал себя на том, что повторяет общеизвестные, банальные вещи.

Начинался дождь, его звуки воспринимались с радостью, они прервали тяжёлую тишину ожидания. Но хлёсткие порывы ветра за окном, словно пощёчины, отдавались болью в душе. Тугие ветви белой бархатной сирени стали раскачиваться. Сердце дрогнуло. Неужели Она? Ведь знает, знает, что он ждёт Её у окна и смотрит во тьму. Необычная, загадочная, непредсказуемая... Порой спрячется в доме в самом неожиданном месте и ждёт, когда он почувствует её отсутствие и станет искать. Молодость так и играет в Ней – и Она играет своей молодостью. Первые крупные капли дождя стали шлёпать по карнизу. Пока редкие и не-

смелые, они как бы стеснялись нарушить тишину его ночных мыслей. Но вот дождь стал набирать силу и нахально забарабанил по стёклам, по наличникам, по листьям чёрных деревьев. Как Она доберётся домой в непогоду?! Ему стали ненавистны грохот и шум, слетающие с небес. Гроза казалась главным врагом, страшным препятствием на Её пути к нему. Все чувства напряглись, казалось, что он слышит и ярость дождя, и его печаль, и даже плач стихии. Это не дождь, а оркестр – после осторожного вступления, а затем – бурного всплеска возникла монотонная фаза расслабления и безысходности. Но монотонность была кажущейся – он стал различать подголоски и вариации в душе одинокого дождя.

Почудилось, что кто-то стучит. Он резко вскочил. Но, понимая, что ошибся, тяжело опустился на стул. Билась в окно ветка сирени. Сирень, сирень!.. Он посадил большой куст сирени два года назад весной, когда встретил Её, и загадал: если сирень примется и зацветёт в начале лета, то всё состоится. Что – всё? Он даже сам себе боялся говорить об этом. Он – известный профессор, исследователь поэзии Афанасия Фета, женатый и разведённый, имеющий взрослую дочь и внука. И Она – молодая и красивая... В Её больших серо-зелёных глазах, казалось, светилась сама Поэзия.

*Не избегай, я не молю
Ни слёз, ни сердца тайной боли.
Своей тоске хочу я воли, –
И повторять тебе «люблю».*

Афанасий Фет – пел «благоуханную свежесть», а Она сама благоухала дивной свежестью и красотой золотой Весны.

Едва удалось сдержать слёзы, вспомнил Её по-детски припухшие губы, манеру читать стихи, казалось, что фетовские строки начинались обыденно, но словесная нерасторжимость стиха становилась податливо вязкой и липучей, переливаясь в печаль и восторг. Актриса! Ей веришь и не веришь, но больше хочется верить.

О Боже! Кто послал эту кудесницу из другого, неизвестного мира к нему на Высшие литературные курсы. Судьба? Провидение? Если судьба, то почему так поздно?

И Она?! Смотрела на него восторженно и, казалось, влюблёно. Он, безоглядно влюбившись, даже не понимал, где Фет, где он сам.

Однажды, когда сирень зацвела белыми бархатными гроздьями, он решился. И уже два года они вместе. Два года немыслимого счастья. Два года любви. И третье цветение сирени. И первая ночь – врозь.

Сегодня у Неё – встреча школьных друзей, и вот Её нет, как будто не было никогда.

Он просидел перед окном всю ночь. Дождь затих. К расцвету мокрый куст сирени седым облачком выплыл из тьмы. Он переменил позу, но боль не проходила. Более того, она переместилась под левую лопатку и стала ещё острее. Левая рука онемела, и он стал растирать её вялыми пальцами. Лоб покрылся испариной, а в голове заколыхались в ритме сиреневых веток строчки:

*Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты в тайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе – и судьбе я молча предаюсь.*

Боль отдалилась, стала глухой и менее острой. Но когда дошёл до строки «Мы оба молоды, но с радостью старинной...», острота боли вернулась, вновь завладев сознанием. Ненадолго потерялось чувство реальности – и он выпал из пространства. Сквозь смутную пелену он увидел Веру Арсеньевну, бывшую жену, появившуюся из дождливой ночи, та стояла в проёме двери, жалостливо смотрела на него и вытирала платочком слёзы в уголках глаз.

«Не может быть! – подумал он. – Ведь мы развелись более двух лет назад, и Вера живёт на другом краю Москвы. Как она здесь оказалась? Не может быть!» Он открыл глаза –

и образ Веры Арсеньевны исчез в мгновение ока. «Почудилось!» – прошептал, озираясь.

Вновь закрыл глаза, прислушался к боли. И опять наступило забытё, отчётливо увидел Веру Арсеньевну, лихорадочно набирающую номер телефона.

«Куда она звонит? Что случилось?»

И тут раздался телефонный звонок. Он поднял правой здоровой рукой трубку. В сознании мелькнуло:

«Слава Богу! Это Она. Она едет домой и решила предупредить».

Но услышал голос старой жены:

– Вася, как ты?! У тебя всё нормально? Ты не болеешь? Мне плохой сон приснился, и голос был, чтоб я тебе позвонила.

– Плохо с сердцем. Тяжело дышать.

– Я вызываю «Скорую помощь». И сама еду. Вася, держись, родной! Я еду!

После этих слов он провалился в темноту. В себя пришёл на третий день в больнице. Первое что увидел – лицо жены.

– Вера, почему ты? Где я?

– Не волнуйся. Уже всё позади. Мы в больнице. Вася, ты заболел, но сейчас всё нормально, кризис миновал. Я с тобой, Вася.

Василий Дмитриевич провёл в больнице три недели. Его многие навещали. Но та, которую он ждал всю ночь, ни разу в больницу не пришла.

Иногда, глядя на Веру Арсеньевну, он думал:

«Неужели это случилось с нами? Неужели я мог расстаться с этой женщиной? Дороже её никогда и никого у меня не было и не могло быть!»

После больницы вернулся к жене. Спустя какое-то время к нему неожиданно пришли стихи о любви.

Сам себе удивлялся Василий Дмитриевич. Он, известный литературный критик, написавший несколько книг о великих поэтах и русской поэзии, никогда раньше стихи не сочинял, а тут понесло, будто прорвало. Появилась его первая книга «Боль любви» со строчками на обложке:

*...Любовь приходит ниоткуда,
Любовь уходит в никуда.*

Знакомый композитор написал музыку, и песню «Сирень любви» стали исполнять разные артисты.

Однажды Василий Дмитриевич услышал свою песню по радио в исполнении очень знакомого женского голоса. Это был Её голос, голос потерянной любви. Его рука рванулась к телефону, чтобы позвонить той, чей номер он старался позабыть. Но внезапная жгучая боль пронзила сердце, обьяла сознание – и тьма поглотила всё: и песню, и стихи Фета, и образ любви – вечной и непостижимой.

Смятение чувств

Муж Игорь спрашивал, а Марина ничего не отвечала. Его голос, чужой и далёкий, невнятный и ненужный, мешал уловить очень важную мысль, пока неясную ей самой. Что-то она упустила? Что-то не сделала? Это что-то смутно мелькало в сознании и исчезало. Муж стрекочет и жужжит... Слов не слышно, а фон остаётся, и никак не пробиться к главной мысли сквозь туманную, вязкую пелену слов.

– Мариша! Мариша! Ты где? Ты не слышишь меня? Что с тобой?

– Подожди! Отстань... Сейчас, сейчас...

И вдруг пришло: «Андрей из дома отдыха... Молоденький офицер... Как он смотрел на меня при прощании! Почему не осталась до утра, ведь он просил?» Она преобразилась: теперь это была уже не добродушная и смешливая прехорошенькая мать семейства, какой её знали все друзья и знакомые, а уверенная и решительная женщина, палимая изнутри вырывающимся наружу огнём. На лице отразилась полная гамма взаимоисключающих чувств: жестокость, отрешённость от всего сиюминутного и полная концентрация на далёком предмете.

«Дура-дура! Я его больше никогда не встречу... Это тот случай, тот самый, которого ждала всю жизнь, все девятнадцать лет замужества, а я ему отказала. Вернуться в дом отдыха сейчас. Немедленно! Он завтра уезжает. Сегодня или никогда! Всё. Еду!» – пронеслась искра безрассудства в её голове, и она закричала, лихорадочно вытряхивая из сумочки содержимое:

– Где ключ от машины? Он был в сумочке... Кто взял? Игорь, ты?

– Мариша, что с тобой? Машину нужно отогнать на техосмотр... Мы же договорились.

– Отдай ключ немедленно. Мне срочно надо вернуться в дом отдыха. Сегодня. Завтра будет поздно.

– Мариша, вечер скоро. Что за необходимость? Ты же только приехала. – Муж попытался обнять её за плечи.

– Не тр-р-рогай меня! Я еду! Мне надо! Отдай ключ!

Старшая дочь Вера оторвалась от книги, удивлённо вскинув брови:

– Ма-ам! Давай я с тобой поеду. Не скучно будет.

– Никто и никуда не едет, кроме меня. Я возвращаюсь в дом отдыха, потому что мне надо. Ты, Вера, присмотри за Танюхой. За Светкой папа присмотрит. Завтра буду назад.

Шестилетняя Света, любимица папы, уже взобралась к нему на колени. Таня, четырёх лет, начала реветь, почувствовав какую-то угрозу для себя.

Муж молча выложил ключи от машины на стол и стал возиться с плачущей Таней, обиженно сопя.

Она погнала машину, сжимая руль до боли в пальцах. Полные губы – краса и гордость её, зависть всех сокурсниц Гнесинки – сейчас были плотно сжаты, скулы заострились... Она сидела за рулём, устремлённая вперёд телом, взглядом, всеми своими мыслями.

«Успеть! Успеть! Успеть!»

Понемногу она успокоилась и даже слегка сбавила скорость.

Вспомнилось, как Андрей все три дня и вечера влюблённо рассматривал её, где бы ни встречались их взгляды: в ресторане, в парке или в экскурсионном автобусе. Как он неуклюже стал знакомиться с ней на танцах! Сказал какую-то банальность и пригласил на танго. Сожалел, что он не ведал о её существовании. А когда узнал, что она уезжает через три дня, так расстроился, что готов был ночью не спускать с неё глаз. Надо же! Всего-то лет на несколько старше её сына, что в армии. Такой же мальчишка. Вспомнила сына, и стало мутить душу: девятнадцать лет замужем, ещё чуток, и округлится дата, и улетит, оставив её с бабьим веком.

Но как же! Она – честная и верная жена. Плюнь тому в глаз, кто скажет, что не такая она. Многим в Сергиевом

Посаде известная пара, она любит мужа, муж любит её, четверо детей... И вот случилось! Её занесло, как на мокром асфальте авто без тормозов. Ехала, ехала уверенно по накапанной дороге, и вдруг – зона прошедшего недавно дождя. Машина не слушается руля, её, неуправляемую, несёт то ли к обрыву, то ли на встречную полосу. А казалось, ситуация полностью в её руках. Лёгкие поцелуи на затемнённых скамейках в парке по вечерам, три дня тайных и явных взглядов Андрея, любование ею... Что там фигура – не фигура! Тут больше, глубже. И она, как бы со стороны, подхватывала его взгляды, мысленно поругивая себя за вольности на скамейках или под деревом. И сумела-таки справиться, сумела не перейти границы, за которыми начинается грех... Да, да! Грех! Вспомнила христианскую заповедь: «Не прелюбодействуй». Рассталась утром с Андреем, нежно поцеловав его в лоб.

– Маара, может, останешься? На одну ночь только... Я ведь тоже скоро уеду... Прошу, – прошептал он.

– Нет, нет и нет! Нельзя, мальчик мой! Нельзя! И тебе не нужно. Уважать меня не будешь... Я же не кто-нибудь... Правда ведь?!

Она села за руль и увидела, как он потерянно смотрит вслед. Его фигура, отражённая в зеркале, становилась всё меньше и меньше, пока не превратилась в еле заметную точку, а потом и вовсе исчезла.

Исчезла, да не навсегда. Через три часа, дома, Марина расцеловала детей, тут явился муж раньше времени. Как только муж приблизился, она сразу почувствовала в душе нарастание непонятной мглы и напряжённости. Давно ей не по нраву его безлика, словно серое утро, виноватая улыбка; стало занудным его вечное: Мариша, Марина, Маринка, Мариночка, Маара, наконец... И по ночам одно и то же, как анекдот про чукчу. Раньше, в первые годы, всякое прикосновение, даже слово её заводило, она ждала ночных ритуальных действий, но со временем всё как-то приелось, стало привычным и порой раздражало.

В обед, за столом, она поймала блиц-взгляд на её грудь, затем он, смущаясь, улыбнулся. И налетела гроза, маши-

ну понесло по мокрому асфальту, крути руль туда-сюда, не крути... Она почувствовала жаркое дыхание Андрея, напористость, поцелуи, пробудившие в ней былое.

Марина остановилась на обочине и, опутив голову на руль, задумалась. Куда и зачем она едет? Как муж поведёт себя? Разводиться начнёт? Исчезло очарование первых дней, желание пропало, «как сон, как утренний туман», желание любить... Исчезло – и всё тут. При чём здесь любовь и страсть? А дети? А мнение окружающих? Наплевать! Ей ведь сорок два всего. Или уже старуха? По обычаям древним – старуха. А по нынешним временам – в самом соку. Она жила для мужа, детей, семьи, а для себя пожить имеет или не имеет право? Вот ещё! А этот мальчик, молодой офицер, ей интересен, желанен. Запрещала себе? Зачем? Для чего? Для кого?

Она гнала машину вперёд и вперёд.

Андрей – у ворот дома отдыха, будто бы предвидел её возвращение. Но ничего нового, ничего, что потрясло бы её душу. Прошла просимая им ночь, как оказалось, отнюдь не волшебная. Нет, разочарования не было. Но не было восторга, не возникало и сожаления. А чего сожалеть!

По дороге домой она заехала в кафе на обочине, долго сидела за чашкой кофе в полутёмном углу.

«Ничего, – утешала себя, – всё чин чином». Как до замужества, так и теперь – не монахиня! Было подростковое влечение к юному турчонку, по уши влюблённому в неё в Стамбуле. Отец служил коммерческим представителем чего-то или кого-то... Жили семьёй, не как дипломаты, а свободно от надзора посольских ушей и глаз. Сколько ей тогда было? Наверно, не более дюжины лет. Увлечение было невинным, но приятным. Затем семью перевели в Москву, была переписка с Надиром, но только через семь лет она встретила с ним. Она уже начала отвыкать от мысли, что где-то есть Надир, который её любит, а тут он объявился во всей красе. Помнится, она прибежала к нему в гостиницу. С ним тоже, как с Андреем, была вместе одну ночь, а утром подумала: «И этого щупленького, чернявенького турка ждала целых семь лет?!»

Хотя неправда, она его не ждала, так получилось. На первом курсе училища в неё влюбился профессорский сынок Ефим, тоже студент. Провожал с лекций, на концерты вместе ходили. Не пропускал ни одной её игры на флейте, когда она выступала на сцене. Ей прочили будущее как флейтистке – огромное!

«Маринка, – говорила профессорша Маргарита Борисовна, мать студента, – тебе Бог дал замечательный инструмент для игры на флейте: полные и сильные губы, великолепные лёгкие. Ты станешь знаменитой. А Фима от Бога скрипач! Вы будете прекрасной семейной парой».

Маргарита Борисовна не знала, что достоинство полных и сильных губ проявлялось больше в поцелуях, чем в игре на флейте. А Фима был без ума от её поцелуев. Но за семь дней до похода в ЗАГС она отказала Фиме. Отказала! Совсем неожиданно для себя, отца с матерью, свекрови в образе профессорши, прозванной ею Марго.

Если честно, за ней стал ухлёстывать молодой преподаватель по классу скрипки. С ним она целовалась и репетировала брачную жизнь целых полтора года, пока не отказалась выйти за него замуж.

Был ещё художник Виктор, вечно прокуренный и пахнущий красками, предлагавший ей и руку и сердце, подобно серпу и молоту.

С мужем, сохранившим ею для потомства, всё случилось по-другому. Была любовь... С чего же она возникла? Тем не менее они поженились, и она родила ему сына, а потом дочь... Жили трудно – на загородной даче: денег не было, водопровода не было, отец её к тому времени умер, а мать от горя ушла в монастырь. Родители Игоря – без царя в голове. Сами выкручивались, как могли. Но любовь-то была... Была любовь. Думала об Игоре, ждала его вечерами, когда он задерживался в училище. С радостью готовила для него еду. С радостью занималась детьми. Перестроили дачу, сделали из неё настоящий жилой дом с водопроводом, камином, канализацией... Потом переехали в Сергиев Посад. Игорь строил и ремонтировал храмы. Она – с детьми. Было семейное счастье. И куда оно делось? Даже мыслей

не было, чтоб изменить мужу. Как-то вскоре, через полгода после рождения младшей дочери Тани, отдыхала на Кипре с дочерью Верой. По вечерам гулял с ними по набережной моложавый композитор из Киева Олег Табачников. Хоть ей он и нравился, но лишнего ни себе, ни ему не позволяла. А тут – на тебе! Офицер молодой появился, и сама к нему помчалась, как дура последняя.

Не допив кофе, она поспешила к чёрному ходу во двор кафе. Из конуры вылезла небольшая шавка, а за ней выводок щенят. Двенадцать разномастных сосунков: чёрных, чёрно-белых, и даже один рыжий затесался.

Марина вернулась в кафе и заказала котлеток на всех.

– Мы котлеты порциями продаём, а не килограммами. Сколько вам с гарниром? И с каким гарниром: макаронами или картошкой? – заулыбалась пожилая буфетчица.

– Пятнадцать порций. Можно? С макаронами.

– Собачке, наверно?

– Да. Матери-одиночке. Я сама как та шавка. Тоже маленькая, а четверо детей у меня.

– И тоже одиночка? – погрустнела буфетчица.

– Что вы! У меня муж есть. А чего они все такие разномастные? Щенки-то?

– А кто их знает? Кобели были разномастные. Много развелось бродячих собак... Кто сильнее, тот и взял!

Марина долго стояла, наблюдая, как пёсики кормятся. Щенки столпились у чашки с едой, рыча и толкаясь. Только сука ела достойно, не спеша, вмешиваясь время от времени в разборки вокруг нежданно-негаданно свалившегося счастья насытиться до отвала.

«Откуда эта любовь берётся и куда она уходит? – размышляла Марина. – Да и есть ли она, любовь? Есть инстинкт к размножению... Это закон природы, он управляет всеми нами, объявившимися на грустной земле».

– Всё на земле – от Бога, – услышала она негромкий голос и обернулась.

Позади стоял благообразный старец в белом балахоне до пят, подпоясанном тонким ремешком. Окладистая белая борода, седые волосы на голове стянуты синей лентой.

А на ногах – лапти. Самые настоящие лапти, какие она видела разве что в музее.

– Здравствуйте, уважаемый! А почему вы мне это говорите? – спросила Марина.

– Я отвечал на твой вопрос.

– Разве я что-то спрашивала?

– Нет, ты подумала.

– А вы читаете мысли?

Старик смолчал. И Марина неожиданно для себя добавила:

– И любовь от Бога?

– И любовь тоже. Только каждый волен принять её или не принять. У каждого человека есть выбор.

– А у шавки?

– Также тварь Божья. Всё понимает... Ишь как заботится о детках своих... А ты молись, милая, молись... Сердце у тебя доброе. Ибо сказано: «Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, так как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь...»

Неожиданно для себя Марина подошла к старцу и поцеловала ему руку. На глаза навернулись слёзы. Пока она доставала платочек из сумочки и утирала глаза, старец исчез.

Марина вернулась в кафе и стала расспрашивать буфетчицу о странном старике в лаптях. Та недоуменно пояснила, что никаких старцев здесь нет и быть не может. Кафе – в пяти километрах от села Заворыкина, здесь сходятся две шоссейки. Для кафе место очень удобное...

– Показалось тебе, милая, – участливо посмотрела на Марину буфетчица. – Бывает, с дороги устанет человек, вот ему и кажется то, что думается. А во двор никто, кроме тебя, не выходил.

– Спасибо вам. Может, и вправду почудилось.

– А ты в церковь нашу зайди и свечечку Богу поставь. Ты ведь в сторону Сергиева Посада едешь? Так небольшой крюк сделай и сама увидишь нашу церковь. Небольшая и красивая, подобно куколке. И батюшка там молодец, ладный такой да добрый.

Слова буфетчицы оправдались. Храм был благолепен – с каменной резьбой закомар, голубым куполом в звёздах и небольшой колокольней, ладно пристроенной сбоку.

Марина вошла в отворённые настежь двери.

Прошло несколько лет, и слух о церкви Святого Николая Угодника в селе Заворыкине разнёсся по всей округе. Послушать службу батюшки Богдана приезжают люди из других сёл, и даже паломники после лавры в Сергиевом Посаде останавливаются. Рассказывают, что хор певчих возглавляет замечательная прихожанка, красивая, строгая. Поёт молитвы столь проникновенно, что сердце заходится от радости.

О проповедях отца Богдана и его хоре певчих мне рассказывал приятель-художник Виктор Лукьянов, да всё недосуг было посетить те места. Наконец я собрался и поехал в оброставшее легендами село Заворыкино. Когда увидел на клиросе Марину, узнал её сразу: как достоверен глаз художника! Зная историю её жизни вплоть до встречи с загадочным старцем у придорожного кафе, я больше дивился не сгнувшей хохотушке Марине, а кротости и благоговению в её лице, огромным глазам, наполненным неким упованием и счастьем, голосу ангельской чистоты. Во время службы Марина крестилась размашистым крестом, поднимала глаза вверх, где парили образы ангелов, окружавшие Спасителя. Ибо сказано: «...служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией. Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом...» (Первое соборное послание св. апостола Петра, гл. 4, стих 10).

Потеря, которую невозможно пережить...

Небо, затянутое пеленой из мороси, опустилось до самой земли, нависая над верхушками мокрых берёз.

«Словно от слёз небесных берёзы мокрые», – думал Юрий Смолин. Он стоял на веранде дачи, маясь от тоски и от того несчастья, что на него навалилось. Его бросила жена. Внезапно бросила, без всяких объяснений. И поводов вроде бы не было. Хотя – нет, поводы, наверно, были, но вряд ли она знала о них. Были, были интрижки на стороне... Он как-то с Эммой, секретаршей Семёна Лукича, ездил в Крым. Помнится, Семён Лукич, старый хрыч, позвал его к себе в кабинет и, хитро прищурившись, сказал:

– Ты куда, Юра, в отпуск поедешь? Не в Крым, случайно?

– В Крым. А что?

– И Эмме приспичило срочно отпуск взять. Я спрашиваю её: что за необходимость такая в мае месяце? Море ещё холодное в Крыму. А она, мол, путёвка горячая подвернулась. Вот у тебя тоже горит. Угадал?

– Не надо, Семён Лукич. Намёк твой понял, но не надо. У меня Зинка ревнивая... Не дай Бог, дойдут до неё твои бредни, а ещё хуже – поверит в них.

– Да, не время сейчас. Эмма мне самому на работе нужна. Ладно тебе, не обижайся. Поезжайте. Ты у нас тихушник, а ходок, видать, ещё тот.

Нет, не могла Зинка узнать о его поездке в Крым с Эммой. Семён Лукич поворчать может, но чтоб заложить – нет... Да и зачем ему это? Зачем ему скандал с главным инженером в собственной строительной компании? Нет, не из-за Эммы жена его бросила. Год прошёл с той крымской поездки.

Смолин увидел на берёзе ворону. Он – один. Ворона – одна. «Вот компания какая!..» – вспомнил слова из весёлой

песенки. Сидит одна ворона под дождём, и всё ей нипочём. А он тут разнюнился. Но почему? Почему она собрала вещи в маленький чемоданчик и сказала, весело помахивая рукой:

– Прощай, Ильич! Ухожу от тебя и ни на что не претендую. Четверть века вместе! Хватит. Живи без меня.

– Да ты что, Зина? Ну и шуточки у тебя! К матери, что ли, едешь? Надолго?

– И ничего-то ты не понял, Ильич! Ухожу я. От тебя ухожу. Навсегда.

– Подожди... Что? Не шутишь? – Он никак не мог взять в толк, что происходит, поскольку с работы только что пришёл и рассчитывал на вкусный ужин.

Зина оставила в коридоре вещи и вернулась. Села рядом с ним на диван:

– Юра, к другому я ухожу. У нас давно всё скучно и плохо. Вместе не спим. В театр, в кино, в общем, на люди не ходим. И что связывает нас? Как женщину и мужчину – ничего. Дети выросли. И детям мы неинтересны: в гости и то редко приходят. А я влюбилась. Влюбилась, понимаешь? И меня любят. Всё. И не говори ничего! Я ушла, меня здесь нет давно.

Зина подхватила чемоданчик, толкнулась в дверь, вытирая слёзы. Он не то чтобы не поверил её словам, скорее, поверил её слезам. Не встал, не кинулся догонять... Понял – бесполезно.

С час сидел на диване опустошённо, не двигаясь. Потом не выдержал и поехал на дачу. А вдруг пошутила? А вдруг на даче она?

Но на даче её не было, не было и её вещей. Ничего не было.

И вот он стоит на веранде и смотрит на мир другими глазами. Всё не так. Всё изменилось. Дома никто не ждёт, как раньше, когда он мчался с работы на крыльях.

За окнами сыро, даже ворона на ветке, нахохлившись, делает вид, что ей хорошо под дождём. Помнится, как они с Зинкой приезжали на дачу. Он приносил дрова, топил печку, она готовила еду, накрывала на стол. Не выдержал и

поплёлся в комнату. Ему показалось, что он откроет дверь и увидит жену, хлопочущую на маленькой кухоньке. В ситцевом цветастом укороченном платъице с белым передником. Но в комнате и на кухне было пусто. И такая тоска подкатила к сердцу, что он от жалости к себе, от невозможности принять то, что произошло, закричал во весь голос:

– О Господи! За что? Не могу я без неё! Не могу-у-у!..

– Что имеем – не храним, потерявши, плачем, – услышал он голос, тихий и ласковый.

Он не поверил своим ушам. Сбрендил от горя? Или почудилось? Но всё оказалось гораздо проще. На пороге стоял Федотыч, старый учитель, сосед по даче.

– Здорово, Юра. А я вижу, ты приехал. Думаю, дай зайду. А ты тут кричишь. С Зиной что-то?

– Ушла, Федотыч.

– Да-а-а... Вот такие мы, мужики. А чего случилось-то?

– Что случилось, то случилось... Пришёл сегодня с работы, а она чемодан собирает. Весёлая такая. Сказала, что влюбилась в кого-то, и ушла, вытирая на ходу слёзы. Вот тогда-то я и понял. Понял, что всё серьёзно. Двадцать пять лет мы прожили душа в душу. Но ушла. Я привык, что она всегда дома, на даче. А её нет и не будет. Почему, Федотыч?

– Потому что мы дураки, Юра. Мужик женщину не замечает. Есть она дома и есть. А он и налево ещё не прочь сбегать. Но как только начинает терять ту, которую не замечал, всё: не может этого выдержать. Эгоизм мужской. Как же, его, видите ли, бросили... Любить надо женщин, вот и не будут нас бросать.

Федотыч с нотацией удалился, а Смолин ещё долго метался по маленькой даче, не в силах освободиться от больных мыслей. Утром, не позавтракав, опять ринулся в Москву. Пока ехал в электричке, в голове затеплилась надежда: вот приедет домой, позвонит, и Зинуля откроет ему дверь. Улыбнётся и как ни в чём не бывало спросит: «Завтракать будешь?» И у него само собой вырвалось: «Буду! Буду!» Сидевшая напротив бабка с кошёлкой оранжевых рыжиков посмотрела на него испуганно и перебралась ближе к двери.

От остановки автобуса он почти бегом бежал. Ещё изда- лека стал высматривать свои окна на пятом этаже. А вдруг занавеска зашевелится? Или Зиночка из кухонного окна выглянет и помашет ему рукой? Уже не веря в чудо, под- нялся наверх, нажал кнопку звонка. Тишина. Опять нажал, стал стучать в дверь. Внутри него что-то перевернулось: не покидала мысль, что Зина нарочно не открывает, не пуска- ет в квартиру, и он ожесточённо стал пинать дверь ногами. Щёлкнул замок, и открылась дверь соседней квартиры.

– Юра, Юра, что с тобой? Чего стучать-то? – Баба На- стья, добрая душа, легонько взяла его за руку.

– Так я... это... – промямлил он, трезвея.

– Юра, ведь Зины нет дома. Ты же знаешь. Эх, мужики, мужики... – Баба Настя посмотрела участливо, даже жа- лостливо.

Он молча достал ключ и открыл дверь в пустую кварти- ру. И тут его осенило: Зинка ушла с маленьким чемоданчи- ком, а зимняя одежда где? Обувь? Он кинулся в спальню, но, открыв платяной шкаф, совсем сник: Зинкиной одежды не было – ни зимней обуви, ничего. Значит, заранее вывез- ла одежду, а он даже не заметил. Ничего не видел, никого не замечал – ни Зины, ни Зиночки. Ушли они, и жить стало невмоготу.

Уныло опустил на кровать и лёг навзничь, тупо уста- вившись глазами в потолок. В голове хаотично лезли, набе- гая одна на другую, мысли. Ему уже пятьдесят пять. Зинке – сорок шесть. Кому он нужен? Кому она нужна? А может, и нужна? На свой возраст не выглядит. А когда улыбнётся, то словно солнце в летнее утро выглянет из-за тучи и ода- рит своим светом просыпающийся мир. И поёт, и танцует.

Что ему, дураку, надо было? Двое детей взрослых. Вну- ки. Правду говорят, что седина в бороду, а бес в ребро. Нуж- на ли была Эмма? Каждое лето в Крым едет, и всегда с но- вым кавалером. А что ей? Молодая, здоровьем пышет, тело тугое, а грудь – что два арбуза спелых. Неожиданно для себя он вскочил и стал названивать по телефону на работу: «Эмма, ты? Это Юра. Юрий Ильич. Скажи шефу, меня с утра не будет в офисе. Я после обеда явлюсь. А ты не могла

бы на пару часов отпроситься?» С другого конца провода отвечали холодно, по-хамски. «Идиотка. Ещё матерится. Послала меня. А в Крыму не посылала, когда подарки ей подбирали в ювелирном. Стерва!»

Как-то незаметно он уснул. Во сне увидел Зинку, обыкновенную, а не какую-нибудь жар-птицу. Она купалась то ли в море, то ли в озере с каким-то коренастым мужиком, крепким и совсем не старым. Мужик взял её на руки и понёс на берег из воды, а она счастливо улыбалась, обхватив его за шею.

«Сволочи, что ж вы делаете? При живом муже... Зина, ведь мы же ещё не развелись», – кричал он во сне.

«А тебя нет с нами, – слышался голос жены. – Это – сон... Нет тебя, нет. Это – со-о-он, дурачок», – отдалось в сердце долгим и протяжным эхом.

Он проснулся. Звонил телефон. Сын Иван:

– Привет, папа! Как ты?

– Привет. А что?

– Да знаем мы всё с сеструхой. Ленка говорит, мол, давай к папе поедем, успокоим. А я говорю, зачем успокаивать? Мама заранее нам сказала, что переезжает жить в Тамбов к дяде Толе. Они в институте вместе учились. Помнишь, на фотографии такой симпатичный крепыш? Со студенческих лет в маму был влюблён.

Не отвечая сыну, положил трубку. Все и всё против него. Даже родные дети знали, только он один ничего не знал. А сын-то, сын... Как он спокойно рассуждает о случившемся. Как будто кино пересказывает. Жестокость какая! Или у них, у нынешних акселератов, всё так легко и просто?

Прошлая жизнь, простая и понятная, ушла навсегда. Нужно было учиться жить одному, без жены, жить с тоской и с мыслями, что она больше не с ним, а с тем коренастым мужиком, который во сне достал его. Казалось, научиться уже ничему нельзя. Как и прежде, возвращаясь с работы, он бросал взгляды на свои окна... Иногда ему мерещилось, что он видит Зину в толпе идущих по улице людей. Однажды он явно увидел её на другой стороне Тверской и, невзирая на плотное движение машин, кинулся между ними

вдогонку за ней. Обернулась совсем другая женщина, молодая и весёлая. Сверкнув белозубой улыбкой, беззлобно пошутила:

– Что, старик, обознался? Или познакомиться хочешь?

– Тьфу, – чертыхнулся он в сердцах, отворачиваясь.

Так прошло в тоске и маете около полугода. Постепенно Смолин свыкался с мыслью, что Зины с ним нет. Научился вести своё немудрёное хозяйство: уборка, стирка, готовка самая простая... Всё, о чём он раньше не имел ни малейшего понятия. Одно время потянуло на выпивку, но упал и разбил себе лоб, после чего раз и навсегда запретил себе спиртное. Но тоска одиночества стала постоянной его спутницей. Странное дело, при Зинке он не прочь был пофлиртовать с женщинами, завести знакомство, а без неё – как отрезало.

Однажды утром ему позвонили в дверь. Никто к нему после ухода Зины не приходил, дети обычно звонят по телефону и не докучают. А тут звонок... «Зинка...» – ёкнуло сердце, и он побежал к двери. Нет, не жена, а почтальонша – принесла повестку в суд. Развод!

Как-то поздним вечером Смолин брёл от метро домой. Дул пронизывающий мартовский ветер. Под ногами хлюпала снежная каша, перемешанная с грязью и талой водой. Люди... много людей куда-то торопились: кто-то в дом, кто на службу, кто выгуливал собаку. У ларька безногий нищий сидел на картонной подстилке и кланялся милостыню. Смолин шёл мимо. Он никогда не подал бы ни копейки милостыни женщинам с детьми, инвалидам, старухам в чёрном. Эти несчастные – рабы других людей. Мафии. Зачем ему кормить ещё мафию? Как-то видел на перекрёстке инвалида в коляске – катился среди стоящих перед светом машин и просил подавание. Обычно страдают из недорогих машин, а от тех, кто сидит в престижных марках, не дождёшься. Загорелся жёлтый свет, и коляску инвалида подхватил верзила в кожанке, легко, как баул, отволоч на обочину к запертым машинам. Раньше Смолин слышал от священника, почему надо подавать милостыню нищей братии. «Не нам судить, а Богу, – уверял священник. – Если протянута рука, подай просителю».

Вспомнив наставление, Смолин вернулся к нищему у ларька и подал сто рублей. Тут же выскочила из-под ящика грязная собачонка со сбитой в клочья шерстью. Она скакала на трёх лапах, поджимая заднюю, раненую. Может, на острый лёд наткнулась ночью, когда подмораживает? Или ударили?

Собачка уставилась на Смолина просящим взглядом.

– Тоже подаяния просит? Твоя? – обратился он к безногому.

– Нет, приبلудная...

– Нечего мне ей дать... Еду не ношу с собой...

– А ты сосиску купи ей в ларьке. Пожалей животину. Домашняя она. Потерялась или хозяева выбросили.

Он так и сделал, бросил собачке сосиску и пошёл дальше. И странное дело: ему стало на душе как-то спокойнее. И спешащие по своим делам люди не казались такими угрюмыми, как раньше. И ветер стал по-весеннему тёплым. И звёзды, щедро усыпавшие тёмное небо, мерцали загадочно и призывно. «Сколько тайн скрыто в этом мерцанье звёзд? И где-то там, в вышине, Тот, кто всё видит и оценивает нашу жизнь на Земле. По грехам нашим и воздастся нам...»

Впервые за полгода после ухода Зины он воспринял окружающий мир с оттаявшей душой.

Около дома услышал тихие шлепки позади себя, словно чьи-то мелкие шагжки. обернулся и увидел бегущую по грязи на трёх лапках давешнюю собачку. Сердце защемило, на глаза навернулись слёзы. Он, не обращая внимания на грязь, стекавшую с шерсти собачки, подхватил маленькое тёплое существо на руки.

«Как тебя зовут, милая? Как?» – шептал он, поднимаясь по лестнице к себе на этаж. Собачка, повизгивая, уткнулась холодным носиком в залитое слезами лицо и лизнула его шершавым язычком.

Когда открывал дверь, на площадку вышла баба Настя:

– Юра, ты что? Собаку решил завести? О Господи! И где ты взял её, такую грязную? Небось подобрал на улице?

– Да. У метро привязалась. Увечная она. На трёх лапках прыгает. Я около дома заметил, за мной бежит. Жалко стало.

– Ну, Юра... Доброе сердце у тебя. Что я тебе скажу, Юра... Зина сегодня ко мне заходила. Плакала. Видно, жалко ей, сердешной, тебя.

Весь вечер Смолин возился с собакой: отмывал её в ванной, кормил, в коридоре устраивал подстилку из старого Зинкиного пальто, найденного среди хлама в чулане. Весь вечер мурлыкал сохранившиеся в памяти строчки детской песенки, разговаривая при этом с собачонкой: «Мы едем, едем, едем в далёкие края... А как мы тебя назовём, милая? Найдёныш? Весёлые соседи, прекрасные друзья... Нет, нет... Ты ведь девочка!»

Смазывая йодом пораненную лапку, он целовал собачку во влажный носик. Отмытая, с расчёсанной шерстью, собачка оказалась прекрасным абрикосовым пуделем. Чёрные глаза-бусинки смотрели на Смолина преданно, следя за каждым его движением. «А назовём мы тебя...» – Он нагнулся и прошептал собачке что-то на ухо.

Собака уже спала на подстилке в коридоре, а Смолин ещё долго стоял на балконе и смотрел в звёздное небо, напевая то одну, то другую строчку известной песенки, иногда перевирая слова: «...обезьяну, попугая... Вот компания какая!» Его лицо светилось от умиления, словно он увидел в звёздном небе то, что увидеть никому не дано.

Однажды в предгорьях Троодоса

(За секунду до обрыва)

Всё пройдёт, всё кончится...

А это не кончится никогда...

Серафим Саровский

На машину обрушился внезапный ливень. Стена воды. А вдали, с левой стороны, в горах – молнии. словно какие-то великаны собрались в небе над высокими вершинами Троодоса и сражаются, пуская друг в друга огненные стрелы. И когда они промахиваются, то разят этим страшным оружием неповинные горы. А если пара-тройка великанов скатится с вершин сюда, в долину? А если кто-то из этих небесных страшилищ промахнётся и попадёт вместо своего врага в маленькую машину, что пытается прорваться сквозь стену воды? Неужели так просто и так ужасно может закончиться жизнь?

– Андрей, выключи мобильник! Немедленно выключи! Опасно! Эти чудища специально нас выцеливают, – испугалась Алёна.

– Чушь. Какие чудища? Это – гроза! Это – музыка стихии! Это – небесный оркестр! Звуки, звуки, звуки, литавры, тромбоны, трубы и скрипки! Они живые! Да здравствует гроза!

Русоволосый мужчина дурачился за рулём «мазды», дразня Алёну, словно юнец. Затем – отдалённый, словно из-за туч, камнепад стихов:

*Казалось, что всесильный дирижёр
Настраивал таинственный оркестр:
Там, в небе грозном, громоздились тучи,
Сверкали молнии во тьме гремучей...*

– Мне страшно. Давай заедем в деревню. Переждём грозу в таверне.

Вдруг раздался взрыв, сопровождаемый переливами с грохотом и треском. В это же мгновение мир осветился ярким, слепящим глаза и сознание светом. И опять темнота. Только слабое свечение фар машины пыталось пробить толщу воды и тьмы. Девушка на переднем сиденье сжалась в комочек, закрыв лицо руками.

– Дурашка. Не бойся, я здесь, всё будет нормально. Найдём деревню. Скоро приедем, – убеждал Андрей, поглаживая её руку.

Впереди что-то мелькнуло, и он почти инстинктивно вдавил тормозную педаль в пол. Машина так резко остановилась, что не будь Алёна пристёгнута ремнём, она влетела бы в лобовое стекло.

– Что случилось? Почему ты остановился?

– Там что-то было.

– Где?

– Впереди был человек или зверь! Может, мы его сбили?

– Надо выйти. Помочь.

– Подождём. Немного подождём.

Зачем он свернул на эту боковую дорогу? Никакой деревни тут нет. Позади оживлённая трасса Пафос – Лимасол. Послушался Алёну и поехал искать таверну. Где деревня? Где таверна? Может, ему показалось?

– Алёна, поищи фонарь.

В свете фар появилась сгорбленная фигура в плаще с капюшоном. Андрей открыл дверь и крикнул:

– Кто вы? Вас подвезти?

– Подвези, мил-человек. Мне здесь недалеко, – ответил незнакомец по-русски.

Не хотелось впускать в салон чужого человека, да ещё и в мокром плаще, но не оставлять же его под дождём. По голосу Андрей догадался, что перед ним старик, да ещё и земляк. Здесь, на Кипре, на затерянной дороге, встретить в грозу соотечественника и не помочь?

– Садитесь в машину. Здесь и поговорим.

Человек, по-стариковски кряхтя, забрался в салон и откинул капюшон. Вспышка молнии осветила белую бороду, седые волосы, ниспадающие на плечи, худое лицо и молоджавые синие глаза.

– Спасибо, мил-человек. Мне недалеко. Впереди за поворотом домик стоит.

– А таверна там есть? Нам бы дождь переждать. Льёт как из ведра! Громы, молнии. Алёна испугалась, бедная.

– У меня переждёте непогоду. Я чайком напою, на травах. Дождь хоть и сильный, но скоро кончится.

– Извините, как вас зовут? Вы русский? Что в этой глуши делаете?

– Серафим я. На всё Божий промысел.

– Показывайте дорогу, уважаемый, – попросил Андрей, дивясь странным словам старца.

– Ты всё сам увидишь, Андрей! А вы, Алёна, не пугайтесь. Дождик – Божья благодать, а для Кипра особенно. Здесь ценят воду. Без дождика и птахи не поют.

Андрей вёл машину осторожно, с опаской всматриваясь в дорогу. Дождь лил с той же неистовой силой, небо громыхало, молнии сверкали над Троодосом.

«Откуда дед знает моё имя? Я ведь не успел сказать», – подумал он вдруг, а вслух промолвил:

– Меня Андреем зовут. А вас как по отчеству?

Не успел закончить фразу, как старик ответил:

– А ты зови меня просто отец Серафим. Не надо по отчеству.

– Как же вы, отец Серафим, в такую погоду на дороге оказались? – подала голос Алёна.

– Я привычный. Вас жалко. Испужались? А не надо бояться. Господь всё видит и никогда не оставляет в беде страждущих. Вы могли съехать с дороги, а там дальше обрыв.

Впереди справа показался тусклый огонёк.

– Огонь впереди. Нам туда? – спросил Андрей.

– Туда-туда, мил-человек. Лампадка моя. Деревянное маслице и фитилёк.

– У вас здесь электричества нет? А как же зимой? Как пищу готовят люди? – удивилась Алёна.

– Печка у меня. В чугушке варю. И тепло от печки. А электричество мне без надобности.

Подъехали к домику. Небольшой, «в лапу» сруб. Некрашенные брёвна. Дверь тёмная, низкая. Окошечко – совсем как для детей. Домик будто перенесли из далёкой русской деревушки, затерянной среди глухих лесов. Откуда на Кипре такой домик-сруб?

Внутри оказалась опрятная комнатка, и посреди – русская печка. В красном углу – иконы. На столе из тёсаной доски – самовар. Гости сели на лавку. Горела простая лампадка, огонёк ровнёхонький, чистый, без копоти, спокойный.

Отец Серафим снял плащ, повесил его на крючок возле двери. Плащ был абсолютно сухой. Как же так? Они с Алёной пять шагов от машины пробежали под дождём и промокли до нитки. Что-то здесь не то. Дед в белой, длинной, до пят, холщовой сорочке. На шее деревянный крест на кожаном шнурке.

– Угощайтесь, хорошие люди, чаем. И мёд кушайте.

Каким-то чудным образом на столе оказались белые чашки и мёд в деревянной плошке. От разлитого отцом Серафимом чая по комнате пошёл терпкий аромат позднего лета. Такой чай Андрей пил у бабушки в деревне в Тверской губернии. Он помнил траву, которую бабушка заваривала. Иван-чай! Синие цветочки на высоком и тонком стебле. На солнечном пригорке собирали с бабушкой Матроной.

– Как хорошо пахнет, – не удержался Андрей. – Аромат лета, деревни.

– Аромат Руси, – добавила Алёна.

Она подошла к углу с иконами, три раза перекрестилась с поклонами.

Отец Серафим стоял у печки и с улыбкой смотрел на своих гостей.

– Бабушку Матрону вспомнил, мил человек. Она у тебя хорошая.

– Вспомнил. Бабушка поила меня таким чаем в детстве.

Андрей не понимал, почему он разговаривает со стариком о бабушке, которую отец Серафим не мог никогда ви-

деть и которой давно уже нет на этом свете. Ему самому уже тридцать исполнилось. Рядом жена Алёна, это их свадебное путешествие на Кипр.

Андрей говорил и говорил о бабушке Матроне и не мог остановиться. Вспомнил, как в детстве родители отправляли его в деревню и как он ждал этих поездок. Оставался там на целое лето. Ходил с ней травы собирать. И разговаривала она с ним всегда как со взрослым.

– Андрюша, как ты думаешь, дождь будет сегодня? – с утра спрашивает бабушка.

Сколько ему лет было? Только в школу пошёл. А он степенно отвечает:

– Вона ласточки как низко летают. И тучи над лесом, куда солнце скатывается, появились. Будет небось.

– Ах ты мой приметливый. И я так считаю.

Бабушка пришла на память, и где он её вспоминает? В горах на Кипре, в домике русского старика, который назвался отцом Серафимом! Странная встреча – ночь, гроза, и вдруг невесть откуда появившийся старик.

Утром светило яркое нежаркое солнце, как бывает в начале ноября на Кипре. Горы Троодос на фоне голубого неба казались такими близкими, хотя до этих вершин ехать и ехать. Они опять на дороге в Лимассол, петляющей среди виноградников и огороженных пастбищ для коз и овец. Белые кипрские козы пощипывают травку. Что они находят на этом выцветшем от жаркого солнца горном плато?

Вдруг почти неосознанно Андрей остановил машину.

– Андрюша, что? Почему ты остановился?

– Мы здесь уже были. Вчера вечером, когда была страшная гроза, мы здесь остановились.

Он вышел из машины и шагнул в сторону от дороги.

– Смотри, Алёна! Вот остались в глине следы от протектора. Это наши следы! Я здесь резко затормозил. А дальше – обрыв!

Андрей стоял на краю пропасти. Как молния, мелькнула в голове картинка: ливень, взрыв в небе, испуг Алёны, и он сворачивает с трассы на боковую дорогу, чтобы переждать непогоду в деревенской таверне. Сколько он ехал по этой

грунтовой дороге? В какой момент он свернул в сторону пропасти? Ещё несколько метров, и...

– Алёна, ты помнишь, что потом было? Старик, русский сруб. Чай на травах.

– Я помню икону Божьей Матери в углу, – тихо сказала Алёна.

– А что было потом? Где мы ночевали?

– Не помню.

– Как же мы сюда забрались? Море и трасса далеко внизу!

Они ещё какое-то время молча постояли у обрыва. Неожиданное приключение в свадебном путешествии. Они были на волосок от смерти! Старик их спас, отвратил от беды и приютил в своём домике на ночь.

«Но почему я ничего не помню? Как уезжали утром от старика, не помню», – не мог избавиться от мысли Андрей.

– Алёна, давай вернёмся назад? Найдём домик старика. Поблагодарим его. Купим ему в ближайшем селении еды.

– Не надо, Андрюша. Не надо возвращаться. Мы ничего не найдём. То был святой Серафим Саровский. У нас дома икона с его ликом. Когда в небе страшно загрохотало, я «Отче наш» читала и к преподобному Серафиму обращалась за помощью, чтобы он молил Бога о нашем спасении.

– Но как же...

– Не говори ничего, Андрюша. Давай ещё немножко помолчим и поедем.

Потом в машине Алёна тихо прошептала мужу:

– Святой Серафим спас нас и нашего ребёнка. Я беременна.

По просьбе Алёны на въезде в Лимассол Андрей остановился у величественного храма святых Арсения и Паисия. Поставили свечи за здоровье близких, всех, кто находится в дороге, и за упокой души бабушки Матроны.

Андрей не послушался Алёну и пытался узнать у киприотов о русском старике Серафиме, живущем в древнем срубе в предгорье Троодоса. Ему объясняли, что в том месте никаких домов нет, кроме сторожек пастухов. Он долго раздумывал над тем, что произошло той грозовой ночью. Прозрение придёт много позже, когда Андрей с женой ста-

нет бывать на службе в храме преподобного Серафима Саровского в Москве, узнает о жизни и пророчествах великого старца и воспримет его наставления сердцем.

* * *

В августе месяце следующего года, впервые за всё лето, над Москвой разразилась гроза с громом и молниями. К утру погода успокоилась. Андрей стоял перед роддомом на Воробьёвых горах с букетами красных роз. Небо было ясное и чистое, как после грозы в предгорьях Троодоса. Лучи восходящего солнца пали на клумбу с ярко-белыми флоксами, отражаясь в их лепестках тысячами искр. Ещё вчера покрытые московской пылью и прибитые жарой деревья казались неприглядными и серыми, но сейчас листва была ярко-зелёной. Парк преобразился: липы, клёны, берёзы словно оделись в новые нарядные платья.

В семейном альбоме Андрея и Алёны хранится фотография: счастливая Алёна, Андрей с двумя новорождёнными детьми в голубом и розовом конвертах, две медсестры с букетами цветов. У больничного подъезда – белые сверкающие флоксы, а в конце аллеи виднеются золотистые купола небольшой церквушки, где позже крестили двойняшек. Мальчика нарекли Серафимом, девочку – Матроной.

У синего моря

Соня остановилась в отеле «Жасмин» в Лимассоле. Выбирала через интернет и не прогадала. Вторая линия, но до моря пять минут ходу: перейти дорогу, затем парк, и вот оно – море! Городской пляж, но какая ей разница! При её финансах – самое то! Перед тем как оформляться, попросила менеджера показать её номер. Посмотрела и обомлела: гостиная с телевизором, спальня с широченной кроватью, отдельная кухонька, просторная ванная, два огромных балкона.

– Так это же апартаменты! – не смогла скрыть эмоций Соня.

– Да, мадам! Апартаменты, – вежливо подтвердил немолодой киприот.

– Я одна. Скидка будет?

– Да, мадам. Десять процентов скинем.

– А завтрак? Завтрак тоже входит в цену? – деловито допытывалась Соня.

– Завтрак стоит пять евро. Дополнительно.

Получилось, что номер с завтраком будет стоить ей пятьдесят евро.

Соня ликовала. Впереди две недели безмятежного отдыха. Бросилась на кровать, раскинула руки в стороны и запела:

*Что было раньше – не вернётся,
Что будет дальше – не поётся...
Пустите Сонечку в Париж!*

Париж будет потом, а сейчас Лимассол ей очень подходит. Пока ехала из Ларнаки, удивлялась обилию и яркости цветов, растущих вдоль дороги. Цветы, цветы, цветы... Белые, жёлтые, розовые.

– Как называются? – спросила таксиста.

– Олеандр, – по-русски ответил водитель.

Красота! Многие киприоты хоть чуть-чуть говорят по-русски. Даже менеджер в гостинице приветствовал её на русском: «Добро пожаловать!» Английский она знает неплохо, окончила в Подмоскowie специализированную школу.

Июль месяц – не жарко, но тепло и комфортно. На пляж, на пляж, на пляж! Пять часов пополудни, в самый раз – на пляж. Вскочила с кровати и стала переодеваться. Купальник новый, ярко-синий. Очень подходит к её рыжим, почти красным волосам. Белая кожа, совсем-совсем. А когда ей было загорать в Москве? С утра до вечера на работе. По выходным – работа на дом. Да и погоды не было. Дожди. Ветер. Случилось несколько солнечных и даже жарких дней, но, как назло, попадали они на будни. А теперь она здесь! На Кипре! Беленькая, рыжая, в модном купальнике и... с клёвой фигурой. Ноги стройные, попа аккуратненькая, и бюст – нате вам! Не большой и не маленький! Крутанулась несколько раз перед зеркалом, посмотрела на себя со спины. Всё хорошо! Набросила лёгкий халатик, покрутила на пальчике резиновые шлёпанцы и швырнула их в зев большой хлопчатобумажной сумки. На пляже пригодятся. А по улице она будет идти в босоножках на каблучках. Цок, цок, цок по асфальту. Услышат, заметят! Заметят все, кто интересуется красивыми женщинами. А кто интересуется? Красивые мужчины. А киприоты видные и любвеобильные! Взлохматила причёску, показала язычок весёлой бесити в зеркальце и, помахивая сумкой, побежала к лифту.

В кабинке оказался немолодой мужчина плотного телосложения в белом костюме.

– Девушка, на пляж? – спросил по-русски.

– На пляж, на пляж! И вам советую.

– Так я готов! С вами!

– Э, не-е-е... У вас свой пляж, а у меня свой! Ариведерчи! – выпорхнула из лифта, помахав земляку рукой.

У перехода остановилась, ожидая зелёного света. Водители проезжающих машин бесконечно сигналили, а один даже остановился и призывно распахнул дверь. Так бы дол-

го стояла и ждала, но на другой стороне улицы появился молодой человек, нажал кнопку, и зелёный свет загорелся. Парень подбежал к ней, подал руку и перевёл через дорогу. При этом он улыбался, что-то учтиво говорил по-гречески. Сразу же попрощался и убежал, лавируя среди начавших движение машин. Соне стало немного обидно – мог бы и поприставать чуть-чуть этот грек.

Пляж, песок, лежаки с зонтами. Пять евро, и наслаждайся солнцем и морем. Публика обычная. Молодые и старые, девушки и мужчины, семейные пары. В будний день людей не так много. С разбегу бросилась в море; вода бодрящая, но скоро стало очень приятно, и она поплыла размашистым кролем до волнолома. Плавала она хорошо – ещё в детстве ходила в секцию при бассейне «Москва».

Взобралась на тёплые камни. С удовольствием подставила лицо и тело солнечному ветру. На рейде корабли, большие и крохотные – много, может, с десятков. Песчаный пляж тянется вдоль береговой черты, и везде отдыхающие – праздная публика. Вдали горы. «Изрезано небо вершинами гор...» – вспомнилась строчка о Коктебеле. Когда-то, на последнем курсе Литературного института, она побывала с друзьями в Крыму. Вечерами – костёр и песни. Днём – на море. Помнится, что у них был какой-то уговор с местным начальством: им разрешили раскинуть палаточный лагерь у подножья горы, в заповедных местах, а за это нужно было охранять лес от диких туристов, разжигающих костры. Весело было. Но здесь горы другие, не такие высокие, как в Крыму. На фоне неба чётко видна ломкая линия горных вершин. Повернулась и посмотрела на пляж. Представила, как она оттуда смотрится, стройная, высокая, с ярко-рыжей копной волос. То-то мужики пялятся сейчас на неё. И вдруг заметила в воде группу мужчин, словно стадо тюленей, плывущих в её сторону. Она никогда не видела тюленей в воде, но представила, что вот так они и плывут, отфыркиваясь и высоко поднимая усатые морды, высматривают, что там впереди. Сравнение мужиков с тюленями ей понравилось. Она засмеялась и бросилась в воду, крикнув взбирающемуся на волнолом загорелому доходяге:

«Догоняйте!» Да куда там! Остался «тюлень» отдуваться на камнях, а вскоре к нему присоединилось ещё с десяток таких же любителей познакомиться со стройной красоткой в бикини.

На обратном пути Соня боковым зрением ловила восхищённые взгляды мужчин и старалась не обращать внимания на сигналившие ей машины. Хорошо быть молодой, независимой и красивой! Что она красивая, не сомневалась ни сколочка. Широкоскулое лицо, небольшой прямой, словно точёный носик, распахнутые настежь зелёные глаза. Улыбку немного портит щербинка, но со временем поняла, что это её особенность, фишка такая. Ей предлагали устранить этот дефект, поставить фарфоровые коронки. Подумала-подумала и отказалась. Белозубых красавиц с голливудской улыбкой немало, а она со своей фирменной одна такая!

В палатке купила у старика-торговца бананы и абрикосы. Вечером заварила чай, достала маленькую баночку мёда, сливки и устроила себе ужин с тремя печеньками! Всё – своё, из Москвы привезённое. И сытно, и экономно. Не стала включать телевизор, а с удовольствием погрузилась в поэзию Анны Ахматовой. Она всегда возит с собой томик любимого поэта – «В то время я гостила на земле...». Загадала страницу двести четыре. Она любила такую игру: открыть загаданную страницу и примерить стихи к себе, к своей судьбе. В этот раз выпала поэма «У самого моря», читанная-перечитанная ею, но от того не менее любимая.

*Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила солёную косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зелёная рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и весёлой
И вовсе не знала, что это – счастье.*

Сколько раз читает эту поэму, всегда испытывает волнение, замешанное на восторге. Представляет себя лежащей

на тёплых камнях. Разговаривает с зелёной рыбой и с белой чайкой. А где-то там, на паруснике, смуглый и ласковый царевич! Сказка! Глупости! Время ласковых царевичей прошло или даже не начиналось. И во времена Ахматовой их не было, а может, их и никогда не было. Но хочется, ой как хочется верить в эту сказку! В ней царевич умер, поэтому не так важно, был он или не был. Важно, что мечта о нём была! Вот и она, Соня Баранова, выпускающий редактор известного книжного издательства, мечтает о своём царевиче. Где он? В издательство приходят поэты уже пожившие, далеко не царевичи. А молодые? Есть, конечно, молодые, но у них нет денег даже на издание своих книг.

Зазвонил телефон, да так громко, что вздрогнула от испуга. В трубке приятный баритон приветствует на английском:

– Добрый вечер!

– Вы кто? – спросила Соня по-русски.

– Я? Поэт, – ответил баритон, но уже по-русски, с кавказским акцентом.

– До свидания, поэт!

Надо же! Звонит прямо в номер, чтобы познакомиться. С кем? С девушкой? Или путаной? Нет бы под дверь поставить розы или веточку этого самого олеандра. Прimitив. Звонок – и девушка бежит к нему на свидание или даже сразу в номер. Как бы не так! Отключила телефон и стала рисовать в блокноте рыжую девушку, лежащую на камнях у самого синего моря. Рисунки ей всегда легко давались. Вот и сейчас эта рыжая лежит на камне и мечтательно смотрит в морскую даль, словно русалка.

Не заметила, как уснула, и хорошо – проснулась до восхода солнца. Наскоро умылась – и на пляж! На перекрёстке неспешно прошла на красный цвет. Город ещё спит. На другой стороне улицы остановилась машина, и таксист лет под пятьдесят радушно открыл дверь:

– Поехали?

– Без меня.

Откуда они знают русский? И как безошибочно определяют, что она русская. Хорошо хоть, получив отпор, не пристают и уезжают.

Поёживаясь, вошла в прохладную воду, но, преодолев себя, резко окунулась и скоро поплыла к волнолому. Вскрабкалась на прохладные камни и стала ждать восхода солнца. Невдалеке сидел рыбак в плаще и широкополой соломенной шляпе. Пригляделась – старик. Как он оказался здесь одетым? Ведь лодки рядом нет. А может, кто-то привёз его? Подошла к старику, машинально здороваясь:

– Доброе утро! Как вы приплыли сюда?

Старик удивлённо посмотрел на неё и заулыбался. Сообразила, что по-русски старик не понимает, и повторила приветствие по-английски.

– Калимера! – ответил рыбак.

Она уже знала из справочника, что по-гречески это значит пожелание доброго утра. Тут же старик сказал тоже по-английски:

– Меня зовут Спириос. Как вас зовут, леди?

– Соня, София! Я – русская. Как вы приплыли сюда?

Спириос приветливо пояснил, что он раздевается на пляже, складывает одежду в большое пластмассовое ведро и плывёт, толкая ведро перед собой.

– А рыба? Рыбу поймали?

В ведёрке поменьше оказалась рыба, что-то вроде черноморской барабульки.

Пока разговаривала с рыбаком, над горизонтом показалось солнце. Синяя парусная яхта отделилась от берега и побежала в открытое море.

– Как красиво! Восход, и белый парус мчится навстречу солнцу! – воскликнула Соня.

– Внук мой. Адонис. Это – его яхта. В Грецию отправился. На острова.

– Один?

– Он любит выходить в море один. Ныряет. Ищет морские клады.

– Так это же опасно! Я читала.

– Да, опасно в море выходить одному. Но он любит так. Берёт отпуск и путешествует на своей невеликой яхте. Сам сделал. Ну, я немного помогал.

– А как называется яхта Адониса?

– «Анна». В честь бабушки назвал.

«Как интересно! – подумала Соня. – Вот бы когда-нибудь выйти в море на яхте».

Попрощалась со стариком, пожелала его внуку счастливого плавания и отправилась к берегу.

– София, жду вас завтра встречать восход солнца!

– Спасибо! – радостно откликнулась она. – Хорошей рыбалки вам!

И покатилося время. С утра – на пляж, днём – экскурсии по восхитительным кипрским местам: монастыри, древний город Курион, знаменитая кружевами деревня Лефкара, горы Троодос. Освоилась в Лимассоле и по вечерам позволяла себе пройтись по улице и полакомиться вкусным мороженым. Ухаживания кипрских мужчин отвергала легко и с юмором! Эту рыжую девчонку многие таксисты давно заметили и даже покровительствовали ей: предлагали бесплатно прокатить или подвезти. А со стариком Спириосом она очень и очень подружилась, тот частенько с утреннего улова угощал рыбой, которую она потом готовила на своей кухоньке. По вечерам рисовала в блокноте кипрские пейзажи, но всё чаще – синюю яхту с белыми парусами. И наслаждалась... наслаждалась поэзией Анны Ахматовой:

*Солнце лежало на дне колодца,
Грелась на скалах сколопендры,
И убежало пережати-поле,
Словно паяц горбатый, кривляясь,
А высоко взлетевшее небо,
Как Богородицы плащ, синело...*

Оставалось три дня отдыха. Утром, как обычно, приплыла на волнолом, но там было пусто. Впервые старика с удочкой не было на камнях! Почему Спириос не предупредил, что его сегодня не будет? В сердце закралась тревога, и Соня, не став встречать восход, поплыла назад. На берегу подошла к рыбакам на пирсе и взволнованно стала расспрашивать:

– Я ищу Спириоса. Кто знает, где он? Почему его нет на волноломе?

– У Спириоса несчастье. Внук пропал. Яхта покинула Грецию, и с ней нет связи.

Что же это такое? Почему так? Ведь в поэме «У самого моря» утонул царевич. Но Адонис не её царевич! Она с ним даже не встречалась. Но почему, почему ей хочется плакать?

– А где можно найти Спириоса?

– Он сегодня утром собирался на другой яхте выйти в море с друзьями Адониса, искать внука.

«Господи, помоги мне! Помоги мне успеть к отходу яхты», – молилась она, пока бежала в гостиницу, и затем в такси по пути к порту. Потом сообразила, что она даже не знает, где там искать Спириоса и друзей его внука.

У причалов множество яхт, как среди них найти ту, которая нужна, если даже не знаешь её названия? Соня стояла в надежде, что Спириос и его друзья увидят её. Трудно не заметить одинокую девушку с огненно-рыжими волосами, в цветном ситцевом платье и с оранжевой сумкой в руках. Вдруг на входе в порт появилась ярко-синяя яхта под белым парусом. Когда она приблизилась, Соня увидела на борту белую надпись «Анна». За штурвалом стоял парень в светлой футболке и шортах. Тот, что помог ей перейти дорогу в первый день на Кипре. И он, Адонис, махал ей рукой и улыбался, как в первую встречу, когда взял её под руку и повёл через поток резко затормозивших машин.

* * *

Эту историю я услышал от моего кипрского друга Михалиса, который познакомил меня с рыбаком Спириосом. К сожалению, мне не удалось встретиться с Соней, Адонисом и их маленькой дочкой Анной. Они живут в Подмосковье, а на Кипр приезжают только на летние каникулы. Впрочем, Соню я хорошо знаю, ведь она выпускающий редактор моих последних книжек. А ещё нас объединяет то, что мы оба любим поэзию Анны Ахматовой и верим, что у синего моря случаются чудеса.

Манана – чистая душа

Новый посетитель сразу понравился Кристи. Как только она увидела его входящим в таверну, тут же подскочила к нему:

– Калиспера!

– Добрый вечер, – ответил мужчина по-английски. – На веранду можно?

У него был какой-то странный акцент.

– Пожалуйста. Но там нет кондиционера.

– А мне без разницы, – ответил мужчина и прошёл вперёд, как будто он здесь уже бывал, хотя Кристи видела его впервые.

Достоинством этого маленького неприметного кафе «Ностальгия» считалась большая веранда, выходящая в сад. Здесь не слышен шум улицы, обстановка уютная: покрытые белыми скатертями столики, цветущие кусты роз, деревья – лимонные, оливковые, апельсиновые. Лето было довольно жарким, и сейчас, в конце сентября, жара ещё не совсем спала. Посетители кафе сидели в зале с кондиционером.

Отказавшись от винной карты и меню, приятный гость сразу сделал заказ:

– Бутылку белого вина и фрукты.

– Какое вино вы хотели бы?

– Неважно. Сама выбери.

Кристи отправилась выполнять заказ, но её не покидало любопытство. Довольно симпатичный мужчина среднего роста и лет не старше пятидесяти. Чёрные как смоль волосы, глаза – карие. И говорит с красивым акцентом. Итальянец! Нет-нет, итальянские мужчины не такие, они экспрессивные. А этот какой-то сам в себе. Невесёлый, даже, можно сказать, угрюмый. И разве итальянец останется без-

различным к хорошенькой девушке? А Кристи была хорошенькой и знала это. Русоволосая, с короткой стрижкой, чуть-чуть курносая задорная милашка с большущими серыми глазами. И пофлиртовать с клиентом она не прочь, если мужчина симпатичный.

Кристи выбрала самое дорогое французское вино. Но гость не оценил её выбор, даже попробовать не стал. Сидит в одиночестве и сосредоточенно смотрит вдаль. Что он там видит? Обычный кипрский ландшафт. В свете огромной полной луны – холм и белые виллы на нём, небо усыпано звёздами. Возможно, мужчина ждёт друзей, чтобы вместе поужинать?

Кристи принесла гостю фирменные бутерброды на шпажках и поставила блюдо на стол. Мужчина устало посмотрел на неё:

– Я не заказывал!

– Это от шефа, канапе, – улыбнулась Кристи, – в подарок гостю. У нас принято.

– Спасибо. Хорошо. Оставьте.

Гость был неразговорчив, но девушка решилась:

– Можете звать меня Кристи. Горячее будете заказывать? Или вы ждёте друзей? А можно мне к вам обращаться по имени?

Он взглянул на неё, слегка улыбнулся и сказал вдруг по-русски:

– Я – Георгий. Спасибо, Кристи! Мне больше ничего не нужно. Если потребуется, я позову вас.

– Ой, так вы – русский?

– Нет, не русский. Но язык знаю. Не много ли вы на меня времени тратите?

– Извините, – тихо сказала Кристи и с сожалением покинула Георгия.

А что ей оставалось делать? Она с удовольствием постояла бы рядом со столиком, поговорила бы с гостем, но он не настроен общаться. Кристи нет-нет да и посматривала в его сторону через стеклянную дверь веранды, а иногда даже подходила и стояла невдалеке от него, у двери. Но суровый мужчина сидел, уставившись на предмет, видимый

только ему одному. Кристи могла минут пять простоять на веранде, ожидая, что он обратит на неё внимание, но пустынный взгляд мужчины не замечал никого. В какой-то момент Кристи увидела, что Георгий вдруг резко привстал, наклонился вперёд, словно всматриваясь во что-то. Она никак не могла понять, что его заинтересовало. Возможно, луна? Она поднялась выше в небе, стала ещё больше, чем в начале вечера, и продолжала поливать бледным светом землю и всё те же неизменные белые виллы на холме.

Георгий вышел в сад. Кристи хотела спросить его, не нужна ли помощь. Хотя чем она может ему помочь? Пусть вначале скажет, что нужно. Её мысли прервал голос управляющего:

– Кристи, что ты там застряла? Подойти к угловому столу.

– Иду, – с неохотой заторопилась Кристи.

А Георгий наблюдал за женщиной, появившейся на балконе одной из вилл. Его лицо тронула улыбка, губы что-то шептали. Это уже был другой мужчина. Теперь угрюмость отступила, и казалось, что он чему-то рад.

Женщина на балконе стояла неподвижно, возможно, она рассматривала звёздное небо. Силуэт её фигуры в белом платье чётко просматривался в лунном свете. Георгий достал из нагрудного кармана телефон и ещё раз прочёл сообщение. Он получил его сегодня в аэропорту, когда автобус уже подъезжал к трапу самолёта. Как и тогда, слова ещё раз выстрелили в него: «Георгий, твоя жена сегодня вечером встречается с любовником! 20.30. Кафе „Nostalgia“». Сейчас ровно восемь вечера. Что дальше? Отправится на свидание или останется дома? А если уйдёт всё-таки из дома, значит, их встреча здесь? Как можно поверить, что у его Мананы любовник, какой-то другой мужчина? Немыслимо! И всё же червячок сомнения точил душу. Ведь эта ситуация – бомба под их семейное житьё-бытьё.

Не смог он просто сесть в самолёт и улететь. Терзал бы себя мыслями. Лететь долго: до Киева, потом, после пересадки, – до Харькова. Конечно, он мог позвонить; Манана – чистая душа, доброе сердце, верная жена. У них двое взрос-

лых детей: сын и дочь. Почему он не позвонил? Манана не смогла бы ему соврать. Он её любит, и она его любит. Как он мог в такую чушь поверить?! А теперь из сада таверны подсматривает за своей собственной женой, которая почти рядом, на балконе их дома, и не кажется, что она настроена куда-то бежать.

Но что это? Манана подносит телефон к уху. У него внутри всё перевернулось. Ей звонят? Она звонит? Неужели всё правда и сейчас его жена говорит с тем, другим? Зазвонил мобильник Георгия.

– Да, слушаю, – ответил он машинально.

– Георгий, ты уже долетел? Где ты, дорогой?

– В Киеве.

У него срывается голос. Врать неприятно.

– Что с тобой, Георгий? Ты не заболел? Когда в Харькове?

– Манана, со мной всё нормально. Люблю тебя! В Киеве задержусь на два дня. Я позвоню тебе завтра вечером.

– И я тебя люблю, Георгий. Целую. Пока.

Манана отключила телефон, но осталась на балконе. Какая красота вокруг! В Харькове дожди, а здесь Божья благодать. Слава Богу, Георгий уже прилетел в Киев. Такое тревожное время. На работе места себе не находила, ждала с нетерпением, когда, по её расчёту, самолёт приземлится в Киеве. Вернулась домой – и сразу на балкон, чтобы сбить тревогу в душе. Это небо, эти звёзды – они всегда её успокаивают. «В воскресенье поеду в монастырь Святого Георгия и поставлю свечку», – решила она. Как ещё оградиться от напастей сего мира? Её муж под защитой святого Георгия.

В душе наступило умиротворение, тревога отошла, но не совсем. Над ней, над Кипром, над всем миром довлеет зло – гибель россиян в самолёте над Синаем, расстрелы людей в Париже; ей кажется, что Кипр – в эпицентре этих событий. Где, как и что ещё может случиться? Невозможно быть полностью счастливой, когда такое происходит. На Украине беспокойно, а там их дом, родня, друзья, знакомые. Так получилось, что она, грузинка, приехала после

школы поступать в Харьковский медицинский институт. Поступила и тут же встретила армянина Георгия (он старше её – уму непостижимо! – аж на десять лет!), влюбилась и вышла за него замуж. Родители Георгия, армяне, когда-то тоже познакомились в Харькове, и этот город стал для них родным. Здесь родились их с Георгием дети. Любимый город! Как ей не хотелось уезжать на Кипр, но муж настоял, купил дом и отправил её и детей сюда. И вот уже два года они в Лимассоле, а Георгий – в Харькове. Один. Зарабатывает там, семью обеспечивает. Здесь бывает наездами.

Конечно, ей хотелось бы вернуться в Харьков, но... Манана прогоняла такие мысли и запретила себе дальше рассуждать на эту тему. Сын уехал в Армению на свидание с девушкой, хочет привезти её на Кипр и жениться. Дочь отпросилась в горы, к подружке. Муж улетел, и, к счастью, его самолёт уже приземлился. Конечно, она тоже может поехать к друзьям мужа в гости – здесь большая армянская диаспора. Грузин поменьше, хотя, впрочем, выходцев из Грузии – понтийских греков тоже много. А в косметическом салоне, где она работает, девушки в основном из Украины, хотя хозяйка Лена – русская. В Лимассоле и шагу не ступишь, чтоб не услышать русскую речь. Всё-таки хорошо, что она живёт на Кипре! Народ – терпеливый и дружелюбный.

Манана заварила чай и уютно устроилась на балконе. Включила музыку. Приятный баритон запел о любви.

*Как восхищают ваши речи!
Тону в мерцанье ваших глаз.
Слепят улыбка, руки, плечи!
Какой ваятель создал вас?*

*Какие силы вами движут,
Когда душа вся на виду?
Вы мне становитесь всё ближе,
Без вас и с вами пропаду!*

Какие слова! Для кого эти слова предназначены? Этот диск с песнями сегодня ей подарил какой-то московский

чудак. Делала ему массаж лица, так после комплиментами засыпал. А при прощании вручил ей подарок и попросил послушать именно этот романс. Девчата высыпали из кабинетов, чтобы посмотреть на весёлого дядечку. А Лена ещё и пошутила:

– Как вам массаж у Мананы? Понравился?

– С Мананой всегда хорошо, – ответил дядечка, с восторгом глядя на неё, Манану.

Всего второй раз на массаже, а уже шуточки отпускает. Сколько ему? Под шестьдесят?

«Без вас и с вами пропаду...» – запела, улыбаясь, Манана и пошла в ванную. Из огромного зеркала на неё смотрела женщина средних лет, о которых говорят «сорок пять, баба ягодка опять». Большие чёрные глаза, чёрные брови вразлёт, и главное – улыбка, открытая и белозубая. Она задорно подмигнула своему отражению в зеркале. Видел бы Манану такой весёлой и беззаботной сейчас муж. Что может сделать музыка с хорошенькой женщиной? Особенно если соответствует её романтическому настроению? Женщина становится чертовски привлекательной, неотразимой!

Георгий простоял в саду всё время, пока Манана пила чай на балконе и слушала музыку. Приходила и уходила Кристи, а он её не замечал. Его душа словно освободилась от гнёта сомнений. Это сообщение о свидании в таверне с другим мужчиной – глупая шутка кого-то из знакомых. Он смотрел на Манану и радовался, но его радость омрачало то, что он поверил телефонному посланию, пропустил самолёт и сейчас сидит в этом кафе, словно охотник в засаде. Потерял кучу денег и времени. И ещё соврал, что находится в Киеве!

Его мысли прервала Кристи:

– Георгий, вы знаете эту женщину на балконе? Я часто её вижу вечерами, сидящую в одиночестве.

– Очень романтичная картина: ночь, звёзды, луна и женщина. Я засмотрелся. А вы, Кристи, не знаете, кто она?

– Нет, не знаю. Я иногда думаю: почему она одна?

– У вас, Кристи, имя красивое!

– Так я – Хрыстя! Из Львовской области. Киприоты переиначили имя на свой лад, а мне нравится. И привыкла уже.

– Эх, Хрыстя, не будь я женат, обязательно поухаживал бы за вами. Вам очень идут эти ямочки на щеках.

– Ой, скажете такое, – засмеялась девушка.

Утром следующего дня Кристи проводила Георгия в аэропорт.

В самолёте он думал о том, как переменчиво всё в этом мире: высокое сменяется обыденным, трагичное соседствует с курьёзным. И любовь, как река, начинаясь с ручейка, весело бегущего по камушкам, в горах превращается в бурный, всё сметающий на своём пути стремительный поток, а достигнув равнины, величественно и спокойно продолжает свой путь.

Виктория Буш и её жизнь

(Имя как судьба)

«Говорят, что судьба человека зависит от имени. Получается, как меня нарекли, такая и судьба будет? Но если так, то родители выбирали бы судьбу ребёнка сами. А как узнать, какое имя соответствует хорошей судьбе, а какое – плохой? Где это определяется? На небесах?»

В голове Виктории хаотичные мысли метались, словно стайки испуганных птиц. Она стояла у развалин древнего города на берегу моря и смотрела на красное закатное солнце невидящими глазами. Имя Виктория! А никакой «виктории» в её жизни как не было, так и нет. Опять поражение. Умер муж, англичанин Джордж. Вчера похоронили, и сегодня она пешком отправилась из деревни Айос-Тихонас в Лимассол, чтобы хоть немного побыть одной, вдали от всех и всего.

С первым мужем прожили меньше года. По молодости, а скорее, по своей глупости вышла замуж. Кто из девчонок не влюбляется в юности. И что же? Сразу под венец? В десятом классе среди подружек она выглядела белой вороной. Не целовалась ни с кем, а о другом... думала по ночам со страхом и тайным желанием, в котором сама себе боялась признаться. Однажды после тренировки оказалась в душе вместе с Элей из параллельного класса. Эля оценивающе осмотрела её фигуру:

– Вика, а ты ничего! Во как налились желанием сисули, – и стала бесцеремонно водить пальцем по её соску.

– Ты чего? – с ужасом отстранилась Вика, ощущая, что ей приятно это прикосновение.

– Дурочка! Смотри, как он набухает. Ведь нравится тебе. Давай я тебе ещё кое-что покажу.

– Идиотка! – закричала Вика и выскочила из душа. Следом раздался гомерический хохот.

С Игорем она познакомились на дне рождения той же Эллы, папа которой был партийным чиновником. У них была шикарная дача: деревянная – в два этажа, крашенная в голубенький цвет. Собралось несколько подружек, знакомые ребята и два курсанта пограничного училища. Элла собрала девчонок в отдельной комнате и предупредила:

– На Рому не западать! Он – мой! У меня уже было с ним, а на Игоря – пожалуйста. Мне всё равно, кому достанется.

– Ну и стерва ты, Эллка. Когда успеваешь? Ведь у тебя с Витей любовь. Все знают, – пыталась устыдить подружку Света.

– С Витей у меня любовь, а с Ромой секс. Учитесь, дурочки!

Потом, после школы, Элла хорошо покуролесила. Училась в инязе, с африканскими студентами любовь крутила, а вышла замуж за тихого и неприметного на вид Вениамина, сына дипломата.

В тот вечер Игорь танцевал только с Викторией, шептал ей на ухо комплименты, подливал вина за столом.

Звучала манящая музыка танго. Певец приятным голосом зазывал в далёкий и притягательный Сингапур:

*В бананово-лимонном Сингапуре, в буре,
Когда поёт и плачет океан
И гонит в ослепительной лазури
Птиц дальних караван...*

Кружились пары, кружился мир неизведанных желаний, Игорь прижимал её к себе и нежно шептал: «Виктория – Магнолия!»

В тот же вечер она неожиданно для себя отдалась Игорю прямо на полу второго этажа. Отрезвление пришло на следующее утро: болела голова, было стыдно и обидно. Ведь она с детства знала, что их род имеет дворянские корни, хотя об этом тогда не принято было говорить. Бабуш-

ка учила её хорошим манерам и лелеяла мечту, что замуж она выйдет за ровню – жених должен быть из благородного общества. А Игорь? Игорь оказался из маленькой деревни во Владимирской области, недалеко от города Гусь-Хрустальный. Узнав, что она беременна, тут же предложил выйти за него замуж. Вот и выскочила сразу после школы. Игоря отправили служить на далёкую пограничную заставу, а ей дорога – в захолустную деревню, к его матери. Обещал, как устроится на месте, приехать и забрать к себе.

Через два месяца, не выдержав придинок свекрови и нестроенного быта, Виктория сбежала домой к родителям. Вскоре Игорёк прилетел с Дальнего Востока и потребовал вернуться в деревню и там рожать. На её робкие попытки что-то объяснить среагировал неадекватно – ударил по лицу, а потом попытался изнасиловать.

После того вечера все мужчины перестали для неё существовать. Растила сына, работала научным сотрудником в университете и настойчиво совершенствовала английский язык. Никаких развлечений в её жизни все эти годы не было. Симпатичная и недоступная, она нравилась мужчинам, а сама не испытывала к ним никакого влечения.

Когда ей было около тридцати, за ней стал ухаживать новый завкафедрой Венедикт Иннокентьевич! Он был старше её на пятнадцать лет. Но кто же придумал так называть его! Она прыскала со смеху, когда приходилось обращаться к нему по имени и отчеству.

Про себя она прозвала его Гусь-Хрустальный! Она понимала, что замуж выходить нужно, да и Гусь-Хрустальный оказался внучатым племянником поэта Аполлона Григорьева. Могла сбыться мечта бабушки – породниться с достойным человеком. Но при чём здесь Аполлон Григорьев с его «Цыганской венгеркой»? Не случилось. Как только Венедикт попытался её поцеловать на скамейке перед домом, она тут же отстранилась. Противно было. Противно было смотреть на его холёное лицо, на тоненькие усики, слышать его учащённое дыхание и ощущать его руку на своём колене. Резко встала и ушла. А Венедикт вскоре женился на Белле, арфистке из симфонического оркестра. Потом, в

перестроечные времена, они благополучно эмигрировали в Израиль.

И вот новое приключение в её жизни. Как-то Виктория зашла с подругой в кафе на Невском выпить по бокалу вина и просто посидеть, поговорить о своём, женском, наболевшем. Был промозглый ноябрьский вечер.

– Вика, а давай коньячку сообразим грамм двести на двоих? И потом кофе из маленьких чашечек выпьем. Помнишь, какое в прошлый раз было?

– А давай! Что нам, красивым и независимым!

– А то!

С Аней всегда было легко, весело и непринуждённо.

В дальнем углу сидел породистый мужчина. Перед ним на столе стояла бутылка виски с голубой этикеткой, вода, толстостенный широкий стакан с кубиками льда и никакой закуски. Пиджак в мелкую клетку, тёмно-синяя сорочка с отложным воротником. Мужчина не смотрел по сторонам, чувствовалось, что он уже в приличной степени подпития.

– Вика, смотри: точно не наш мужик! Заграничный! Как ты думаешь?

– Да. Похож на иностранца. Одежда. Манера пить. Не пялится в нашу сторону.

Вскоре мужчина прикончил бутылку виски и продолжил цедить воду. Вика и Аня с любопытством наблюдали, что будет дальше.

Внезапно мужчина резко поднялся и твёрдой походкой подошёл к столику подруг.

– George. My name is George! Could you help me, ladies? Я есть плохо говорить на русский. Можете мне помогать?

– О, наш человек! – засмеялась Аня. – А давай к нам, Георгий. Присаживайся за наш столик. Что с тобой случилось?

А с Джорджем ничего необычного не случилось. Просто его бросила жена. И ему хотелось выговориться. Англичанин. Археолог. Вернулся из экспедиции, а жены дома нет. Голые стены. Джордж говорил по-английски, перемешивая речь русскими словами, но подруги его отлично понимали.

В основном говорила Аня:

– У твоей жены был бойфренд? Так бывает. Не печалься, Георгий. Найдёшь другую жену.

– Другую не надо. Почему жена меня оставила? – настойчиво спрашивал Джордж. – Вы женщины. Вы понимаете, наверное. Бойфренд не было.

– У тебя жена была русская? Русская жена бросает мужа тогда, когда у неё есть любимый бойфренд.

– Нет, моя жена Линда – англичанка.

– Значит, ты не уделял ей внимания. Как мужчина, понимаешь? И она нашла другого мужчину.

– Это правда. Я был много времени в Египте, а она жила в нашем доме на Кипре. Но почему она мне не сказала ничего? Я приехал, а её нет дома. Денег нет. Кровати нет. Ничего нет. Может, её ограбили, убили?

– Ты обратился в полицию? К её родственникам?

– Полиция ищет. Они сказали, что она улетела в Лондон в тот день, как я прилетел в Ларнаку. Её родственники сказали, что она не прилетела в Лондон. Где она?

– Жена – не иглолка в стоге сена! Найдётся. Где-нибудь в Майами на пляже лежит!

Вот так она познакомилась с Джорджем. Он приехал в командировку в московский институт археологии, а в Северную столицу случайно отправился заодно с другом, всего на два дня.

Прошёл почти год после той встречи в кафе. В октябре Вика по туристической путёвке отправилась на Кипр. Начиная с аэропорта, ей всё нравилось. Гостеприимные киприоты, русскоговорящий гид, прекрасный номер с видом на море в пятизвёздочном отеле «Аматус», пальмы, обилие цветов. Дорожные полосы за городом разделены цветущим кустарником олеандром: розовым, белым, красным. Редкие деревья, выжженная солнцем трава, но до чего же по сердцу был ей этот южный ландшафт! Десять дней у моря и в экскурсиях по Кипру. Ощущение свободы, восторженные взгляды южных мужчин! Какой женщине это не понравится?! За три дня до отлёта она случайно встретила в гостиничном баре Джорджа! Как много в нашей жизни

значит случайность. Хотя поэт как-то воскликнул: «Сама случайность неслучайна!»

Эти вычитанные из журнала стихи запали в её душу. Через два дня Джордж предложил ей выйти за него замуж и остаться на Кипре. Вика согласилась. Неслучайной была их первая встреча в кафе на Невском. Неслучайными оказались её поездка на Кипр и встреча с Джорджем в баре. Потому что есть судьба! На скрижалях судьбы расписаны наши жизненные пути. Верит ли она в судьбу? Да, теперь, после смерти Джорджа, верит.

Виктория смотрела на играющее в предзакатных лучах море и думала: «Как красив этот мир! И как он жесток! Почему так быстро ушёл из жизни Джордж? Почему судьба так безжалостна ко мне?» Семь счастливых лет на острове! Как теперь жить? Есть дом, и благодаря предусмотрительности Джорджа есть небольшие денежные средства на её банковском счёте. Но дальше ничего не ясно. Нет больше Джорджа, который стал ей и опорой, и защитой в чужой стране, а главное – он стал для неё всем её миром. Как без него? Опять одиночество. А ей уже сорок восемь!

От горестных мыслей Викторию отвлек солидный мужчина в шортах.

– Калиспера! – улыбнулся он.

– Good evening, – ответила она удивлённо и добавила на всякий случай по-русски: – Что вам угодно?

– О, русская красавица! Рад встрече. Я – Аргос! – перешёл на английский киприот.

– Пошёл к чёрту! – ответила Виктория по-русски.

Ох уж эта непосредственность кипрских мужчин! В каждой красивой иностранке они видят свою будущую любовницу. На улицах Лимассола водители машин, не стесняясь, сигналият и предлагают подвезти. Она рассердилась на себя за то, что вообще стала разговаривать с этим наглецом. Нужно было отвернуться и молча уйти. Но ничего не бывает просто так. Этот незнакомец заставил её встряхнуться, вернуться в мир реальной жизни. Она решила, что завтра займётся бумагами Джорджа, посоветуется с его адвокатом и, возможно, что-то придумает.

Утром адвокат Анжелос разъяснил ей, что по кипрским законам она вступает в наследство через полгода, если за это время не объявятся другие наследники.

За неделю до истечения срока заявления прав на наследство объявилась бывшая супруга Джорджа. Нет, она сама не приехала на Кипр, а вот её адвокат, соблюдая все формальности, объявил, что Линда претендует на половину дома. Мотивация: имущество, совместно нажитое в браке.

– Как же так? – возмутилась Виктория. – Ведь она обобрала Джорджа как липку! Бросила его. Сняла деньги с его счёта, фактически украла их. Ведь Джордж объявлял её в международный розыск. И что? Теперь она может требовать половину дома? Теперь, когда Джорджа уже нет в живых? А совесть где?

– Юридическая практика не знает такого понятия, как совесть, – ответил адвокат. – Да, Линда совершила преступление, украв деньги и ценности. Но за сроком давности это уже не имеет никакого значения. Она имеет право требовать свою долю, так как дом является совместно нажитым имуществом в их с Джорджем браке.

– И что мне теперь делать?

– Договариваться с Линдой через её адвоката, иначе она может получить своё по суду. Фактически половину дома ей присудят. Есть маленькая вероятность доказать, что она потеряла право на дом в связи с тем, что была признана пропавшей без вести. Но я уверен, что после смерти Джорджа она восстановилась в своих правах. Ожила и объявилась. Не прокатит! – добавил кипрский адвокат по-русски.

– Вы что, по-русски понимаете? – спросила его Виктория.

– Очень мало понимаю. Нахватался некоторых слов от русских клиентов, – рассмеялся Анжелос.

Хочешь не хочешь, а пришлось Виктории идти в кабалу к банку: взять кредит и выкупить у Линды половину дома. Что поделаешь! За любую работу бралась: отвезти знакомых в аэропорт, перевести документы с русского на английский или с английского на русский, составить заявление в суд, помочь больному в разговоре с врачом и многое, многое другое. Капля в море!

В этой суете с тщетными попытками выкарабкаться из долгов случилась ещё одна беда: заболел муж подруги Насти, тоже англичанин. Навестить больного отца из Лондона приехали дочери Аделина и Робертина.

– Скажите, Виктория, Майкл имеет страховку? Отца не хочется тревожить. А Настя?! Семнадцать лет с отцом – и не знать английского!

– Почему вас это тревожит, Аделина?

– Как же? Отец умрёт, а нам придётся за его лечение платить из наследства.

«Ну и стерва! Имя Аделина свидетельствует о благородстве женщины, а здесь жлобство проявляется во всём своём уродстве», – подумала Виктория, а вслух сказала:

– Почему вы думаете, что он умрёт? Настя верит, что ваш отец поправится.

Робертина оторвалась от газеты, сдвинула очки на лоб и сказала, укоризненно глядя на Викторию:

– После такой болезни больше пяти лет не живут. Это статистика.

– У нас, у русских, не принято живого хоронить.

Через неделю, прощаясь в аэропорту, Аделина сказала:

– Виктория, передайте Насте, что после смерти отца она должна уехать.

– Поживём – увидим. И Майкл, даст Бог, поправится.

С тяжёлым сердцем Виктория возвращалась домой, в Айос-Тихонас.

Ночью плохо спала, думала о себе, о Насте, о человеческой подлости. «Чёрт их поймёт, этих европейцев: кошку, застрявшую в лифте, спасут, и интернет взорвётся от восторгов и сострадания к животному. А тут при живом отце дочери наследство делят, и ничего не происходит». Наивная Настя! Нет чтобы прямо, по-русски поговорить с внезапно свалившимися на её голову «падчерицами», ведь прожила с Майклом семнадцать лет в гражданском браке. Он так и не предложил ей официально оформить отношения. Майкл на двадцать лет старше подруги, теперь ей пятьдесят пять. На Кипре таких одиноких и неустроенных русских женщин много. Если, не дай Бог, Настя останет-

ся одна, то пропадёт: языка не знает, не работает, да и эти две сухопарые «леди» её не пожалеют и выгонят из дома. Мысль рвалась, перескакивала с одного на другое. Она то засыпала, то просыпалась. В какой-то момент перед ней возник Джордж и сказал: «Помоги Насте, а о Майкле мы позаботимся». Утром проснулась, вспомнила сон и ужаснулась: «Кто это – мы? Джордж с того света, а кто ещё?»

Сон оказался вещим: Майкл вскоре умер. Опять похороны. И опять все хлопоты достались Виктории. Имя такое, что ли? Всё трудное и невозможно тяжёлое для женских плеч достаётся ей. А она терпит.

Аделина и Робертина приехали в Айос-Тихонас на третий день после похорон отца. Виктория встретила их в аэропорту. Сёстры весело щебетали в машине, обсуждая варианты продажи дома.

– Надо дать объявление в газету через агента по продаже недвижимости. Виктория, вы можете порекомендовать нам хорошего агента? – спросила Аделина.

– Нет, не знаю никого.

– Как не знаете? Разве вы не продаёте дом Джорджа? Говорят, что Линда возвращается на Кипр.

– Из уважения к памяти Джорджа я решила сохранить дом и буду жить в нём сама.

– Но если Линда захочет, то она тоже имеет право жить в этом доме.

Виктория промолчала. При чем здесь Джордж, Линда? Главное сейчас – защитить Настю от этих настырных дам. И, кажется, ей это удалось.

Как-то незадолго до смерти Майкла она говорила ему:

– Майкл, у нас, у русских, есть такое понятие, как «жить и поступать по совести». А вы, англичане, поступаете по совести?

– Я знаю, что ты имеешь в виду, Виктория. Ведь я хорошо учил русский язык, семнадцать лет имел счастье жить с русской женщиной. Я позабочусь о Насте. Ты не против быть моим душеприказчиком?

Когда сёстры ознакомились с завещанием, случился скандал с битвём посуды, с истерикой Аделины, с после-

дующим поглощением сестричками большого количества виски. Были суды, многотрудные переговоры сторон, но Виктория всё выдержала, стерпела все оскорбления, не потеряла самообладания. Всё закончилось подписанием мирового соглашения сторон, по которому Настя получила право пожизненного пользования домом, с оплатой расходов только в размере, пропорциональном её доле наследования.

– Вика, что бы я без тебя делала? В России у меня уже никого нет. И на Кипре – одна-одинёшенька. Спасибо тебе.

– А адвокат Анжелос? А соседи? Всё будет хорошо, Настюха. Мы – русские, и мы не дадим себя в обиду, – обняла подругу Виктория. А у самой кошки скребут на душе: свой дом может с молотка уйти – денег нет, чтобы с банком расчитаться.

Утром, разбирая старые бумаги Джорджа, она обнаружила три лотерейных билета и очень удивилась. Джордж никогда не увлекался лотереей. Два с половиной евро за билет – не деньги, но зачем всё-таки он их купил? Для порядка решила проверить.

На следующий день в кипрских газетах написали, что русская женщина из Айос-Тихонас отхватила джекпот: выиграла в лотерею два с половиной миллиона евро!

«Ищите, и обрящете, стучите, и откроют, просите, и дано будет», – сказано в Библии, но это сказано о дороге к Богу!

А недавно с Кипра приехал мой приятель и поведал, что одна русская женщина открыла на острове благотворительный фонд «Виктория» для помощи попавшим в беду соотечественникам.

«Наверное, это наша Виктория», – подумал я.

А вдруг и вправду имя человека и его судьба взаимосвязаны и от имени зависит судьба, а возможно, и жизнь?

Неоконченная история

Глаза блестят, губы – улыбочивые, фигура... фигура – загляденье, талия – от бабочки, готовой взмахнуть крылами и порхать, порхать... высокая шея, бюст – невозможно мужскому взгляду не задержаться в восхищении... Да что там! Русская красавица, из тех странниц, кто ехал за границу вовсе не баловнем судьбы. Она на Кипре уж двадцать лет, оставила страну, где всё стремительно разваливалось, уехала не потому, что испугалась нищеты и безысходности, словно нарисованных на лицах большинства её соседей по кооперативному дому. Нет, не потому! А потому, что любовь... у кого она не приключалась на последнем курсе института?! Студент-киприот Янис и русская красавица равняется любовь. Её отец, известный в России юрист Николай Торопцев, не встал поперёк, а вот мать, Елизавета, носом покрутила. Куда там! Мариночка окончила МГИМО! Экономист международного уровня! Звучит?! Правда, хотели, чтобы стала юристом, как папа, как мама, но девочка сама выбрала экономику, у неё намечается блестящая карьера, и на тебе... зять с южного острова или полуострова?! Не пара её дочери, весёлой и заводной, этот всегда странновато улыбающийся и малоразговорчивый киприот; Елизавета Максимовна – театралка, ни одного, слава богу, нового спектакля в Москве не пропустит, и о чём ей говорить с увальнем Янисом из захолустья, где одни виноградники?!

– Успокойся, мама, тебе с ним не здороваться по утрам на кухне. Жить мы будем на Кипре, – заявила Марина после очередного спора с матерью.

– Никакого Кипра! В Москве и только в Москве! И что ты в нём нашла?

– Он мне нужен. Можешь понять, что люблю я его?

– Не могу-у-у! Страсть и любовь улетучатся, а проблема останется. Да на этом его Кипре театров нет настоящих... Всё танцуют сиртаки да поют тяготящие песни. О чём поют, разве поймёшь, когда языка не знаешь?

– Язык – не проблема. Выучу.

– Но гречанкой не станешь, будешь скучать.

Не хотелось идти на конфликт с матерью на заре семейной жизни. Пришлось искать компромисс, и Янис остался в русской столице.

Что с того, что с работой всё «упаковано» и квартиру снимали неплохую? Начавшись с ситца, жизнь не станет шёлковой – ни в какую; диктат матери рос и рос, а главное – муж заскучал по Кипру. Обыкновенные киприоты чаще всего возвращаются на свой солнечный остров из любой точки на карте, но Янис – необыкновенный, и никто никогда не уличит его в том, что он как «все», да ещё чтобы сразу после учёбы – к своим родным виноградникам, оливам и пальмам. Вон, некоторые делают в Англии карьеру, потом всё равно назад – к солнцу, к морю, к безалаберной в чём-то островной жизни... Первым уехал Янис. С трудом, с помощью отца добилась Марина от властей согласия на поездку к мужу – и... прощай, сумрачная Москва, город тысячи и одной национальности!..

...Из иллюминатора Марина наблюдала за игрой света в крупных белых облаках, вблизи похожих на огромных великанов, неспешно плывущих навстречу. Плывут, плывут и остаются там позади, над Средиземным морем. И воспоминания, как облака, обретали очертания, совсем некстати подступали, наполняя душу неясными чувствами. Есть причина, есть... Много чего было в её жизни за эти годы: она – директор крупной финансово-инвестиционной компании с кипрской лицензией, управляет проектами на десятки миллионов евро. Сами богачи не в состоянии контролировать свои деньжищи, и, слава богу, умным профессионалам есть где приложить знания и опыт. У Марины – весомый и устойчивый доход, ещё и свою долю в компании имеет. Несмотря на то что ушли с повестки

дня офшоры, услуги финансистов как ценились, так и будут цениться всегда. Благоприятный кипрский климат да удобные, понятные законы ценятся приезжими богачами... особенно когда у них на родине подули другие ветры, понуждая через налоги делиться с государством. Закрутились, забегали, а некоторые дали стрекача, пытаясь по привычке ускользнуть из расставленных ловушек. А куда ускользнёшь из тенёт московских? Постепенно доберутся, а сейчас есть лазейки, в том же Гонконге пока ещё налоговый рай. Ох и хитёр богач на придумки! Некоторые всё заранее предусмотрели, вывели деньги в солидные банки в западных странах на своих жён и доверенных людей, выбрали там для них вид на жительство или даже гражданство и таким вот макаром легализовали нажитое праведным и неправедным путём. Чем плохо для острова? Налоги платят с интереса в банках! Страна, приютившая эмигрантов, довольна: деньги тратят, инвестиции в экономику опять же... Чиновников крупного масштаба уйма среди клиентов финансово-инвестиционной компании. У них на Кипре дворцы и счета в местных и не местных банках! А у некоторых недвижимость по всему миру разбросана. Помнится, один из бывших губернаторов, почуяв, что пахнет на родине «жареным», сбежал оттуда со всем своим скарбом, мыслимым и немислимым, и оказался её, Марины, клиентом. Наворовал на родине так, что из всех щелей на свет стало ползти ворованное, ан нет, сумел выкрутиться. И отсюда, из далёкой заграницы, продолжает «любить» Россию неиссякаемой любовью верноподданного. Когда Крым плавно и бескровно отошёл от Украины, этот «патриот», будучи в ресторане в подпитии, вскочил из-за стола и стал рвать «тельняшку» на груди:

– Пошли все вон! Америкосы вон! Европейцы вон! Крым наш – и баста!

Официант оказался из русских и сумел двумя-тремя словами успокоить сорвавшегося с катушек. Что этот вечно бессловесный парнишка, улыбаясь, сказал бывшему губернатору, неизвестно, но тот сник, сел на место и предложил всем выпить за русских женщин, хотя за сто-

лом, кроме Марины и Кати, никаких других женщин и не было.

– А давайте за вашу супругу и выпьем – здоровья ей и терпенья! – предложила Катя.

«Губернатор» полез чокаться и чуть ли не целоваться. Когда дома Марина рассказала Янису о безобразной сцене, устроенной богатым клиентом в ресторане, тот невозмутимо прокомментировал:

– Наверное, забылся и полез свой патриотизм демонстрировать, как, бывало, это делал на родине. Привычка не атрофируется за границей.

– За Родину стыдно.

– Марина, ты работаешь в таком месте, где такие персоны собираются, защищая себя и свои капиталы от правосудия. А что ты хотела от них услышать?

И это сказал киприот! Чем и как она могла возразить Янису? Она – финансист, почитает законы. Подружку жалко: в Подмосковье работает адвокатом, имеет дело со всякими-якими, даже с осуждёнными за разбой, а Марине чего уж страдать!

Незаметно пролетело время, и самолёт заходил на посадку в Лондоне. Скоро, скоро она увидится с Лизонькой, старшей дочерью. В честь бабушки назвали – Янис уважил тещу Елизавету Максимовну! Девочка учится на первом курсе университета, из самых престижных. Умница, мамина дочь; английский, французский, русский и греческий – четыре языка знает! Запланирована встреча лучших студентов с королевой, и её дочь попала в эту группу. Всего одна – с первого курса, а остальные старшекурсники! Марина гордится Лизой. А меньшая Каролинка?! Юная балерина! В свои четырнадцать лет уже участвует в международных конкурсах.

Вынув из сумочки телефон, Марина стала просматривать видеозапись Московского международного конкурса артистов балета. В младшей группе выступала Каролина, высокая и длинноногая, девочка-тростиночка произвела впечатление на членов жюри. Успех! После конкурса Каролине порекомендовали поступать в Академию Русского балета им. А.Я. Вагановой! Жить и учиться в

Санкт-Петербурге, в культурной столице России! А дочь раздумывает, пока не решила ещё... И Янису не хочется так рано отпускать младшую, но как он радуется её успехам! Нет, нет... Он обеих девчонок любит, хотя Каролинку жалеет и балует больше – маленькая, а характер железный, на репетициях работает с упорством, под стать взрослой. Контроль, контроль и ещё раз контроль над девчонками. Иначе нельзя! У Лизы такой прекрасный английский и французский благодаря требовательной маме! А сколько пришлось поволноваться, чтобы выбрать в Англии университет... Всё прошли, многого добилась дочь, но впереди ещё сколько испытаний! Внимание парней к Елизавете-большеглазке – тоже беспокойство. Как не помянуть добрым словом бабушку Лизоньки – ни за какие коврижки не хотела отпускать далеко от себя Марину! Так вот и Марина вовремя разглядела в сыне богатого итальянца интерес к наркотикам и... дала ему от ворот поворот. Да и характер у девочки оказался мамин – три дня проплакала, но потом – всё! Запретила себе даже думать о нём. Как не гордиться обеими дочерьми?

«А вот горжусь ли я сама собой? – думала Марина. – Мне бы самой устоять!» Долго не хотела себе признаваться, что растерялась от своих расхристанных чувств. Яниса любит – родной, двадцать лет вместе. Любит, любит его как супруга, как главу семьи, как отца своих детей... Любит его – практичного, внимательного, надёжного... много ещё хороших слов можно найти для Яниса. Любит, любит, любит... Но не так, как любила в студенческие годы: безрассудно, бесшабашно, безоглядно... А как? Кто-то из писателей сказал, что биологически любовь живёт три года, а потом превращается во что-то другое: в дружбу, в уважение, в умение находить компромиссы, терпеть, прощать... Чёрт бы побрал этих мудрецов-писателей!

Как-то Марина не выдержала и спросила коллегу Катю, любит ли она Адониса; пятерых детей ведь нарожали... Катя посмотрела на неё удивлённо:

– Конечно люблю! А кого мне ещё любить? Маринка, ты почему спрашиваешь? Что-то узнала про Адониса?

– Да ничего не узнала! Просто спросила. Ведь у вас пятеро детей... – успокоила Катю.

«Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...» – пел в давние времена Леонид Утёсов. Что же с ней, Мариной, случилось? Летит к Лизе, чтобы поддержать девочку, а сама не может своим мыслям ладу придать: «Сергей, откуда ты взялся на мою голову? Жила спокойно и горя не знала, а вот нагрянуло...» И что нагрянуло – не поймёшь! Откуда? Пришёл клиент, обычный клиент, успешный бизнесмен из Москвы. Стали общаться. Почему так? Почему Сергей стал занимать столько места в её жизни? Уверенный мужской взгляд, застенчивая детская улыбка, высокий, широкоплечий, говорит легко и непринуждённо... Да, конечно, на такого женщина не может не обратить внимания! Но она, Марина, не обращала, вернее, не то чтобы не обращала – обращала и ещё как, но чтобы сблизиться с Сергеем... Нет, нет и ещё раз нет, и в мыслях такого не было! Но встречи, участие в переговорах постепенно привели к тому, что она оказалась на его территории жизни, и Сергей, видимо, не зря чаще, чем нужно для дела, зачастил в её офис. Кому нужно? Ему? Ей? Ведь оба женаты! У обоих дети! Но разве задумывается бабочка, почему она летит на огонь?! Почему в природе такая борьба за самку? Даже львы, случается, убивают друг друга. Кто в природе выбирает? Самка или самец? Голубь очень нежно ухаживает за голубкой, добываясь её внимания. Ведь воркуют голубки очень похоже на молодых людей. Химия? Инстинкт? Нет, у людей всё иначе! Благоразумно, взвешенно и даже расчётливо? Хотя... жизнь человека – не балет, не опера, где Ромео и Джульетта! Тристан и Изольда! Франческа и Паоло! Любовь трагическая! Любовь беспощадная!.. А бывает ли любовь счастливая, «любовь до гроба»?! Когда-то Марина думала, что бывает, что у неё именно такая любовь!

Самолёт приземлился мягко, раздались жидкие аплодисменты в благодарность лётчику. А что хлопать? Обычная работа, без каких-либо казусов. Только сейчас Марина обратила внимание на сидящих рядом пассажиров: ху-

денькую девочку-подростка и бабушку с огромной седой шевелюрой. Девочка – тихая, как мышка. И бабушка не говорливая. Слава богу, что такие соседи попались, дали ей возможность побыть наедине с собой. А то такое бывает: попадутся шумные и пристающие, особенно мужчины, но рано радовалась: на выходе из бизнес-класса дорогу преградил рыжий верзила и сказал по-английски, улыбаясь во всю ширь своего веснушчатого лица:

– Можно вас спросить, мадам?

– Пройдёмте, по пути спросите, – ответила Марина по-русски, уловив специфический акцент рыжего.

На трапе мужчина обернулся к ней:

– Виктор, из Никосии. Тоже русский. А вас как зовут?

– Марина! Вы это хотели спросить?

– Да. Вы мне очень понравились. Захотелось познакомиться. А вон у трапа меня брат встречает, – Виктор назвал фамилию известного олигарха.

И правда, у трапа стояла машина, рядом два джентльмена в чёрных костюмах, чуть впереди них – мужчина в джинсах и бейсболке, с рыжей щетиной на лице.

Представив Марину брату, Виктор стал настойчиво предлагать подвезти и, как бы шутя, за руку тянул в машину. Олигарх помалкивал. С трудом Марине удалось отказать от приглашения:

– Извините, ребята. Меня ждёт мужчина, – сказала по-английски и словно в воду глядела.

«Эти олигархи ничего просто так не делают, – пришла мысль. – Может, узнали, что я дочь Николая Торопцева? Прижали на родине, вот и потребовался именитый юрист?»

В такси по пути в гостиницу она вспоминала это случайное знакомство со смешанными чувствами: с одной стороны, шокировала настойчивость Виктора, но всё же... Мало-помалу её мысли вернулись на свой круг: о девочках, о Сергее. Вчера она впервые приняла его приглашение вместе поужинать в рыбной таверне «Меланда». На столе – вино, виноград и больше ничего, а ведь эта таверна славится превос-

ходными блюдами из свежей рыбы. Смотреть-то смотрели друг другу в глаза, но о чём говорить, если о формальностях сделки всё сказано? Клиент заработал приличные деньги и заплатил фирме солидные комиссионные.

Сергей взял её руки и поднёс к своим губам:

– Мариночка, бесконечно благодарен вам за работу, за встречи, за этот вечер! Жаль, что всё так быстро закончилось.

– Нет, не быстро! – улыбнулась Марина. – Но всё было хорошо.

– Придётся новый проект начинать, чтобы продолжить нашу дружбу, – пошутил Сергей. – Завтра же начну, завтра приду к вам с новой идеей. Можно?

– Завтра в это время я уже буду в Лондоне, в отеле «Ковент-Гарден»!

Сергей быстро посмотрел на Марину:

– И как долго вас, Марина, не будет в Лимассоле?

– Неделю. У Лизоньки несчастная любовь, а Янис не может к ней полететь. Да и вряд ли отец здесь поможет. Девочка ждёт меня.

Внизу, у моря, стояли парень и девушка и непрерывно целовались, не обращая ни на кого внимания. Над горами висело огромное красное солнце, незаметно скатываясь вниз. Ещё чуть-чуть – и оно унесёт с собой в прошлое этот день. Запомнится ли Марине на всю жизнь эта таверна с редкими туристами, это огромное светило, эти предзакатные минуты? Скажи ей Сергей, что он хочет поехать с ней в Лондон, и... Она согласилась бы без всяких вопросов и оговорок. Она даже хотела этого, ждала этого, но Сергей лишь улыбался загадочно... Из памяти Марины всплыл звонок «известного юриста» – отца и его многозначительные фразы: «Чувствую, что возвращаемся ко временам трипольского общества с женщиной во главе; чем выше достаток, тем больше власти у некоторых дам... Страсти наши... от закатных вечеров и до холодных утренних рос. А всё свобода, свобода, будь она неладна...» И понимай сказанное, как знаешь. А что здесь непонятного? И что возразишь?

«А вдруг Сергей прилетит в Лондон и остановится в моей гостинице? И что дальше? Вдруг я встречу его за завтраком?» – с ужасом и надеждой думала Марина. Нет, ничего она не может изменить в своей жизни. Не может предать Яниса. Впервые он сам отвёз её в аэропорт, чего раньше никогда не случалось, обычно она заказывает такси. В аэропорту сказал по-русски: «Долгие проводы – лишние слёзы. До встречи, милая. Поцелуй за меня Лизу». Сказал и быстро убежал, чмокнув в щёчку. А если Янис что-то заподозрил? Конечно – мог, ведь она стала проводить с ним меньше времени. В последнюю неделю, сославшись на недомогание, перешла спать в гостевую комнату. И Янис стал даже более молчаливым, чем раньше был. А может, он услышал разговор с мамой на кухне, когда та прилетала из Москвы погостить? Тогда мать глянула на неё таким взглядом, «следовательским», с подозрением и уверенностью, что задержанный сознается.

– Что, Мариша! Как я и предупреждала – страсть ушла, а проблема появилась? Не переживай, обычное дело это... Мы с твоим папой в браке и трёх лет не продержались, а ты с Янисом уже почти двадцать лет вместе. Так что считай, что я ошиблась. Теперь уж что вспоминать?!

– Прекрати, мама! Я как любила Яниса, так и люблю. И он меня любит.

– Ой ли! А глаза-то у тебя, Мариночка, печальные! Да, глаза печальнее коровьих, если вспомнить строки классика русской поэзии.

Тогда Марина выскочила из кухни и столкнулась в дверях с Янисом. Возможно, не слышал он ни её, ни материнских слов. Или просто промолчал? Даже вида не подал, но... после ей показалось, что Янис в последнее время стал задумчивым и встревоженным. Забросил свой виноградник. Дай бог, чтобы на время. Иначе найдёт другое занятие. Какое другое занятие? Что здесь непонятного? Так поступают многие кипрские мужчины – находят молоденьких туристок... и прощай, семья!

О Хитроу! О Лондон! Гостиница... Бойкий юноша-индус открыл дверь, подхватил её чемоданчик и унёс. Ма-

рина ещё какое-то время стояла, разглядывая идущую по дорожке пожилую пару – англичан, вероятнее всего. Она смотрела на них с сочувствием и с жалостью к себе... Вчера вечером сидела в таверне с Сергеем, утром её провожал в аэропорт муж, и вот она – одна, а завтра – неизвестность? С Лизой будет всё в порядке, она уверена, знает, что подсказать, чему научить девочку. А вот кто ей, Марине, подскажет, как дальше жить? А вдруг Сергей прилетит вслед за ней? Нет, она так не может, чтобы и Янис, и Сергей! Любовная интрижка? Это не про неё! У неё такой характер: всё или ничего! Янис или Сергей? Сергей или Янис? «Дурочка, что ты себе напридумывала? Почему ты решила, что Сергей тебя любит? Он с тобой до сих пор на „вы“! Ни разу даже не целовались!» – рассуждала Марина. «Но я... мне кажется, что я люблю Сергея...» – отвечала себе сама. Постояв ещё с полминуты, решительно шагнула к дверям гостиницы – они раздвинулись, как два края света, и она чуть не упала в обморок от увиденного. Посреди вестибюля стоял Янис с огромной охапкой алых роз!

Марина кинулась к мужу на шею и стала лихорадочно его целовать, не обращая внимания на хлопающих в ладоши гостей и персонал отеля. Как Янис оказался в отеле? Какая разница? Эта мысль ей даже в голову не пришла. Он здесь – и всё. Любимый, родной, свой и настоящий...

Эту историю по секрету я услышал от Марины, с которой у меня многолетняя дружба.

– А как же... – начал было я.

– Не нужно, Алекс! – перебила меня Марина. – История не окончена.

На Кипре снова весна, обновление в природе. После весенних дождей остров покрылся яркой зеленью, расцвели деревья.

Я смотрел на улыбающуюся Марину и думал, что ничто так не красит женщину, как любовь.

Рафинированная женщина

*Разве можно от женщины требовать многого?
Вы так мило танцуете, в Вас есть шик.
А от Вас и не ждут поведения строгого...*

Александр Вертинский

До свидания оставалось минут пять, Даце замедлила шаг. Не хотелось приходить раньше срока, стоять и ждать московского гостя. Слава богу, дождя нет. Впервые за лето день выдался солнечный, небо безоблачное... А было всё время ветрено, влажно, неудобно... Зелёная улица, цветы вдоль пешеходной дорожки – синева попеременно с желтизной. Жёлтые – ромашки садовые, высокие, а рядом с ними синий ковёр каких-то мелких цветочков. Рига всегда красивая, в любое время года, при погоде и при непогоде, а сегодня она – особенная: бирюзовое небо, нежаркое закатное солнце, нарядные пешеходы... «Нет, пешеходы всегда одинаковые, видимо, всё дело во мне, – думала Даце, – спешу на встречу с москвичом, прямо как молоденькая девушка!» Ведь она просто выполняет просьбу своей подруги Ирины встретиться с её другом, показать ему Старый город – и всё.

Ровно в назначенное время подошла на угол пересечения улицы Аусекля с улицей Елизаветы. Зазвонил мобильник. В трубке раздался голос Всеволода, гостя из Москвы:

– Ой, Даце, простите меня! Я опаздываю. Осталось ещё минут десять пути.

– Всеволод, вы? Я буду ждать, – ответила вежливо Даце.

Зашла в кафе и села за столик у окна, откуда просматривалась другая сторона улицы. Чашечка ароматного кофе. стакан с водой. На столике ваза с одной-единственной красной розой. У стойки бара стоял высокий, плотный мужчина, пил пиво и посматривал в сторону Даце.

«А что, если это и есть Всеволод», – подумала она, но тут же отказалась от этой мысли. Ирина подробно описала, как выглядит москвич: тоже высокий, лет пятьдесят ему, а этот явно моложе... Хотя кто их разберёт, этих мужчин, разве угадаешь их возраст? Иной и в тридцать лет стариком выглядит. Да и не присматривается Даце к ним. На этого у стойки взглянула мельком. Нет-нет, Всеволод – поэт, значит, интеллигентный мужчина, не будет он дурить голову женщине, говоря, что опаздывает, а сам в это время уже на месте и пиво пьёт. Нет и ещё раз нет, у Ирины не может быть друга-обманщика. Даце никогда и никого не обманывала и не допускала мысли, что это могут делать другие люди. Конечно, ей приходилось попадать впросак, конечно, встречались разные люди в её жизни: но что значит плохие и хорошие? Если что-то с ней и случилось неприемлемое, то она никогда не винила других, всегда находила оправдание чужим поступкам. Как-то ещё в юности у неё пропал из сумочки кошелёк с небольшой суммой денег. Она обнаружила пропажу сразу как вышла из автобуса. Решила, что уронила где-то, хотя как может выпасть кошелёк из дамской сумочки. Извинилась перед продавщицей мороженого, сказала, что не может рассчитаться, так как деньги потеряла. Интеллигентного вида старушка-пенсионерка не выдержала и прокомментировала:

– Милочка, нельзя быть такой наивной. Урки сработали. Я видела, как рядом с вами задержался парень в кепке. Профессионал. Вот он, видимо, и срезал ваш кошелёк.

– Я ничего такого не заметила, – виновато смущалась Даце.

Странно, что смущалась, даже покраснела, словно её уличили в чём-то неприличном. Ведь она всегда старается держать себя в руках и не показывает своих эмоций. По её лицу не прочитаешь мысли, Даце – типичная прибалтийская женщина, которая умеет сдерживать себя. Холодная натура? Нет, это не про неё. Все её восторги и буйные радости не выплёскиваются на окружающих, они внутри у неё; можно сказать, что она их коллекционирует, храня в копилке своей души. И в этой копилке нет места для пло-

хого. Однажды в Варшаве на прогулке по городу её лягнула лошадь. Кто-нибудь слышал, чтобы в Варшаве лошади лягали людей? Вряд ли это случится, даже если вы станете дразнить лошадь, запряжённую в карету. А вот с Даце это случилось. Лошадь сломала ей ногу. Её эвакуировали в Латвию. И единственным комментарием этого неприятного случая стало то, что в Варшавском аэропорту хорошо организовано обслуживание инвалидов. Потом с удовольствием она рассказывала этот анекдот всем своим подругам, но сам тяжелейший перелом голени, операция, шесть месяцев больничного остались как бы за кадром жизни.

Но вот и такси на другой стороне улицы! Из машины вышел высокий, неопределённого возраста мужчина. У неё есть фотография, на которой красавица Ирина в обнимку с Мареевым напротив киевского оперного театра... Мужчина оглядывался по сторонам. Вот он увидел женщину, полную коротышку, и сделал шаг в её сторону, но потом резко развернулся, словно не желая с дамой сблизиться. «А что? Он ничего... – подумала Даце, – высокий, подтянутый, правда, ноги кажутся несоразмерно длинными по сравнению с туловищем». Она отставила в сторону недопитую чашку кофе и направилась к выходу.

* * *

Мареев увидел переходящую дорогу женщину выше среднего роста, в белом платье, подпоясанном чёрным пояском. Он моментально оценил: русые волосы, стройная... Возраст? Примерно как в песне поётся – «баба ягодка опять». Он тут же поправил себя: «Дама-ягодка...» Мареев очень влюбчив, если женщина нравится, то он непременно влюбляется. Зная это, Ирина предупредила его по телефону ещё в Москве, до отъезда в Ригу: «Сева, не вздумай влюбляться в Даце, она хорошая, но я тебя знаю... А если очень понравится тебе, то можешь влюбиться, но только чуть-чуть, не до конца...» И что это значит – чуть-чуть влюбиться? Разве так бывает? Эти мысли промелькнули в его голове моментально, женщина в белом платье помахала

ему рукой. А может, и не ему? Он оглянулся, рядом никого не было. Между тем дама перешла улицу, и Мареев подбежал к ней:

– Здравствуйте, Даце! Будем целоваться, как принято при встрече?

– Всеволод? Здравствуйте! Конечно, мы ведь в Европе...

Всеволод приобнял её и расцеловал в обе щёки, почувствовав соприкосновение с её тугим бюстом, от сердца побежала горячая волна, но Даце тут же отстранилась. Первый взгляд, первое прикосновение к женщине... Мареев знал, что в его случае это имеет колоссальное значение. Там, внутри у него, в его душе, в его сердце что-то происходит. Иногда с первого взгляда, с первого слова или с первого прикосновения включается какая-то программа... Конечно, это ещё никакая не любовь, но программа чувств является и работает; увлечённость женщиной, влюблённость в неё начинается с первой минуты или ничего не начинается. В случае с Даце это действие совершалось, и Мареев с удовольствием всматривался в лицо совсем неизвестной ему женщины...

Они шли по дорожке и говорили. Даце в очень сдержанной манере отвечала или рассказывала Марееву о Риге. Узнав, что Мареев уезжает обратно в Москву через два дня, она тут же предложила:

– Всеволод, вам обязательно надо послушать орган в Домском соборе. Это один из лучших органов в Европе. И Старый город нужно посмотреть.

А что ещё может предложить Рига? Домский орган и средневековую готическую архитектуру. Несколько лет назад ему посчастливилось посетить Duomo di Milano. Он останавливался в Милане только на одну ночь, но вечер провёл на площади, восхищаясь великолепием собора, современника Дома Бога в Риме. Тогда он наблюдал за людьми, особенно за молодыми парами на гранитных ступенях в обнимку, но сейчас, в присутствии симпатичной латышки, он сам себе казался молодым. Марееву всё в ней нравилось: своеобразный прибалтийский акцент, с протяжным произношением слов и с подчёркнутым усилением удар-

ных гласных. И звучание буквы «е», как что-то среднее между «е» и «э». И эта её эмоциональная сдержанность, с отменной реакцией на шутки – лаконичный ответ с едва заметной улыбкой на губах.

– Даце, это моя мечта! Очень хочу попасть в Домский собор и послушать орган. А вы пойдёте со мной?

– Разве мой отказ возможен? Вы мой гость! Но это можно сделать завтра. В 12.00 будет двадцатиминутный концерт, рассчитанный на туристов.

Сговорились встретиться завтра на Домской площади. А сегодня вечер знакомства. Бродили по городу, разговаривали, затем ужинали в ресторане с традиционной латышской кухней.

Поздно вечером, проведив Даце, Мареев вернулся в гостиницу, но долго не мог уснуть. Лежал с открытыми глазами в темноте и вспоминал... Встреча с Даце, гулянье по улицам города, ужин в ресторане... Лицо её вспоминал... и стыдно признаться, но воображение его рисовало стройную фигуру Даце: узкие плечи, крутые бёдра, гармоничность талии и бюста. О, этот бюст! Он представлял его с красными и набухшими сосками. Не выдержал и прикрикнул сам на себя: «Прекрати, дурак! Не мальчик ведь! Она по дружбе с Ириной занимается тобой, а ты цветные картинки в уме рисуешь...» С тем и уснул. А ночью явилась Даце, и они целовались напропалую, сидя за столиком в кипрской таверне на берегу моря, и сам Александр Вертинский пел со сцены:

*Разве можно от женщины требовать многого?
Там, где счастье божественное, ум – ничто!*

И он, Мареев, шептал на ухо Даце:

– Дорогая, это всё про вас. Вы – умная, обворожительная! Изящная и изысканная – вы. Богиня! Вы – «символ чистой красоты», – закончил Мареев во сне словами Поэта и впился губами в небрежно протянутую ему руку.

– Красивые люди умеют совершать красивые поступки, – отвечала ему Даце, покорно принимая и его поцелуи, и довольно смелые поглаживания.

Мареев чувствовал себя на седьмом небе, он готов был взять Даце на руки и унести из этой кипрской таверны на берег моря – туда, где волны покорны и звёзды загадочны в своём небесном мерцании. Ему казалось, что в предчувствии музыки Домского собора глаза Даце начали темнеть и искриться, но... случилось непредвиденное. Явилась Ирина, наклонилась к Даце и, расцеловав её, сказала печальным голосом:

– Мужчины имеют склонность видеть в ночных снах дневные галлюцинации.

Наутро мучительно пытался вспомнить, чем закончилась его вечерняя встреча с Даце в кипрской таверне, но ничего не вспоминалось. Хотя... хотя, к его удивлению, он обнаружил на своей шее, на груди отметины от поцелуев. «Не может этого быть... Откуда поцелуи? Даце уехала. Сон не в счёт!» Да и не на Кипре он, а в Риге! Даже на завтрак не пошёл, а тупо уставившись в зеркало в ванной комнате, пытался в уме воссоздать события ночного сна. Песня Александра Вертинского о рафинированной женщине вспомнилась, мерцающие глаза Даце вспомнились, а дальше провал... Уносил он женщину на берег моря или нет – неизвестно. Но в карманах нашёл несколько камушков-голышей, явно с пляжа. Подумал, что днём отдаст их Даце и расскажет о таком странном и таком прекрасном сне. Но потом одумался и выбросил голыши в окно. Хорошо, что окно выходило в сад, а не на людную улицу.

Отправился в ювелирный магазин и купил изящное бриллиантовое колечко в тонкой золотой оправе. В другом магазине купил шикарный цветастый платок. Представил, как платок будет смотреться на шее у Даце.

Позвонил в Киев Ирине, и та ему ответила.

– Ирина, привет! Ты где? В Киеве или в Риге?

– Ой, Мареев! Привет-привет! Выпал из времени? Втюрился в Даце? А я – на работе. Где же мне ещё быть?

– Прости, Ирина! Ты ночью мне приснилась.

– Ну, Мареев! Гуляешь с Даце наяву, а со мной – во сне. Она уже успела позвонить мне с утра. В восторге от встречи с тобой. Сказала, что ты взрослый дядька, но мо-

ложавый! Смотри, не загордись. Не забывай, что северные женщины при видимой скромности и строгости легко воспламеняются.

На том прекратился телефонный разговор-перебор, а Мареев побежал в типографию, где печаталась его книга стихов.

* * *

Даце проснулась довольно поздно, к девяти часам утра. Лежала, свернувшись калачиком в широкой кровати, и думала... О себе думала... О московском госте... Об Ирине, подруге из Киева. Хорошо, что взяла отпуск на работе. Никуда не нужно торопиться. Пойдёт с Всеволодом в Домский собор слушать орган. Весёлый он, этот Мареев! Вот что значит поэт! Возрастной мужчина, но словно молодой, व्यюном вился возле неё. Собственно, какое имеет значение возраст. С ним интересно, а остальное – неважно. Но тут же почувствовала, что краска заливает её лицо. Важно, важно... Но почему? Муж, семья, трое детей? Работа от отпуска до отпуска? Обычная жизнь замужней женщины. Ответственность – главное её качество. Никаких интрижек на стороне. Но она, Даце, не совсем обычная, с ней часто случаются всякие приключения. Однажды приехала во Львов на конференцию, а её никто на вокзале не встретил. Позже оказалось, что она вышла из другого вагона. Дождалась утра на скамейке возле Оперного театра, не знала, в какой гостинице её поселили. Утром на такси добралась до места проведения конференции, там с восторгом рассказывала киевской подруге:

– Ирина, ради этого стоило перепутать вагон, ведь какие замечательные звёзды над безлюдной площадью висели. А потом, где-то в час ночи, ко мне подошёл уличный скрипач и до самого утра играл Моцарта, Бетховена, возможно, для меня!

– Даце, мы здесь чуть с ума не сошли, я звонила в Ригу, обращалась в полицию, а ты в это время в центре Львова развлекалась с бездомным скрипачом?!

– Прости, я думала о тебе. Мне было очень жаль, что ты не могла ко мне присоединиться и слушать волшебную скрипку.

В другой раз Ирина то ли в шутку, то ли всерьёз спросила:

– Даце, ты когда-нибудь опаздывала на свидания с молодым человеком?

– С каким молодым человеком, Ирина?

– Неважно с каким, ты опаздывала на свидание?

– Нет, важно, Ирина. У меня было два молодых человека, с которыми я дружила. Один – Вилли, это было ещё в школе. Я не всегда приходила к нему на свидания. А с Раймондом, моим мужем, свиданий почти не было. Ведь мы учились в одном институте, а после окончания института сразу поженились.

Кто знает, возможно, мы в зрелые годы стараемся восполнить то, что не удалось испытать в молодости? Например, любовь! Не было в юности любви... или не было взаимопонимания любви. И вдруг это чувство приходит... И тогда всё остальное не имеет значения, потому что пришло то, чего ждёшь всю жизнь. Нет, любовь – это слишком громкое слово! Вспомнилось стихотворение, которое Всеволод читал ей в ресторане:

*Мне не забыть
Ресниц дрожания пугливых
И глаз опущенных, стыдливых,
Как тянется рука к руке.
Ты здесь со мной и вдалеке...*

Надо же! Никогда не запоминала стихи. А эти несколько строчек врезались в память и не отпускают.

Улыбка долго не сходила с её лица... когда она стояла под душем, когда растиралась махровым полотенцем перед зеркалом... С интересом смотрела на довольно крепкое белое тело, покрасневшее от горячей воды. От воды ли? Может быть, от потаённых мыслей? Не выдержала и провела пальцем вокруг одного соска, потом другого, удивляясь

тому, как они резко реагируют на эти невинные прикосновения. Увеличились в размере и торчком торчат... Она поспешно набросила халатик и выбежала из ванной комнаты. Нужно было собираться на свидание с москвичом.

* * *

Ровно без четверти одиннадцать Мареев появился на Домской площади. Он подскочил к девушке, продающей мороженое:

– Помогите, пожалуйста. Я из Москвы и не говорю по-латышски. Где вход в собор?

Мареев с первого дня пребывания в Риге понял: когда вежливо обращаешься к латышам, то даже молодые люди, почти не знающие русского языка, пытаются как-то помочь. И здесь он тоже не ошибся.

– Так вот он, справа от вас, – заулыбалась молодая латышка. – Вы хотите, наверное, орган послушать?

Он не успел ответить, так как увидел, что к нему спешит Даце в эффектном красном платье. Расцеловался с ней, совершенно забыв о девушке, но та сама напомнила о себе, сказав что-то по-латышски. Даце отрывисто ответила ей, сохраняя серьёзное выражение лица. Девушка залиvisto рассмеялась.

– Что девушка сказала, Даце? И что вы ей ответили?

– Она сказала, что у меня симпатичный муж!

– И?..

– Я ей ответила: «Не муж, а любовник!»

– Ой, Даце! Не верю! Неужели вы можете так пошутить?

– Могу!

– Даце, я действительно люблю вас за ваш необычный латышский юмор!

– И только?

– Не только, у вас глаза красивые... и ещё на кое-что примечательное я глаз положил.

– Положить глаз – это как, Всеволод?

– Даце, мы с вами родом из одной страны... Не правда ли?

– Да. Из Советского Союза. К сожалению, я начинаю забывать русский язык. Особенно когда шутят по-русски. Иногда не догоняю.

Непосредственность северной женщины! Марееву стало так хорошо, что он не выдержал, приобнял Даце и опять поцеловал её.

И наконец-то зазвучал орган, будто бы само хмурое небо Балтики накатывало подобно волне, пока ещё не имевшей силу и власть над душой человека. На лице Даце ничего не отражалось, оно было задумчивым и печальным... Что она представляла, слушая музыку Баха? Какие мысли рождались в её голове? Может быть, никаких мыслей и не было, может быть, она гуляла среди луговых цветов или летала в бирюзовом небе над бушующим Балтийским морем? Мареев не мог похвастаться таким глубоким погружением в музыку. Он наблюдал за лицами людей, любовался алтарём без икон... Пытался представить девушку, сидящую за органом и извлекающую из инструмента эти божественные звуки. «Вот бы увидеть эту девушку?» – подумал Мареев. Когда-то в Вене он оказался впервые в великолепном концертном зале, играли Моцарта. Он тогда ответил великому композитору и, может быть, этой девушке за органом Домского собора:

*...Мелодии Моцарта тайной покрыты.
Да разве по силам мне тайну открыть?
До срока печали-напасти забыты.
И хочется снова любить и любить.*

Мареев искоса посмотрел на лицо Даце. Она сидела в той же позе, слегка прикрыв глаза. Что скрывается за этой отрешённостью от мира? Какие страсти бушуют в глубинах её души? И почему она не позволяет вырваться им наружу? У каждого из нас свои отношения с музыкой, чем-то сродни отношениям мужчины и женщины. Словами не рассказать и со стороны никому не дано понять.

Закончился концерт. На балконе высоко, почти под потолком появилась маленькая фигурка девушки-органист-

ки. Зал приветствовал её аплодисментами. Разные национальности: латыши, немцы, русские, японцы, китайцы... Разные люди – одинаковые чувства, но у каждого слушателя своя тайна. Мареев и Даце некоторое время гуляли молча на Домской площади, потом северная женщина взяла руку Мареева и слегка пожала её.

Мареев думал, что в душе Даце ещё долго будет звучать органная музыка – их музыка, музыка двоих. Он взглянул на Домский собор, и на какой-то миг ему почудился в высоком проёме открытых дверей Иоганн Себастьян Бах, смотрящий вслед Даце и ему, спутнику северной женщины.

Если упасть в постель...

«Если упасть в постель, обнять подушку, укрывшись лёгким, но тёплым одеялом... и чтоб чистый зимний воздух в открытую форточку наполнял дом... и чтоб снился лёгкий морской бриз... лежать на волнах, покачиваться в такт с морем, вдыхая запахи солёного ветра. ...Я желаю тебе и себе видеть сквозь редкие облака улыбающееся солнце в небе. Целую. К.»

Что это? Кто это? Как конверт оказался в его почтовом ящике? В наше время, когда интернет господствует в мире, и в нём столько программ для общения: Фейсбук, Инстаграм, Ватсап, Скайп... Зачем опускать письма в почтовый ящик, когда можно моментально довести до адресата свой вопрос-запрос или просьбу и можно обмениваться мнениями по любому поводу и без повода? Да и ответ получишь немедленно, если тебе захотят отвечать. А с другой стороны – это так романтично и так таинственно! Андрей внимательно осмотрел конверт. Снежно-белая бумага, видимо, ручной работы, на ней просматривался еле видимый контур ромашки – оранжевые лепестки с жёлтым солнцем в центре. Каллиграфическим почерком аккуратно выведены реквизиты отправителя и получателя: его, Андрея, имя и фамилия. Отправитель: Планета Тишины. К. А. Кто скрывается за инициалами К. А.? Что же получается? Кто-то вошёл в парадную и опустил конверт с запиской в почтовый ящик его квартиры?

Лист бумаги с посланием внутри конверта оказался ещё более изысканным: мягким, шелковистым, на бирюзовом фоне летящий силуэт обнажённой женщины. Тонкий запах парфюма... Такой знакомый и такой загадочный запах. И вдруг его осенило: «Пахнет морем?» Но так притягатель-

но, так ненавязчиво, так возбуждающе... Пахнет далёкой Японией? Или это запах женщины? Знакомой? Близкой? Когда-то любимой? Недоступной и давно забытой? Андрей стал лихорадочно вспоминать всех женщин, встречавшихся на его жизненном пути. Пятьдесят уже на носу. Женщин было много. А любимых – немного. Тех, кто его, Андрея, любил, и того меньше.

Андрей поднёс лист письма к свету лампы и чуть не обомлел – на листе явно проступали слова, выстроенные столбиком:

*Потому что люблю,
Потому что люблю,
Безоглядно люблю я тебя.*

Вот это да! Признание в любви? Нет, скорее всего, это специальная бумага для любовных посланий. Завуалированное послание в любви? Хотя вряд ли... Кому он нужен? Это розыгрыш? Кто может его разыгрывать? Ничего в голову не приходило. Кто-то пошутил? Да, пошутили довольно оригинально! И Андрей отправил письмо в папку под названием «Несуразности».

Ровно через неделю, в воскресенье, когда Андрей вернулся с подмосковной дачи, он обнаружил в почтовом ящике новое письмо. Такой же конверт. Такой же пахнущий знакомым парфюмом лист бумаги – еле уловимый запах морского бриза. И удивительные слова:

«Ты далеко-недалеко, и я почти не вижу тебя в моих сновидениях. И ты, наверно, не видишь меня в пределах твоих сновидений. Но где-то там, в других измерениях... там мы по ночам встречаемся... Ты веришь в это? Целую. К.»

И опять раздумья. Предположения. Попытки разгадать, кто может скрываться за буквой «К»? Он поймал себя на мысли, что ему нравится эта ситуация. Была рутинная жизнь: дом, работа, квартира, собака болонка, поездки на дачу по выходным, столетний попугай в клетке, будящий

его по утрам одним и тем же криком: «Вставай! Тебя ждёт женщина!» С женой развелись десять лет назад. Кто научил птицу этому утреннему приветствию? Неизвестно. Попугая с клеткой почти насильно вручил ему Кузьмич, сосед по лестничной площадке, старый холостяк; вручил за месяц до ухода в мир иной. Раздумья ни к чему Андрея не привели. Почти ни к чему. Пришла одна догадка о незнакомой женщине в красном. Несколько раз Андрей видел её в театре на балконе. Ему показалось, что она каждый раз смотрела в его сторону, наблюдала за ним, но... Лица её невозможно было рассмотреть на расстоянии; подняться на балкон, чтоб познакомиться, он не счёл возможным, побоялся быть навязчивым.

И опять он поднёс бумагу к свету, и опять увидел столбик слов:

*Постою средь снегов у сосны
И дыханьем я сердце её растоплю,
Будем ждать с ней прихода весны...*

Тайна во всём: в бумаге, в стихотворных словах... Женщина-поэтесса? И откуда такая оригинальная и красивая бумага? Возможно, экзальтированная дамочка сама её делает? И что это за загадочная Планета Тишины? Название какого-нибудь общества? Или гостиницы? Или?.. Нет, во-век не догадаться...

Прошла ещё одна неделя... Побывал на даче. Топил деревянную печь, наблюдая за огнём, раздумывая о силе и переменчивости стихии. Затухает пламя, требуя новой пищи, и вот он подбрасывает дрова в печь, и в печке начинается весёлое буйство... Вот так и любовь мужчины и женщины, то воспламеняется, то затухает, ожидая новых эмоций, новых слов, новых поступков.

После он гулял в окрестностях дачного посёлка, уходя всё дальше и дальше. Среди поля стояло одинокое дерево, он долго шёл к нему по снежной целине, оставляя за собой цепочку следов. Выпадет новый снег и заметёт старые следы, а время сметёт воспоминания... Подошёл ближе к

дереву, оно оказалось стройной сосёнкой. Постоял у ствола, прислонившись к нему щекой. Благословенная тишина висела над снежным полем, под небом высоким и безоблачным, освещённым ярким солнечным светом... «Вот и я становлюсь романтиком», – подумал Андрей, вспоминая послания незнакомой женщины.

Медленно шёл назад в прекрасном настроении, стараясь осторожно ступать в старые следы. Шептал стихотворные строки, словно слетевшие к нему с солнечных небес:

*Тишина, тишина, тишина... –
Средь пушистых снегов, у Небес на виду
В платье снежном застыла сосна,
Осторожно по белому полю иду,
Опасаясь спугнуть тишину.*

Дома его опять ожидал конверт в почтовом ящике. Слова письма поразили его, настолько они были созвучны тому настроению, которое наполняло его на заснеженном поле с одинокой сосной:

«Высокое и открытое Небо сегодня... Спасибо Господу за этот Свет, за эти белые и редкие облака, – чем выше они, тем притягательнее. Если бы возможно было взлететь! Я хотела бы летать вместе с тобой, а ты? Целую. К.»

На бумаге светились столбиком новые слова:

*«Как люблю я тебя, безоглядно люблю», –
В тишине я шепчу по ночам.*

«Так не бывает! В жизни так не бывает... Эта дама либо блаженная, либо любительница разыгрывать мужчин», – подумал Андрей, но конверт с посланием спрятал в папку «Несуразицы».

После Нового года письма перестали поступать. Андрей не мог насовсем выбросить из памяти эту историю, это невинное и загадочное приключение. Возвращаясь по вос-

кресеньям с дачи, он с нетерпением проверял почтовый ящик. Увы! Ничего. Так прошли зимние месяцы, наступила весна с буйным цветением, с новым настроением и... с надеждами. Но ничего больше не случилось. А что могло случиться? Он признался себе, что ему хотелось продолжения этой истории, ему хотелось получать послания от незнакомки.

Однажды где-то в середине июня у Андрея возникло какое-то внутреннее сопротивление поездке на дачу, и он остался на выходные дома.

Прислушивался к себе, пытаясь понять, что произошло? Ведь он очень любил бывать в своём домике у озера, топить печку, подкидывать в неё дрова, наблюдать за игрой пламени, вспоминать...

В воскресенье стоял у окна, наблюдая за залитой солнечным светом площадкой, где гуляли детишки. Огромный куст сирени распластался рядом с дорожкой, бархатистые тяжёлые гроздья цветов ниспадали книзу, поднимаясь по кусту всё выше и выше, словно стремясь достичь сиреневого летнего неба.

– Вставай! Тебя ждёт женщина! – заорал неестественно высоким голосом попугай.

Андрей вздрогнул от неожиданности. Никогда попугай Адлер не произносил этих слов днём. Что на него нашло? Потерял чувство времени?

– Попка – дурак! – ответил попугаю.

– Сам дурак! Сам дурак! – впервые за время пребывания в квартире огрызнулся попугай.

И вдруг внимание Андрея привлекла дама в лёгком красном пальто, в красных туфлях на высоком каблуке. Она подошла к кусту сирени и какое-то время постояла у него, видимо, любуясь этим чудо-цветением. Потом резко развернулась и пошла в сторону подъезда дома. Через пару минут она вышла и мимо куста сирени быстрым шагом проследовала в сторону станции метро. Не зная почему, Андрей кинулся из квартиры вниз, по пути захватив с собой ключи от почтового ящика. В ящике оказался конверт с обратным адресом – «Планета Тишины. К. А.».

Эту историю мне рассказал случайный попутчик в спальном купе поезда Москва – Киев. Когда он замолк, я не выдержал и нетерпеливо спросил его:

– Андрей, так кем оказалась дама в красном? Надеюсь, вы догнали её?

– Я её всю жизнь догонял и догнал. Её зовут Клавдия. Моя жена. Она – художник.

– А как же? Ведь это она нашла вас? Она писала вам письма? Странная история.

Андрей улыбнулся:

– Я работаю в компании, которая специализируется на компьютерных программах для игрового кино. Компания с участием украинского и русского капитала. Главный офис в Киеве, есть офис в Москве и в Минске. Несмотря на всякие политические разногласия, компания продолжает существовать и быть успешной все эти годы противостояния между нашими странами. Клавдия регулярно приезжала в наш московский офис, да и я бывал в командировках у них, в Киеве. Мы были с ней знакомы. Клава увлекающаяся женщина – коллекционирует ромашки, делает сама цветную бумагу и... поёт старинные романсы.

– А женщина в красном на балконе в театре? Это была Клавдия?

– Да. Это была она – женщина из Киева, родившаяся в Адлере.

– Адлер – имя попугая. И Клавдия родом из Адлера. Совпадение?

– Да. Забавное совпадение.

Поражённый необычностью рассказанной истории, я не мог остановиться:

– Как же так, Андрей? Почему вы не сблизились с Клавдией, встречаясь по работе? Почему вы, Андрей, не сделали первый шаг?

– Сам теперь не понимаю.

– А почему – Планета Тишины? Клавдия с Планеты Тишины?

– Я тоже спрашивал об этом Клаву... Потому что мы оба были на Планете Тишины. Мы видели друг друга, но не общались.

Мне хотелось задать Андрею ещё много вопросов, но я сдержался. Кто его знает, почему мы поступаем так или иначе? Может, Небо направляет нас? Почему случается любовь? Почему два человека, он и она, находят друг друга? Иногда это происходит, как в случае с Андреем, в довольно солидном возрасте или даже на склоне лет, но происходит всё-таки.

Андрей прервал молчание:

– Я стихи начал писать...

– Почитайте что-нибудь, Андрей. То, что самому нравится.

Он прочёл всего лишь несколько строчек:

*Дымкою нежною чудо-цветение
Греет усталую кровь.
В пору закатную, в пору осеннюю –
Поздняя в сердце любовь.*

Потом мы долго молчали, пока поезд не остановился на вокзале в Киеве. Распрощались очень тепло. На перроне Андрея встречала красивая средних лет женщина.

Остров счастья в арбатских переулках...

(Приключения женатого мужчины

в канун Нового года)

1. ВСЕГДА ОДНО И ТО ЖЕ...

Он зарекался спать вечером последнего дня старого года – пользы никакой от такого сна. Хотя есть польза, есть – можно потом целую новогоднюю ночь гулять. А с другой стороны, не всё получается, как хочется. Думаешь, что проснёшься, когда всё готово к празднику: стол накрыт магазинными деликатесами и тёщиной стряпнёй, жена с румяными щёчками и в новой блузке, тёща смотрит обиженной овечкой, дети у ёлки крутятся – караулят, когда Дед Мороз явится с подарками... И вот выход хозяина из спальни в последний момент перед застольем, чтоб открыть бутылку шампанского с громким хлопком. Но всегда одно и то же происходит. Жена встречает его появление неодобрительно:

– Выспался? А то мы боялись, что не успеем к твоему выходу на сцену.

– Ты бы, зятёк, хоть мусор вынес, чтоб вступить в новый год без грязи в доме, – высказывает тёща из кухни.

– Папа, давай сразу вручишь мне подарок, – хватается за руку младшая дочь Белла, названная в честь прабабушки со стороны жены.

– Потерпишь, мелюзга! Дед Мороз приносит и вручает подарки тем детям, кто хорошо себя ведёт, а ты на меня ябедничала папе. – Руслан, старший сын пятнадцати лет, не забудет своё слово вставить.

– Ты мне скажи ещё, что детей аист зимой в корзинке приносит... Ты, Руслан, родился в феврале, когда аисты на

юге. Значит, ворона тебя в клюве принесла и научила каркать, – тараторит острая на язык Белла.

– Мусор вынеси и сорочку смени на праздничную... – кричит вдогонку жена.

Так было в 2018 году, да и раньше было примерно то же самое. Но предновогодний вечер 31 декабря 2019 года оказался совершенно особенным.

2. ЛЮБОЧКА

В девять вечера, в последний день уходящего года, Андрон отправился в спальню. Не успела голова коснуться подушки, как он оказался в иной реальности – среди женщин, молодых и красивых, знакомых и незнакомых. К его удивлению, все они оказались очень благосклонны к нему. Почему? Во сне Андрон задавал себе этот вопрос и не находил ответа. В молодости девушки не очень обращали на него внимание. Да и вообще он не герой женских романов, а здесь, в предновогоднем сне, получилось всё как раз наоборот: дамы улыбались ему, разговаривали с ним с удовольствием, на шутки реагировали, а некоторые даже кокетничали. Ух, как приятно, когда женщины кокетничают! Молодые и не очень, но если они красивые, то даже очень... молодые. Вот та же Люба, худая оперная певица, с блеском в глазах от скопившейся жажды любви... Далеко не молоденькая, и у неё всё нормально: покладистый муж, потакающий всем капризам супруги, двое талантливых детей, достаток, но Люба жаждет... Жаждет больших денег, большего успеха в карьере певицы и внимания поклонников своей красоты жаждет... Здоровое стремление к большему, чем Люба имеет.

Вспомнив во сне Любу, Андрон тут же увидел себя стоящим на Арбате в окружении каких-то незнакомых людей. Хотя и знакомые оказались там. Бородатый актёр Игнат, который и поёт, и пляшет, и стихи читает, да ещё и ведёт борьбу с новым режиссёром по фамилии Хреков; тот отку-

да ни возьмись свалился в кресло главного режиссёра известного московского театра вместо прежнего знаменитого мэтра, отправленного в почётную отставку. С лицом худым и аскетическим, похожим на лицо индийского йога без возраста, Хрек, как его прозвал Игнат, тут же завёл свои порядки в театре: кого-то из известных актёров уволил, кого-то перевёл на подряд, снял с репертуара классические спектакли, на которые годами ходили зрители, и, объявив тотальную борьбу за чистоту православия, стал выпускать на сцену голых мужиков, с большими мужскими достоинствами, – фальшивыми, конечно, но очень похожими на натуральные. Зритель оценил такое нововведение и повалил в театр, в особенности дамы. Не так важно, о чём эти современные хрековские спектакли, – действие порой важнее смысла. А при чём здесь чистота православия? А ни при чём! Вот это и пытался Игнат объяснить:

– Андрон, понимаешь, Хрек, он – чёрт из гоголевской «Ночи перед Рождеством», только пегий. У него даже хвост есть. Никто почему-то не видит хвоста, а я вижу.

– Так давай его засунем в мешок из-под угля и утопим в проруби в Москве-реке. Эх, черти, наверно, не горят и не тонут?

– Да и прорубь не найдёшь, река-то не замёрзла. Упредил дьявол, потепление наслал на Москву, – подхватив шутку, заорал зычным баритоном Игнат на весь Арбат.

Вот тут, как по мановению волшебной палочки, и появилась Люба:

– Что шумим, мальчики? Несколько часов осталось до Нового года. Давайте гулять!

– Любочка, а я тебя только что вспоминал! Красавица ты моя, как я рад тебя видеть! Ты же знаешь, как я тебя люблю, – воскликнул Андрон, а сам подумал: «Что я несу такое? Никогда меня к тощим не влекло».

Люба подошла к Андрону и стала целовать его в губы частыми и мелкими поцелуями. А потом резко оттринула от него:

– Да ты, Андрюшка, лук ел! Не буду с тобой целоваться! Вот с ним – буду! – Люба указала на Игната.

– Да я сам тебя расцелую-зацелую. – Игнат подхватил Любу под руки, и они, хохоча, побежали в сторону ресторана «Прага».

Арбат вмиг опустел. Издалека доносилось: «Люба-Любочка, целую тебя в губочки...»

Андрон не успел сообразить, то ли радоваться, то ли печалиться тому, что Игнат увёл из-под носа Любу, как увидел на бесснежном Арбате женскую фигуру... Но он не заметил стоящего у стены дома мужчину в шинели старинного фасону, в цилиндре и с тростью в руке... Между тем господин в цилиндре, постукивая тростью по мостовой, направился в сторону особняка с жёлто-голубым флагом над входом.

3. ОКСАНА

Арбат в праздничной подсветке разноцветных огней. Красиво. «Эх, снега не хватает, – подумал с сожалением Андрон. – И гуляющей публики нет! Куда все подевались?»

И вдруг ветер прекратился, а снег пошёл, падал он и падал, словно в известной песне. Андрон произвольно начал напевать строчки, которые пришли внезапно на ум:

*Такого снегопада, такого снегопада
Давно не помнят здешние места,
А снег не знал и падал,
А снег не знал и падал...*

Шагающая по Арбату женская фигура приблизилась к Андрону. Фигура оказалась девушкой в сапожках на высоких каблуках, в распахнутой шубке, зелёном платье с глубоким вырезом, в котором высвечивала белая и полная грудь с покоящимся на ней большим жёлтым колье. Над головой девушки словно золотистое облачко парило. «Нимб?» – подумалось Андрону. Но нет, это её бело-золотые волосы взъерошились. Андрон зачарованно смотрел на это чудо. Чудеса в предновогоднюю ночь? В известной повести классика всё происходило в ночь перед Рождеством.

Нет, всегда надо ожидать явления чудес, иначе они явятся, а ты не будешь готов. Даже во сне надо внимательно осматриваться вокруг, если что-то необычное происходит. Не заметил Андрон вновь появившегося под жёлто-синим флагом человека в цилиндре с тростью в руке. Вот человек взмахнул тростью, и девушка остановилась напротив Андрона. Тот перевёл взгляд с золотистого кольца на лицо и опешил. Где он видел эти огромные зелёные глаза? Эти алые полные губы? Девушка посмотрела на него снисходительно, а возможно, насмешливо и пропела грудным голосом:

*Заметает зима, заметает
Всё, что было до тебя...*

И исчезла... Снежинки, крупные, словно вырезанные из белоснежной бумаги, закружились над Арбатом... Скрипка заиграла весёлую мелодию. Улица заполнилась танцующей публикой. Тощий полуголый человечек вытанцовывал, подпрыгивая на месте слишком высоко для его тонких ножек. Откуда сила в ногах, чтоб так высоко прыгать? Хотя у тонконового сзади хвост, возможно, он и помогал ему? На перекрёстке дорог, там, где над входом в полуподвал красуется вывеска «Домашний компот», остановилась нарядная карета, запряжённая парой каурых лошадей. Усатые дядьки в тёмных кафтанах подбежали, тут же дверца кареты отворилась, на мостовую ступила дама, в синем платье, расшитом золотыми нитями. Паж, высокий и гибкий, бросил ей под ноги коврик. Музыка стихла, и заполненный людьми Арбат пал ниц, только тощий человек с хвостом продолжал прыгать и кривляться, потом он засунул в рот пальцы и, растянув губы, выбросил изо рта длинный-предлинный язык и стал тянуться им к даме, величаво стоящей у кареты. «Боженька мой, сама царица приехала!» – подумалось Андрону. Он на какой-то миг замешкался. Как тут не замешкаться, когда встретишь на Арбате императрицу Екатерину II. Вдруг он узнал в паже самого себя... Определённо паж был очень похож на него,

Андрона, из далёкой курсантской поры, только этот был в кафтане с грубыми деревянными пуговицами, а у юного Андрона был курсантский бушлат с ярко начищенными латунными. Пока думал, царица с пажом куда-то исчезла. Раздался грубый окрик:

– Что застыл как истукан? Будешь с Оксаной фотографироваться? Тысячу рублей за кадр.

Андрон оглянулся и снова увидел тощего человека, похожего на Хрека из театра. Тот стоял почти голым в ниспадающей короткой женской юбке из белого сатина, а рядом с ним та же девушка с зелёными глазами.

Сказочный снег исчез, моросил дождь.

– Ты кто? – спросил Андрон человека в юбке.

– Хреков. У нас акция по привлечению средств для ремонта театра. Тебе скидка положена.

– Что за скидка? За что?

– Скидка на благотворительный взнос в поддержку театра. Оксана за тебя просила.

«Белиберда какая-то», – подумал Андрон, но денег на благотворительность почему-то дал, хотя знал, что Хрек прохвост из прохвостов, а тот как-то очень ловко смахнул денежки в холщовый мешок.

Андрон понимал, что всё, что с ним происходит сейчас, происходит во сне. Не надо было ложиться спать перед Новым годом. Так хотелось проснуться, но как он ни пытался поднять веки, у него ничего не получалось. «Не время ещё...» – пришло к нему, и он ещё глубже погрузился в сон, как в туман. Никого вокруг, ни зги не видно... Хотя в какой-то миг ему привиделась Оксана с золотистым нимбом над головой, она стояла и умоляюще смотрела на него, Андрона, рядом с ней плясала трость с крупным набалдашником из слоновой кости... А в отдалении величественная дама вручала серебряные тувельки молодому казаку в синем кафтане... Такие знакомые персонажи! – хотя где гарантии, что всё случилось во сне? А человек в цилиндре? Кто это, если не сам Николай Васильевич? Однако... как такое возможно, чтоб в последний день старого года автор и его герои гуляли вечером на Арбате? И при чём здесь Хрек? Неужели Хреков

является проделкой чёрта рогатого?! Или он сам и есть чёрт?

Нет, не надо ложиться спать перед Новым годом! Да и по Арбату не надо гулять вечерами, там всякая чертовщина случается как наяву, так и во сне.

Но Оксана? Уж больно хороша!

4. НАРГИЗ

Вечер, вечер... Забылись проделки Николая Васильевича на Арбате. И Оксана исчезла в тумане воспоминаний. «Сон это был, сон...» – шептал Андрон, идя по незнакомой улице. Да что там улица, город незнакомый! Где он? В Москве ли? А может, он в Киеве? Или в Вене? Вспомнил прыгающего на Арбате тощего Хрека с тонким хвостиком, украшенным на конце кисточкой. Хотя это просто мог быть натуральный чёрт, а не Хреков из театра, где Игнат служит. «А вдруг и вправду чёрт, и он меня перенёс на другой конец света? В Америку, например?» – ужаснулся Андрон. Посмотрел на часы. Десять часов вечера 31 декабря 2019 года. Где он? Ясно, не в Америке, иначе... Хотя что иначе? Как узнать, какое время сейчас часы показывают? Вашингтонское? Московское? Дома супруга Элеонора ждёт, дети Руслан и Белла, тёща Эльвира Борисовна... стол накрыт разными вкусностями. Да в конце концов, ему открывать бутылку «Русского шампанского». Открыть надо с особым шиком – хлопком, но с осторожностью, чтоб в люстру пробкой не попасть! Иначе... Вот-вот, здесь это слово уместно применить.

Андрон поднял голову и увидел в сумеречном небе силуэт очень знакомой высотки, чуть поближе – макушка православной церкви... Появилась дама в красном балахоне – она вышла из такси, затормозившего у приземистого здания, без окон и дверей. Нет, всё-таки двери, наверное, были, потому что дама резво припустила в сторону здания.

– Прошу вас, подождите! – Андрон подбежал к незнакомке.

Вспыхнул свет, зажглись огни иллюминации. Огромная

неоновая вывеска «Karaoke» засияла над осветившимся входом. Молодая женщина азиатской внешности, с тонкими чертами лица и большими, широко поставленными чёрными глазами резко обернулась.

– О, извините, вы что-то хотите спросить?

– Да! Я здесь случайно оказался. Что это за место? Что за город?

– Остров счастья! – расхохоталась дама.

– Вот мне как раз этого и не хватает, – подхватил шутку Андрон. – А вы королева счастья? Угадал?

– Я – принцесса! Королева – моя мама, и она там внутри! – Незнакомка показала на сияющий дворец.

Ему нравился такой тон разговора: полушутливый, полусерьёзный... А если дама слегка кокетничает? А если ещё и красавица! Незнакомка была ослепительно красива. И Андрон даже слегка ступешался, замешкался с ответом. А этого ни в коем случае нельзя допускать, упустишь момент, и всё – станешь неинтересен. Наконец Андрон нашёлся:

– О, Небо, я у цели! Путешествую по всему миру в поисках счастья! А здесь целый остров счастья! Меня зовут Андрон.

– Наргиз. – Дама смело протянула ему руку.

Не успел он поднести её руку к губам, как Наргиз, хохоча, отбежала и исчезла, словно неоновый дворец с вывеской «Karaoke» втянул её в свои сверкающие недра. При этом Андрон ясно услышал музыку и слова песни «Птица счастья завтрашнего дня... Выбери меня, выбери меня». Голос, высокий и тонкий, надрывался в желании встретиться с птицей счастья. И непонятно было, женский ли это голос или мужской?

Музыка смолкла. Свет погас. Андрон стоял перед тем же обшарпанным зданием. Вокруг ни души. Где он? Что это было? Куда делась Наргиз! «Это похоже на сон...» – подумал с сожалением. И вдруг его осенило. Это и есть сон! Нет в жизни этой ужасной тёмной улицы, нет этого здания, похожего на пакгауз. Но если это сон, то надо срочно проснуться! И всё, закончится этот кошмар. Вдруг ему стало нестерпимо жаль того праздника, на котором он мог по-

бывать. Ослепительная Наргиз, принцесса счастья! Птица счастья! Возможно, это был его, Андрона, шанс поменять свою жизнь? Почему он замешкался, не нашёл нужных слов, не удержал Наргиз? «А вдруг ещё не поздно?» – подумалось ему, и он стал исступлённо стучать в стену пакагауза, думая, что это всё происки хвостатого гада Хрекова. Театр загадил, Игнату пакостит, и в его, Андрона, жизнь влез. Чёрт он и есть чёрт! Андрон продолжал стучать, а потом перешёл на крик:

– Откройте, откройте! Впустите меня! Наргиз, скажи им! Это я, Андрон.

– Что с тобой, Андрон? Почему кричишь? – раздался знакомый женский голос.

Ошарашенный, он замолк, пытаясь понять, кто ему отвечает.

– Андрон, открой дверь! – тревожно и вместе с тем грозно требовал голос. – Открывай немедленно. Кому говорят!

От этого крика он проснулся и обнаружил себя в ванной комнате. О ужас! Он уснул, сидя на тёщином стуле для душа, который сам подарил ей на день рождения.

– Чистую сорочку надень. Я оставила её на ручке двери. Можешь не открывать. Очень мне надо смотреть на тебя голого... Что я там нового увижу? – съязвила Элеонора и, видимо, удалилась.

Он встал под горячий душ. Под упругими струями воды Андрон радовался и печалился, вспоминая картины сна. «Нет, не зря я отправился спать перед Новым годом, – на лице Андрона появилась блаженная улыбка. – Интересно, как там внутри „Кагаоке“, на острове счастья?»

– Папа, папа, вставай! – Дочь Белла тянула его за руку. – Мама и бабушка уже сидят за столом. А Руслан на балконе курит!

Он открыл глаза. С трудом сообразил, что находится в спальне на супружеской кровати, и тут же подумал с облегчением: «Так это я во сне уснул в ванной комнате! И слава Богу, что во сне! И хорошо, хоть не на унитазе!»

– Иди, иди, Белла! Передай маме, что я через пять ми-

нут буду.

За столом Андрон сидел невесёлый, говорил какие-то слова, поздравлял домочадцев с Новым годом, а самого не покидала мысль: «Какой сон приснился! Эх, жаль, что не удалось до конца досмотреть!»

После Нового года Андрон полюбил бродить по переулкам Арбата, он с надеждой осматривался вокруг, словно пытаясь за очередным поворотом найти свой остров счастья.

Горлица, птица благонравная...

1. И откуда взялась такая?

Глаза зелёные, попа знатная, бюст – загляденье и улыбка... Улыбка такая, что невозможно мужику в ответ не улыбнуться. А если она рассмеётся, то кто удержится, чтоб в ответ смехом не зайтись. Рост модельный! Русоволосая красавица! «И откуда ты взялась, весёлая женщина?!» – подумал Краснов, когда в первый раз встретились у него в поместье под Пафосом. Известно откуда! Марат пригласил в качестве эксперта по оценке его недвижимости. Марат управляет его счетами, без права снятия денег, но управляет. Сам уже не успевает всё отслеживать, куда там! В нефтяном бизнесе трудится, приходится по командировкам мотаться. А Марат на постоянной связи с банками, чуть что, он хозяину звонит, а там уже дело техники и профессионального умения, как разрешить внезапную проблему или просто сделать нужный перевод.

Поместье в Пафосе тоже требует контроля и хозяйского догляду, хотя здесь сестра Катя управляется, а при её отсутствии Зинаида, подруга сестры, на посту. В общем рутинные повседневные вопросы закрываются без особых проблем, а вот концептуальные требуют внимания самого хозяина: четвёртый дом запланировал строить... Сестра Катя не одобряет:

– Краснов, ну куда тебе столько домов в одном месте? Земли два гектара. Сад. Фонтаны. Три готовых дома, и четвёртый строить задумал. Зачем? Седьмой десяток уже разменял..

– Бумажная валюта неустойчива, а кирпичные деньги неподвижны... Тебе, Катя, в наследство один домик отпущу, – попытался отшутиться.

– Я на его содержании банкротом сделаюсь. Не надо!

Шутки шутками, а надо серьёзно решать, что делать с недвижимостью. Вот так в его поместье и появилась весёлая женщина по имени Мария. Как увидел, так сразу и запал на неё! Баба что надо, как среди мужиков говорится. И экспертом отменным оказалась. И шустрая, глаз-ватерпас, как Катя любит говорить. Всё примечает, всё запоминает, с ним приветлива, с Зинаидой официальный тон... А та ходит следом за ними хвостиком, ни на шаг не отстаёт, не даёт ему остаться вдвоём с Марией. А ему ух как хочется, хотя виду не подаёт. Но глазами так и тянется к Марии... Таковую ни один мужик не пропустит мимо, чтобы глазами не пощупать. А то! Вон булочки на попе как перекатываются под голубыми короткими джинсами, и голые икры вон какие ладные и мускулистые! Засмотрелся на ноги весёлой женщины и за бордюр дорожки зацепился, да так, что чуть не навернулся в сторону кактуса колючего. Не хватало ещё колючек на морду набрать. И так не красавец! И возраст уже...

– А будь неладны эти повороты. Нельзя было, что ли, по прямой дорожку сделать? Так нет, с выкрутасами захотелось.

– А вы за меня держитесь, Андрей Ильич! – предложила Зина и тут же подхватила его под руку. – Небошь, вдвоём не упадём.

– Угомонись, Зина! – осадил, а сам подумал: «Эх, Зина, Зина... Что же ты такая непонятливая?»

Посмотрел виновато на Марию, как ей объяснить, что Зина никто ему! Впрочем, ничего весёлой женщине объяснять не надо. Всё видит и ждёт, улыбаясь. И это при том, что ничего она, наверное, о нём не знает; вряд ли Марат стал бы откровенничать.

2. ГОРЛИЦА, ПТИЦА БЛАГОНРАВНАЯ

Пока общалась с Красновым, думала о нём. Видный мужчина солидного возраста. Под шестьдесят. Хотя для не-

зависимого мужчины возраст не помеха. Следит за собой, видимо? В меру плотного телосложения, взгляд прямой, внимательный. А если встречается с её взглядом, то тут же начинает виновато улыбаться. Запал на неё, что ли? Уже не девочка, чтоб такие вещи не замечать. Да, удружил Маратик! Попросил поехать с ним в качестве эксперта по недвижимости вместо какого-то киприота... Марату не могла отказать, друг всё-таки и коллега. Вот и ситуация, чёрт её возьми! Пару лет назад сбежала из Москвы от мужа, с которым в браке была больше десятка лет. Свобода жизни на Кипре, достойная работа, и нате вам – новые заморочки! Но нравится ей этот Краснов! Немолодой, ну и что? Сильный, уверенный в себе мужчина, и... эта беспомощная улыбка! Богатый? Нет, не в том дело... Она достаточно зарабатывает, чтоб на мужское богатство не повестись. Впервые за несколько лет обратила внимание на чужого мужчину. Только встретились, только познакомились, а уже тянет к нему. Хотя сколько времени надо знать мужика, чтоб влюбиться в него? Месяц, год, два года? Но не один же час, как с этим Андреем Ильичом случилось? Да ничего ещё не случилось, не влюбилась, и даже мыслей таких нет. Хотя нет, не надо самой себе врать. Мысли есть, но и только. Любопытно ей. Мужик возрастной, но породистый. И умный. Почему решила, что умный? В жизни состоялся, и это главное... Да ладно, всё ясно: птицу видно по полёту, настоящего мужчину – по поступкам, по манере говорить, шутить, по умению быть галантным... Женщина сразу видит своего мужчину! А Краснов её мужчина! Но тут же осадил сама себя мысленно: «Э, голубушка, что это ты размечталась?! Какой он твой мужчина? Почти в два раза старше! Видимо, жена, а то и несколько жён в его активе, бывших и настоящих! Да и Зинка эта ни на шаг его от себя не отпускает. Видно, что она не жена, называет его по имени и отчеству, но ясно, как белый свет, что претендует на большее, чем управляющая помещьем. Ишь прилипла к нему!»

– Машенька, не сфотографируете ли нас с Андреем Ильичом? Как мы с ним вдвоём посмотримся?

– Ой, да! Конечно. – Она внимательно посмотрела на Краснова.

Насупился, недоволен. А Зина прижалась к нему и голову на плечо положила.

– Посмотрите, Андрей Ильич, как хорошо Мария кадр поймала! Красивая фотография! – елеиным голоском пропела Зина.

Но Краснов перевёл разговор на другую тему:

– Участок посмотрели, дома посмотрели, давайте, дамы, вместе пообедаем. Захватим Марата, он где-то гуляет в одиночку.

«Конечно, в одиночку! Потому что Маратик увидел, что происходит, и оторвался от нас, не стал мешать в отличие от этой Зинки-резинки липучей», – подумала Мария, а вслух сказала:

– Можно и пообедать. А за столом обменяемся впечатлениями об увиденном и услышанном.

Пафос – город прекрасной Афродиты! История на каждом шагу. Из окна таверны видно море, величественное в солнечном свете, тихое и спокойное. И слава Богу, все молчат. Пауза. Даже неугомонная Зиночка притихла. «Возможно, это начало новой истории в моей жизни?» – подумалось Марии. На перила декоративного мостика рядом с окном таверны села горлица. Серо-жёлтое оперение, длинный хвостик, аккуратная головка с бусинками чёрных глаз всё время находится в движении... Вспомнилось слышанное по радио:

*Горлица ты, горлица,
Птица благонравная, –
Свадьба скоро станется,
Свадьба православная.*

Эка придумала себе продолжение истории! Со своим мужем никак не развяжется, а свадьба на ум лезет. Её раздумья прервал голос Андрея Ильича:

– Маша...

Горлица, словно услышав голос Краснова, вспорхнула и исчезла.

– Что? Ой, извините, засмотрелась на горлицу за окном, она улетела...

– Маша, давайте будем знакомиться ещё раз. Я живу в этом огромном поместье один, но часто уезжаю в Россию или в США. Хозяйством занимается моя сестра Катя, Зина часто подменяет сестру, когда той надо по своим делам улетать на родину. У Зины, бывшей учительницы, масса не-растроченной энергии и любви, вот она на меня и обрушивает всё это, не спрашивая моего согласия. А теперь к делу. Как вам мой проект с точки зрения вложения денег?

– Малоперспективный и рискованный. Отдельно стоящий посёлок. Рядом туристический город Пафос. Конечно, красиво здесь. Сейчас это стоит денег, а в будущем? Не уверена. Нет бизнес-мотивации селиться здесь людям при больших деньгах. Это только моё мнение.

– И что же делать? – озадаченно спросил Краснов.

– Продавать сейчас на высоком рынке. В крайнем случае я на вашем месте оставила бы себе один домик, если уж так прикипели к этим местам.

– А деньги куда?

– Ну, это уже другой вопрос. Можно рассмотреть вложение средств в высотное строительство домов в Лимассоле с учётом, что в будущем, уверена, газовый проект на шельфе будет реализован. Все стороны заинтересованы, когда-то договорятся.

– Спасибо, Мария. Я подумаю. Ваши услуги оплачу.

– Никакой оплаты не требуется. Я здесь нахожусь по просьбе Марата.

– Хорошо. Я найду способ.

Расставались весело. Краснов шутил, Мария улыбалась. Марат помалкивал. Зина ушла раньше.

3. В НОЧНОЙ ТИШИНЕ

Мария с Маратом уехали в Лимассол, но не убрались из его мыслей, точнее, там осталась Маша, – Краснов ходил и ходил по саду, возвращаясь к недавней встрече. Что сказа-

ла? Как посмотрела? Её улыбка? Её смех? Он то хмурился, то улыбался, словно вёл беседу с кем-то. Вечером добрался до самой отдалённой границы участка и присел на огромный валун. Этот валун здесь всегда был, но ему пришлось нанять мощный трактор и подвинуть слегка камень, выровнять его. Пожилой киприот-тракторист сказал ему на русском языке с кавказским акцентом:

– Господин Краснов, пройдёт много-много лет, вас не будет на этом свете, меня не будет, а камень здесь будет лежать. Может, тысяча лет и больше пройдёт, а камень будет на этом месте лежать! Представляете?

– Спасибо, друг! – только и нашёлся Краснов и пожал трактористу руку.

Он присел на камень. Отсюда не видны огоньки коттеджей, не слышно звуков машин, голосов людей. Тишина благословенная. Высоко в закатном светлом небе бледная луна. Далеко внизу бледное море. Вспомнилась вся жизнь. Он, молодой и успешный учёный, уехал с женой-красавицей в Америку... Какие были перспективы! А главное, какая была любовь! И всё в Америке пошло хорошо: выучил английский, преподавал в университете; Алёна владела в совершенстве английским, и она, искусствовед, стала работать в музее по специальности. Но счастье длилось недолго. Через год Алёна оставила его, забрав с собой дочь. Куда ушла, зачем? Она просто исчезла из его жизни, и вот уже двадцать лет ему ничего не известно ни об Алёне, ни о дочери Оле. Он пытался искать их следы, но бесполезно; возможно, Алёна сменила имя и его фамилию? Возможно, уехала в другую страну, допустим, в Мексику? Новая любовь у неё случилась? И где она сейчас? Жива ли? Что с дочерью? Ей уже под тридцать должно быть. Где она? Всё, что осталось от семьи, – это записка Алёны: «Андрей, я ухожу от тебя вместе с Олей. У меня начинается новая жизнь. Не ищи нас. Прощай!»

Он долго переживал, но потом, через пять лет, женился на коренной американке Джейн; любви не было, и семьи как таковой не было и нет, хотя пока они находятся в браке. И так длится уже двадцать лет. И вот она, Мария! Весёлая,

независимая! Женщина, которую желаешь видеть, говорить с ней, иметь её... «Дурак, – обругал сам себя вслух, – ведь ничего о ней не знаю! Возможно, у неё куча детей и муж?» Хотя Марат шепнул, что она свободная! Да и смотрела на него благосклонно! Вытащил из верхнего кармана сорочки её визитку, стал внимательно рассматривать. Косарева Мария Ивановна, эксперт по недвижимости, контакты. А названия фирмы нет. Впрочем, какое это имеет значение? Главное, номер мобильного телефона указан! И он решительно позвонил ей. В ответ тихо:

– Да, слушаю, Андрей Ильич. Добрый вечер.

Вот так! Уже успела забить номер его телефона в память своего мобильного.

– Маша, не могли бы мы с вами встретиться, скажем, завтра после работы? Предлагаю поужинать вместе в Лимассоле.

– Хорошо.

Слава Богу! Согласилась. Совсем стемнело. На небо высыпали звёзды. Ночная птица запела – два коротких булькающих звука. Что за птица? Краснов не раз слышал её пение, прерывистое и тревожное. Говорили, что эта маленькая птичка всегда поёт после заката, привлекая пением самца. Киприоты называли даже имя птички по-гречески, но не запомнил. А если это зарянка? Нет, зарянка заливается наподобие соловья... Что для него значит это пение ночной птицы? Таинственные и зовущие звуки в ночной тишине. Очень скоро Краснов вспомнит этот вечер, вспомнит огромный и вечный валун и пение птицы в вечерней тишине.

4. ПЕРЕД СВИДАНИЕМ

После звонка Краснова она долго не могла уснуть. Нравится ли ей этот мужчина? Да, нравится! Её определённо к нему тянет. Но ведь он старше её намного. Зачем она ему? Зачем он ей? И почему она так легко согласилась на завтрашнюю встречу с ним? Ведь это не деловой ужин? Нет, определённо нет! Это – свидание мужчины и женщины, и

она хочет этого свидания. А если это действительно любовь? Разве такое бывает? В тридцать два года убежала от мужа на Кипр... Детей нет, любовь ушла, что ещё их могло связывать? Ничего!

Утром явилась в офис, деловая и весёлая. Встречи с клиентами. Переговоры. Залихватски смеялась, шутила, всё как обычно. И никто из подруг не мог даже догадаться, что она, как молодая девочка, находится в предвкушении скорого свидания с немолодым мужчиной. Только Марат посмотрел на неё внимательно и спросил:

– Маша, у тебя всё нормально? Ты какая-то оживлённая больше, чем обычно...

– Маратик, только тебе признаюсь. Краснов пригласил вечером на ужин. И я согласилась.

– В первый раз увидел тебя такой, как, впрочем, и за Красновым раньше не замечал, чтоб он за молодыми женщинами ухлёстывал. Серьёзный он мужчина.

– А я, Маратик, серьёзная? Ведь согласилась на встречу.

– Более чем! Но ты, Маша, весёлая женщина! А где встречаетесь?

– В кафе гостиницы «Four Seasons», ужин в японском ресторане. А знаешь, Маратик, давай вместе поедем? Подвезь меня и на ужин останешься. Мне так будет спокойней.

– Подвезти подвезу к гостинице, но заходить не буду. А если нужно, позвонишь и я тебя заберу оттуда.

После этих слов Марата она как-то успокоилась. Что это она нафантазировала себе? Возможно, Краснов хочет обсудить с ней какой-то новый проект? А это немалые выгоды и для неё лично. Новый опыт, да и комиссионные тоже имеют значение, что греха таить.

С работы уехала домой пораньше, чтоб привести себя в порядок перед вечерней встречей.

5. КОГДА ПРИЛЕТАЮТ ГОРЛИЦЫ...

«Colors cafe». Сколько раз у него были деловые встречи в этом кафе пятизвёздочного отеля «Four Seasons»! Да и

сам не раз останавливался в отеле. Сколько раз она встречалась с деловыми партнёрами и клиентами здесь! Уютные столики, тихая музыка, внимательные и тактичные официанты. Обычно здесь проводят деловые переговоры, а ужинаяют и расслабляются в одном из ресторанов гостиницы. Краснов встретил Марию у входа в отель. И вот они вдвоём за столиком.

– Андрей Ильич, у вас, очевидно, появилось желание продолжить наш вчерашний разговор? Чем я могу вам помочь?

– И так, и не так, Маша! Конечно, я думал над вашим предложением и в целом с ним согласен. Детали можно обсудить, но не в этот вечер. Мне захотелось вас увидеть, поговорить. Давайте в третий раз знакомиться! Я расскажу вам о себе, узнаю чуточку больше вас. Ведь нам, надеюсь, придётся работать вместе.

– Согласна. Давайте, – заулыбалась Мария, – начинайте первым. Где ваша семья? Дети, жена... Ведь это важно в случае продажи поместья.

– Расскажу. Но всё поместье продавать не хочу. Оставлю себе один домик с отдалённой территорией, примыкающей к горам. Там лежит огромный валун, на котором я люблю в вечернее время посидеть. Там ночная птица поёт. Там звёзды в небе ярче. И Луна там располагается ближе.

– О, да вы романтик, Андрей Ильич! Стихи сочиняете?

– Бывает. Но только для себя.

– А мне почитаете?

– Если вы согласитесь со мной посидеть на моём камне под вечерним небом...

Краснов начал говорить об американской жизни, о Джейн, о намерении развестись с американкой, вскользь упомянул, что до Джейн была у него русская жена и дочь маленькая была, но они расстались и больше с тех пор не встречались.

– А с дочерью?

– Ни слуху ни духу о дочери. Не удалось узнать, где она.

– Печальная история. Чем-то похожа на мою. Я не помню своего отца. Всю жизнь я прожила в маленьком посёлке

на Сахалине с мамой и отчимом-эвенком. Его имя – Гугдауль, что обозначает «высокий». Он – высокий ростом. А фамилия у него была русская – Косарев. Так когда-то записали при выдаче паспорта.

– Так вашего отца звали Иван, ведь вы Ивановна?

– Нет, я не знаю имени моего отца. Мама хотела, чтоб я носила имя отчима и его отчество. Но представляете, как это звучало бы – Мария Гугдаульевна! Поэтому мама вписала мне имя отца Иван.

– Невероятная история. А где ваша мама сейчас?

– На Сахалине. В городе Оха. Живёт с отчимом, и они счастливы. Я бываю у них раз в пять лет. Хотите, покажу фотографию мамы?

Мария пощёлкала кнопками мобильного. С фотографии на него смотрела Алёна, такая же красивая, как много лет назад! Он чуть не потерял сознание, не отрывал взгляд от фотографии и шептал «Не может быть! Не может быть...»

– Что с вами, Андрей Ильич! Вам плохо?

– Не может быть! Как мама похожа на одну женщину! Поразительно похожа. Сколько ей лет?

– Пятьдесят два года. А что?

– Как такое может быть? У неё была сестра?

– Нет. Мама воспитывалась в интернате. Родители рано умерли. Потом был институт. Замужество.

– А ваш папа кто? Где он? Как его фамилия?

– Не знаю. Мама ничего не рассказывала. Когда я спрашивала, она говорила, что со стороны папы было предательство. Она от него ушла и оказалась на Сахалине. Остальное я вам уже рассказала.

Он сидел и молчал. И Мария молчала. Ему вспомнилась та давняя история, когда его Алёна не смогла ему простить лёгкой интрижки с Джейн. Не могла и не простила. Но эта женщина, мать Марии... Как она похожа на его Алёнку!

– Маша, а как звать вашу маму?

– Алёна.

– Алёна Викторовна?

– Да. – Мария удивлённо посмотрела на Краснова. – Вы знали мою маму?

– Не уверен. Столько совпадений. Какая у мамы фамилия?

– Я же сказала, что Косарева, по фамилии отчима. Я при замужестве тоже осталась на своей девичьей фамилии.

– Столько совпадений! Голова кругом идёт. Маша, у вас есть сестра Оля?

– Нет, и никогда не было.

– Маша, прошу вас позвонить своей маме. Прямо сейчас можете позвонить?

– Могу, но... там только четыре утра. Хотя... впрочем, неважно. Звоню.

Мария набирала номер телефона на мобильнике. Лицо её стало серьёзным и даже каким-то чужим. Это не было прежнее лицо, весёлое и беззаботное. Сосредоточенное и взволнованное лицо опечаленной женщины.

– Привет, мама! Мама, с тобой хотят поговорить, – сказала она и передала мобильник Краснову.

– Здравствуй, Алёна! Я случайно встретил нашу с тобой дочь Олю. Но она почему-то сейчас Марией зовётся. Почему?

Краснов посмотрел на Марию, затем встал и вышел с телефоном на улицу. Его не было, наверно, не меньше получаса. Всё это время Мария сидела в кресле, уставившись в одну точку, словно оцепенев.

Краснов вернулся и тихо сказал:

– Маша, это наша с тобой судьба. Невероятное совпадение! И имя, и отчество совпали, но твоя мама из другой истории. Мы никогда с ней не встречались. И слава Богу!

Каких только чудес не бывает на белом свете, и не все они имеют счастливый конец. Каких только совпадений не бывает! Может оказаться так, что где-то на другом конце света есть человек похожий на тебя, с твоим именем и отчеством и, возможно, даже с твоей судьбой.

Я слушал историю Марии из её уст и не переставал удивляться тому, до чего же бывает причудливой судьба. Каких только поворотов не бывает в жизни людей! Никакой изощрённый ум писателя не способен придумать такое. Думал

о том, как Краснов сидел на вековечном валуне в вечернее время и слушал песню ночной птицы... Птица напороочила? Что мы знаем об окружающем нас мире? Почти ничего. Мы ведь сами себя толком не знаем, своих родных и близких нам людей не всегда знаем.

На этом мне хочется поставить точку в своём рассказе. Продолжение истории не менее интересное, но я дал слово Марии не раскрывать её теперешнюю жизнь на Кипре. Зачем? Её жизнь и так у всех на виду. Хотя... Кто знает, что будет завтра?

Утро. На мой балкон прилетели и уселись на перила две горлицы. Что бы это значило?

Эфрозини – в подарок

Никос проснулся в пять утра и, не позавтракав, засоби-рался ехать на свой клочок земли в ближних горах. Какой завтрак в пять утра! Еду надо заработать! У Никоса с вечера готов план на день, и он следует ему неукоснительно. Сегодня поливает оливковые деревья. Впервые за несколько лет после того, как он выгодно купил этот участок земли, оливы обильно зацвели, и сейчас они усыпаны плодами. Дерево не может набрать достаточно влаги из сухой каменистой земли. Без воды плоды будут мелкие, часть урожая вообще пропадёт: осыплется на землю. А вот если поливать деревья, то с пяти десятков олив можно собрать пару тонн плодов, из них получится литров триста душистого оливкового масла. Почему не пометать? Хотя главное не количество, а качество. В супермаркете оливковое масло хорошее, но всё же не то, что домашнее – отжатое из своих собственных оливок. О, это просто сказка! И запах другой – натуральный, остро-пряный! И вкус – словами не передать! Нальёшь немного золотистой жидкости в тарелку, слегка посыплешь солью, отломишь кусок белого хлеба, обмакнёшь... А если ещё добавить крупно порезанную луковицу да помидор с собственной грядки! Что может сравниться с этой едой? Ничего нет на свете лучше оливкового масла со свежеиспечённым хлебом!

Никос спешно набросал сена лошадям, поставил миску с кормом для собак, полил цветочную мелочь и помчался на японском внедорожнике в горы. У него всегда всё рассчитано до минуты: два часа поработает в саду, а в девять утра должен быть в офисе в Никосии. Но чего только в жизни не случается!

Однажды Никос гонял на корде своего любимого коня Арамиса, намотав конец верёвки на руку. Конь резво бегал

по кругу, иногда он подбадривал лошадь: «Давай, Арамис! Молодец! Ещё круг». Внезапно на площадку выскочил пёс Тайсон и кинулся вслед за конём. У собаки игра такая. Но Арамис вздыбился и рванул в галоп так резко, что Никос упал как подкошенный. Лошадь вылетела за ворота и потащила за собой бедолагу по кочкам и камням. К счастью, соседка Леда заметила неладное. На крики прибежал её муж и изловчился остановить Арамиса. Тогда Никос провалялся в госпитале две недели. Вот плата за собственную небрежность!

Бывает, мешают друзья. Является кто-нибудь в субботу, в тот самый день, когда Никос работает в оливковом саду. Тогда он не церемонится:

– Аристофан, у тебя дело ко мне? Нет дела? Извини, но сейчас я занят. Бла-бла-бла не будет. Иди, друг мой, домой и говори свои комплименты жене.

– Никос, ты что? Спал сегодня плохо? Почему сердитый такой?

– Я не сердитый, я сосредоточен, работаю. Давай встретимся вечером в таверне у Ламбродоса.

Как-то раз ехал на участок и увидел: на дороге без сознания лежит девушка – там, где асфальт заканчивается и дорога начинает петлять вдоль обрыва. Целый день тогда потерял, но не жалеет об этом. О том случае он не любит распространяться.

Никос отбросил лишние мысли – всё внимание крутым поворотам. Последний подъём, и машина выскакивает на плато – его территория, его королевство! Справа невысокие горы, но кажется, что своими вершинами они упираются в небо. Скоро-скоро солнце появится из-за этих вершин. И высветятся краски сухого лета. Это только на первый взгляд ландшафт серый и неприглядный. Даже сухая трава и та играет в лучах восходящего солнца разными красками. И если присмотреться, то среди этой выжженной солнцем растительности можно обнаружить множество скромных цветов. И запах у этой сухой травы особенный: терпко-сладкий. Дикорастущие орхидеи, ирисы, роза, ромашка и множество мелких цветов, известных только уж

очень большим знатокам. Великолепные вечнозелёные сосны! Преклонного возраста кедры! Стройные кипарисы! Да разве есть у него время перечислять все эти растения, окружающие со всех сторон его плато?! Но есть одно дерево, тысячами растущее на Кипре, оно – визитная карточка острова, его лицо! Да, да! Это – олива! С давних времён прививка дикой оливы поощрялась государством. Обнаружил в горах дерево, привил его, зарегистрировал в государственном реестре, получил свидетельство о праве собственности – и вот ты на веки вечные владлец плодоносящего дерева, независимо от того, кто потом купил землю. Когда-то в аккультурации оливы очень преуспели пастухи овец: скитаясь с отарами по горным склонам, они находили и прививали дикие оливковые деревья. Со временем их владелец мог стать богатым человеком.

У Никоса на участке пятьдесят одно оливковое дерево. Лет семь уже он неутомимо обихаживает деревья: поливает, опрыскивает по весне, чтобы избавиться от паразитов, и много чего ещё делает. Шутка ли, но некоторым деревьям несколько сот лет, каждая олива охраняется государством. Есть желающие купить пышнокронных красавиц и перенести на свой участок, но Никос не соглашается, оберегая свои оливы.

До сада – метров пятьдесят, уже ворота видны. Прокукарекал петух Камерон. Чует хозяина! Ему ответили гоготом гуси. Посмотрел в небо, нет ли извечного врага кур – орла. Исчез куда-то разбойник. Прошлым летом почти всех кур потаскал.

Остановил машину перед воротами. Эх, достроить бы дом! Но нет, придётся погодить, пока младшего Кристиана не выучит в Лондоне. Скорее бы наступил тот день, когда здесь будет стоять дворец! Пусть это будет небольшой дом, но для него он будет дворцом! Какие виды! Вон светится бухта Миланда. А правее – горы Троодос! Красота непревзойдённая! Величественные вершины! Маленькие деревни! Древние монастыри и церквушки!

Надо съездить в монастырь Киккос и поклониться иконе Богородицы, написанной святым апостолом Лукой.

«Обязательно поеду 15 августа, – решил Никос, – на Успение». А с другой стороны, на пути к Ларнаке, монастырь Ставровуни, там икона Кипрской Божьей Матери! Туда, в Ставровуни, поедет 14 сентября, в день Воздвижения Креста Господня. До недавнего времени Никос не думал о посещении монастырей, но всё в нашей жизни меняется, если готовы меняться мы сами. Недавно жизнь Никоса полностью перевернулась, и теперь он хочет наверстать упущенное и начнёт с посещения этих знаменитых монастырей.

Не успел открыть ворота, как увидел человека, идущего в сторону его сада! Как он не заметил его раньше? Нет, он уверен, что на дороге никого не было. Но другого пути сюда нет! И спрятаться негде! Никос подождал, пока незнакомец подойдёт поближе.

– Калимера! – учтиво поздоровался мужчина, на вид лет этак пятидесяти.

– Калимера! Калимера! – ответил Никос. – Я только что проехал и не видел вас. Куда путь держите?

– Я шёл по горной тропинке. Поэтому не встретились. В этих краях мой дед, а потом и отец коз пасли. Все склоны обошли. И мне передали свои познания. Приятно здесь гулять перед восходом солнца. Вы ведь Никос Кристодуло?

– Да, – ответил озадаченный Никос. – А вы кто?

– Кростос Димитриади! Мы не встречались раньше, но наши деды были хорошо знакомы и даже дружили.

Никос насторожился. Конечно, приятно встретиться с потомком дедова друга. Но не сейчас! Ведь у него свой план! Ему оливы надо поливать! А вслух спросил:

– Так вы ко мне пришли?

– И так, и не так. Я, собственно, к своей девочке пришёл! Давно не навещал!

– Какой девочке? Здесь не бывает девочек. Или вы так мою жену Аманду зовёте? Так её сейчас нет здесь, – напрыгся Никос.

– Мою девочку зовут Эфрозини. В честь матери моего деда назвали.

– Знаете что, не морочьте мне голову! Скажите, кого вы ищете? Эфрозини здесь нет, – сказал, теряя терпение, Никос.

Ему надоел этот бессмысленный и какой-то не такой разговор, да и время было дорого.

Кристос заулыбался и примирительно замахал руками:

– Простите меня, Никос! Эфрозини – имя пятидесятого по счёту оливкового дерева, привитого дедом на этом плато. Радости тогда столько было, вот и назвал он это дерево Радостью. Все деревья отец продал, а Эфрозини сохранил. Я пришёл навестить нашу родовую оливу. Не так давно нашёл документы, подтверждающие права нашей семьи на неё.

– Но при покупке земли не было никакого обременения!

– Наверное, это так. Продавец земли не сказал вам, вы не проверили. Но это ничего не меняет. Олива принадлежит нашей семье. У меня есть сертификат собственности. И я хочу пройти к ней, к моей Эфрозини.

Никос не стал больше спорить. Кристос подошёл к самой красивой оливе, стоящей в верхней части плато. Поклонился ей, перекрестился и отбыл весьма довольный её состоянием. Пообещал осенью прийти и собрать урожай.

Утро было испорчено. Что за дурацкие законы?! Почему кто-то может приходиться к нему на участок и говорить, что здесь его олива? Несмотря на плохое настроение, Никос добросовестно полил водой деревья, включая спорную оливу. Честно сказать, она была ему приятней и дороже всех остальных её сестёр. Он больше всего уделял ей внимания и поливал щедрее, чем другие деревья. Она была его радостью, а теперь оказывается, что радость-то она радость, да не его!

Поехал домой, чтобы позавтракать и переодеться. По пути не смотрел по сторонам, теперь его ничто не радовало: ни восходящее солнце, ни чистое небо, ни бордово-жёлтый пейзаж июльского утра, который он так любил.

«А не буду я пускать этого Димитриади на свой участок! Пусть любит свою оливу из-за забора. – И тут же усомнился: – Этот Кристос имеет право собирать урожай по закону! А если я не буду поливать оливу, то и хорошего урожая не будет».

Ему стало стыдно за такие мысли. Как так – не поливать! И что она скажет? А ей какво? Люди не могут поде-

лить между собой свою любовь, а ей страдать? Он не заметил, что стал рассуждать об оливе как о любимой женщине, которую у него собирается отбить соперник.

«Как бы в этом случае поступил мой отец, будь он жив? Ушёл отец из жизни и ничего не сказал. Неужели он не знал о Крестосе Димитриади? И кто такой этот Крестос? Есть Крестос Димитриади, известный юрист, бывший член правительства Кипра! Но тот человек гораздо старше. Он, помнится, тучный и неповоротливый. А этот, словно юноша, бегаёт по неприметным горным тропкам», – толклись мысли в голове Никоса.

Во дворе дома Аманда кормила кур. Тут же крутился вездесущий Тайсон. Рассказал жене о случившемся.

– Аманда, я хочу предложить Крестосу продать мне оливу. Иначе ему придётся согласовывать со мной порядок доступа к ней. Не может же он приходить к дереву, когда ему заблагорассудится? А если мы в это время сексом будем заниматься на нашей земле и под этим деревом?

– Нико, что ты такое говоришь? – смутилась Аманда. – В нашем возрасте и под деревом? На земле? О, так романтично! Lovely!

– А что? Я становлюсь романтиком! Может, я и сад этот купил, чтобы жить свободно в горах! А теперь я зависим от какого-то Крестоса Димитриади!

– Не какого-то, а известного юриста. Я с ним знакома и даже встречала его недавно. Как он помолодел! Таким стройным стал! Очень симпатичный мужчина! Говорят, что он регулярно стал посещать монастырь Ставровуни. Его жена жаловалась подруге, что Крестос хочет уйти в монастырь.

– Чего он тогда с утра припёрся на мой участок, если такой добродетельный? Испортил мне настроение на целый день, а может быть, и на неделю или на год! – продолжал горячиться Никос.

Мир меняется, жизнь наша меняется, и мы сами меняемся, даже не догадываясь об этом. Конечно, мы стареем! Но главное в другом: наши души меняются, очищаются от ненужного. Приходит час, и мы по-новому смотрим на этот

мир, на себя в этом мире и на наших друзей, соседей, знакомых!

Через неделю Никос получил письмо от Кростоса Димитриади. Уважаемый юрист благодарил его за то, что он разрешил пройти на участок и попрощаться со своей оливой. Самое неожиданное оказалось в конце письма: Кростос Димитриади отказался от своих прав на Эфрозини и попросил Никоса Кростодуло принять оливу в подарок.

Рыжий котяра

Я – обычный рыжий кот. Ну, не совсем обычный. Красивый я. Пушистый и большой. И, что не редкость среди котов, в отличие от людей, я умный. Да, да! Умный! Вы считаете, что нескромно хвалить себя? Почему? А ещё я хитрый, пронырливый котяра, как обо мне некоторые говорят. Приходится быть хитрым, иначе не выжить бездомному коту в городе Лимассоле. Хотя, если честно, не совсем я бездомный.

На Кипре большинство кошек околачиваются возле отелей и живут за счёт подаяния туристов. После завтрака, обеда, ужина женщины выносят остатки еды и выкладывают на траве или на прогулочных дорожках, возле скамеек. Особенно бабушки, добрые старушки помогают нам, котам. Хотя и среди них бывают сущие ведьмы. Идёт этакая мымра мимо котика, обедающего остатком котлеты, тот не обращает на неё внимания, а она ножкой топ, а то и пнёт, крикнув: «Брысь! Может, ещё и на газоне нагадишь!» Да кошки чище, плотнее некоторых особей на двух ногах! Нужду справляем в песочке, а потом аккуратно закапываем.

Родился я при отеле в туристической зоне. Мама моя была допущена даже к кафе на открытом воздухе; она обычно с утра бродила среди столиков и вопросительно смотрела на посетителей, определяя по лицам: кто пожалеет её, голодную, и подаст кусочек со своей тарелки? Официанты маму не обижали, а вот других кошек и близко не подпускали к столам. Потому что вести себя не умеют. Начинают противно мяукать, выпрашивая еду. Кому это понравится? Птичий щебет, туристы радуются солнцу, а тут вдруг какой-нибудь облезлый кот подкрадётся незаметно к столу и – «Мяууу!» Птичка с дерева упорхнёт, а мечтательная туристка вздрогнет и брезгливо скажет: «Фу, какой про-

тивный котяра!» И официант с полотенцем погонится за тобой.

Мама с детства приучала нас соблюдать этикет. И только когда мы повзрослели и поумнели, приобрели знания и опыт, нам разрешили подходить к столикам. Нас, котят, в семье было трое – я, братик и сестрёнка. Тройняшки мы: братик – Сереня, только носик у него был розовый, сестрёнка – Беляшка, а кончик хвостика рыженький. Мама говорила, что у каждого из нас свой отец; мой был рыжим, и я поэтому Рыжик с первого дня на свете.

Совсем скоро мы, котята, научились выпрашивать еду у гостей этого огромного острова, с которого никуда не убежишь. Братик Сереня садился поодаль от стола и смотрел немигающим взглядом на принимающих пищу людей. И кто-нибудь да кидал ему кусочек. Беляшка наловчилась промышлять у столиков с детьми. Тёрлась о ноги сидящих за столом, выбирая детские и дамские ножки. Мужчины бывают грубыми и могут больно пнуть. А если потереться о детскую ножку, то хотя бы один кусочек чего-нибудь вкусенького достанется. Какая мамаша не разделит любовь ребёнка к маленькой белой кошечке? А я, как посторонний, прохаживался среди столиков, но всегда что-то перепадало и мне. Особенно – от дам, клянусь... чем бы мне поклясться?

Однажды одна добрая англичанка по имени Аманда взяла с общего стола халуми, такой козий сыр, поджаренный до румяной корочки. И почему сыр? Сама-то она его не ела. А меня угостила. Мне бы кусочек телятины. Той, какую дядька недавно оставил в тарелке, а официант тут же ловко подхватил её и унёс. Эх! Что тут скажешь? Ничего, когда ты на кошачьих правах находишься. А если я и сказал бы своё слово, что из этого? Тем более что дядька с телятиной не понимал по-нашему, по-кошачьи. И мы, кошки, не понимаем этих англичан. Среди них много рыжих, а иногда эти рыжие такое отчебучат, что хоть стой, хоть падай! Одна дама налила в блюдце молока и поставила на пол. Можете себе представить молоко для кошки в блюдце, с которого туристы едят? Я начал осторожнень-

ко подбираться к угощению, тем более что дама затараторила: «Take it, baby! Please». Хорошо, что в последний момент поймал взгляд метрдотеля, полный презрения к даме и угрозы по отношению ко мне! Я тут же отступил от блюда, гордо задрал хвост вверх, мол, плевать хотел на вас, англичан. Метрдотель Андреас оценил мою находчивость и юмор, широко расплылся в улыбке, показал жестом «ок», сомкнув большой и средний пальцы в кружочек. Будь я неосторожным, в тот же день вылетел бы с территории отеля. В нашем кошачьем деле внимательность – главное качество, а глупым нельзя быть, это смерти подобно. Андреас подошёл к англичанке и, улыбаясь, вежливо поставил её на место:

– Извините, мэм, мы котам сервируем столы в другом месте. Позвольте, я передам туда ваш подарок.

– О, грэйт! Лавли, – сказала англичанка.

Люди, как и кошки, бывают хитрые и не очень. А наш метрдотель умный и добрый. Да его все тут знают! Я заметил, что все, кто носит имя Андреас, добрее остальных, по крайней мере, в нашем отеле это было так.

Моё простое имя Рыжик прижилось среди туристов. Так меня мама с детства звала, а потом и люди стали ко мне так обращаться, особенно дети.

– Ой, Рыжик, какой ты красивый, какой ты пушистый, – ласкают меня маленькие девочки, а иногда и за ушком почесут.

От мальчиков иной раз не знаешь, что и ждать.

– Рыжий обормот! – кричит подросток Гена из Москвы и норовит за хвост дёрнуть, хотя сам тоже рыжий.

Рыжие ребята, в отличие от котов, все хулиганы. Так и хочется ответить этому Гене:

– Оболтус!

Мама предупредила меня держаться подальше от Гены, его отец начальник нефтяных промыслов в ледяной Сибири. Богатый-пребогатый. И этот Гена балованный-балованный! Часы на его руке – «Rolex», дорогие. Может, время на этих часах течёт медленнее, и папа-нефтяник и его сынок Гена проживают на этих часах десять жизней в

сравнении с одной кошачьей? Сам слышал, как Андреас говорил официантке:

– Будь осторожна с этим русским с «Rolex» на руке, как бы он тебя не спровоцировал на грубость. Иначе его папа нам такое устроит!

– Да, он втихаря пытается меня за задницу ущипнуть.

– А ты не реагируй. Отойди с улыбкой. Щипнёт разок, тебя не побудет. Они к нам ежегодно приезжают и друзей своих привозят.

Люди думают, что мы, кошки, ничего не слышим и не понимаем. А мы всё на ус кошачий мотаем, только вида не подаём.

Родословная кипрских кошек уходит в далёкую древность. Когда-то нас, кошек, люди привезли на остров на корабле. Узнали, что мы можем охотиться на змей, вот и привезли. Это случилось много-много лет назад, тогда на Кипре была страшная жара! Расплодилось много змей, жить на острове стало опасно. В то время царица Елена, мать императора Константина Великого, отправилась на Святую Землю, чтобы найти Животворящий Крест. На обратном пути посетила Кипр. Увидев, в какую беду попали люди, она приказала доставить на Кипр целый корабль кошек, чтобы те уничтожали опасных гадов. Примерно в то же время был построен монастырь Святого Николая, при котором жили коты – мои предки. Монахи заботились о кошках, а те плодились и размножались. Вот так, по преданию, мы помогли людям избавить остров от змей. Мы гордимся тем, что люди называют этот монастырь Кошачьим. В тех местах на Кипре, где живут кошки, змей почти нет, а мы – везде и повсюду! Я слышал, как Андреас всё это одной даме рассказывал. А та вся в золоте, даже на шиколотке у неё был браслет с бриллиантами. Так эта дама всё ахала да охала, слушая рассказ:

– Ой, как интересно! А как же Афродита вышла нагой из моря и змей не побоялась?

– Богинь змеи не жалят, – нашёлся Андреас.

Иногда удивляешься глупости людей. Нет-нет, что вы! Люди очень умные. Куда нам, кошкам, до них!

Кто-то считает, что мы не знаем своей истории, родословной. Всё мы знаем, всё понимаем, передаём из поколения в поколение. А людей, если честно сказать, просто терпим – они же змей боятся и прячутся от них за кошачьи спины. Редкие двуногие заслуживают нашей любви, но тех, кого мы любим, мы никогда не предаём. Но есть среди людей очень и очень вредные, которые с нами, кошками, обращаются жестоко. В Лимассоле кто-то частенько разбрасывает по берегу отраву, чтобы извести наше племя. Говорят, что это делается с ведома хозяев отелей. Видите ли, «мяу» отпугивает туристов. Слишком много развелось мяукающих. И что же, убивать за это надо? Может, это люди мяукают, игра у них с женщинами такая? Да если бы не мы, вас, людей, злые змеюки давно изгнали бы с острова. От этого яда, раскиданного на пляже, погибла вся моя семья: братик, сестрёнка и мама. Меня спасла лень. Уснул в кустах и проспал отравленное угощение. На следующий день всю родню, неподвижно лежащую среди камней, человекоподобные типы в масках крюками побросали в страшный труповоз.

– Живодёры! – кричала на них худенькая старушка.

– Не волнуйся, бабушка, новых наплодят, – вон видишь, какой рыжий котяра бродит здесь? И кошечка найдётся для такого красавца.

– У-у, нечисть, – заругалась старуха.

А живодёры, смеясь, уехали на ужасной машине.

– А ты, милый, беги отсюда, – сказала мне добрая бабушка, – найди себе хорошего хозяина и живи при нём.

Вот я и побежал куда глаза глядят. Хотел в Кошачий монастырь отправиться, да кто укажет дорогу к нему? Бежал-бежал да и остановился у большого дома, где было много юных кошечек. Я и подумал: «Где большая семья, там и ещё один рыжий кот прокормится». Да и кошечки меня заинтересовали. Целый гарем можно обрести – там всего два кота, и оба чёрные как смоль. Подрался я с обоими чёрными и быстро поставил их на соответствующее место, за сценой. Куда им до меня! Теперь я здесь главный, и все кошечки мои. Нет, нет, я не жадный!

Хозяйка дома встретила меня неприветливо, но гнать со двора не стала. Мне показалось, что она не любит кошек. Молодая, ладная, с блестящими зелёными глазами. А хозяин квёлый какой-то, но я ему понравился, и принял он меня как родного. Как увидел во дворе, тут же вынес большой кусок мороженой рыбы. Недотёпа! – что, нельзя было разогреть? Может, он оттого и квёлый, что ест рыбу мороженую? Но кошек привлекает, на колени сажает и гладит-поглаживает по шерстке своей тощей ручкой. Я таких нежности не допускаю, и за это он меня прозвал Рыжим Дикарём. Но смотрит на меня не без доброты в глазах.

Так что живу я здесь во дворе постояльцем уже более года; от меня котят наплодилось – не счесть, и все рыжие! Жизнь, как люди говорят, удалась. Но осторожность не повредит: чуть шаг неверный сделаешь, и тут же выдворят на песок, на пляж. Вон наемни хозяйка ругала мужика своего, твердя, что кошачье царство развёл при доме, кричала даже, что кастрировать Рыжего надо. Упрекала за попустительство – кого? Мол, рыжий котяра развёл немереное потомство по всей округе. Это про меня она так! Ей бы такого, как я! Слышал я, как говорила по телефону подруге, что мужик нынче пошёл слабый и ни на что не способный. А меня взахлёб хвалила:

– Знаешь, Аврора, этот рыжий котяра – самец так самец!

Не слышно было, что ей подруга отвечала, только хозяйка её категорически уверила:

– И не проси, Аврора! Не отдам тебе. Такие коты на улице не валяются. Самой такой нужен.

Что она задумала, не знаю. А вдруг в доме поселит, а потом кастрировать захочет, чтобы по кошкам не бегал? С этих баб станется! Как вспомню соседского – толстого, аж жуть берёт. А за что? Разве виноват я, что меня кошечки любят? А кого им любить? Двух престарелых чёрных? Или этого серо-буро-малинового с бантиком на шее? Он слабак! Ничего не может!

Не дамся, если моя хозяйка задумала что против кошачьего роду! Сбегу со двора. По соседству кошек при доме нет, там молодая дама одна живёт. Она заметила меня и

стала подкармливать: то рыбки выложит на подносе, то мясца даст. Да улыбочивая какая! А ещё на флейте играет! И слова складно и ласково говорит. А слово доброе и коту приятно.

Но и здесь не повезло: к молодой хозяйке недавно хмырь престарелый приехал и стал жить в доме. Я слышал, как она сказала подруге: «Папа приехал!» Я понимаю, почему меня коты не любят, но вот мужика нового, отца молодой женщины, никак не пойму. Дорогу я ему не переходил. На газоне не гадил. А он, как завидит меня, хватает швабру и ну за мной гоняться. Прямо бешеный какой-то. Чем я ему не угодил? Не успели познакомиться, как ведро воды на меня вылил! Теперь старому хрычу стараюсь не попадаться на глаза.

Рассказал я вам историю своей котячьей жизни и словно освободился от лишнего груза. Может, кто-то посочувствует мне? Может, кто-то поможет? Люди добрые, не нужен ли кому красивый пушистый рыжий кот? Только дайте знать, и я мигом перебегу к вам. Хочу обрести семью. Буду верой и правдой служить – змей ловить, если какая сунется в дом! Только чур-чур: мне бы в такой двор, где нет злых мужиков и чтобы со шваброй за мной не гонялись.

Мой друг Эзопос

1. МЕТР С КЕПКОЙ

Метр с кепкой – шутливо говорят про людей маленького роста. Михалис, мой кипрский друг, понимает и любит шутку. Вот и я подшутил над ним: прозвал его Эзопосом, в честь древнегреческого поэта-баснописца. Михалис – не поэт, он очень-очень рассудителен, точен в выражениях! Что ни скажет, как гвоздь вобьёт в доску. И обличем он похож на чудака Эзопа, каким тот предстаёт в воображении людей. Ведь за шестьсот лет до новой эры ещё не было фотографии, а портретов Эзопа тоже не сохранилось. Думаю, даже живя при тирании, он оставался непреклонен в своих суждениях. Известно, что Эзоп, будучи рабом, не раз своей мудростью и хитростью выручал хозяина, часто попадавшего в затруднительные положения. Михалис человек доброты безграничной, но и лукавства в нём хоть отбавляй.

– Друг мой Михалис, ты очень похож на Эзопоса, – говорю я ему.

– Ты его видел, Алексис? – отвечает мне Михалис, называя меня по имени на греческий манер.

– Нет. Мне не повезло. Я в то время не жил.

– И хорошо, что не жил, тогда опасно было жить. В рабство могли продать. – Михалис лукаво улыбается и добавляет из вежливости: – Судя по твоему росту, ты был бы господином, а я – рабом. – Он намекает, что раб из меня никудышный, так как работать руками я не умею. Карандаш могу держать, на компьютере наловчился двумя пальцами щёлкать свои опусы. А что-то путное сделать, починить кофеварку, например, тут же зову на помощь Михалиса. Он на все руки мастер.

– Михалис, ты всё умеешь делать. Откуда это в тебе?

– Просто делаю, и всё. У меня нет денег, чтобы платить за работу кому-то. Вот и делаю сам.

Погрузить трубу в тонну весом на свой грузовичок? Нет проблем. Михалис это сделал без посторонней помощи.

– Невероятно. Михалис, как тебе это удалось?

Он подробно мне рассказывает, как строил из кирпичей и двух брёвен сооружение, шаг за шагом всё выше накатывал трубу, и в конце концов она оказалась в кузове.

Чем только не занимался Михалис в своей жизни! Не единожды он попадал в разные передрыги, но всегда умудрялся найти выход. Природная смекалка и опыт помогали. И жизнелюбие. Всегда улыбается, обо всех говорит хорошо или ничего. Соседу, другу детства, помочь за садом ухаживать? Михалис тут как тут. А как же! Сосед стал инвалидом, кто ему поможет?

– В молодости Адонис очень много работал, очень много. В два раза больше, чем я. А сейчас бедный Адонис в инвалидной коляске. Да и сад надо опрыскивать, от вредителей спасать.

– А его дети?

– Заняты. Работают.

– А тебе, Михалис, друзья помогают?

– Конечно, помогают. У нас принято помогать соседу, родственнику, другу.

Я сомневаюсь:

– Приведи, Михалис, хоть один пример, когда тебе помогли.

– Много было случаев. Три года назад я взял кредит в банке и вложил деньги в выращивание виноградных улиток. Хотели с приятелем во Францию продавать.

Я насторожился, мне стало интересно, потому что видел на его ферме поросший бурьяном участок.

– Приятель тебе помог?

– Нет, приятель снял деньги в банке и исчез, его полиция до сих пор разыскивает.

– А бизнес?

– Обанкротились. Я банку остался должен.

– И кто тебе помог?
– Банк. Вернее, знакомый менеджер банка. Он продлил кредит на двадцать пять лет. Теперь я плачу банку ежемесячно четыреста евро.

– Ну, Михалис! Ты должен двадцать пять лет выплачивать долги банку. У тебя пенсия всего четыреста евро, а на что ты жить будешь? Ничего себе помощь! До ста лет в кабале у банка!

– Могло быть хуже. Банк мог забрать мой дом в погашение долга, но они этого не сделали. Я не успею погасить долг, мой сын Стелайос будет платить.

– Как же так?! Тебя обманул твой приятель! Я не думал, что киприоты могут так поступать друг с другом.

– Он был англичанином. Но это неважно. У нас на Кипре тоже есть плохие люди.

Мы идём с ним вдоль моря по тропинке, и почти каждый встречный здоровается с Михалисом. Мне понятно, почему у него так много друзей и почему люди его уважают.

Каждое утро, летом и зимой, Михалис идёт к морю и плавает. Зимой вода по моим меркам очень холодная – семнадцать градусов. Но он и меня пристрастил к утренним водным процедурам.

– Нет, Михалис, я в воду не полезу. Бр-р-р! Холодно!

– А ты попробуй. Вначале будет холодно, а потом, когда выйдешь из воды, жарко станет.

Я попробовал, и мне понравилось. Гулять по туристической дорожке и купаться с утра стало приятной необходимостью. Вот во время этих прогулок я и наслушался интересных историй.

2. НЕОБЫЧНЫЙ РАКУРС

Мы идём к морю мимо школы. Дети с ранцами спешат на занятия. На дороге лежит стекло от разбитой бутылки. Михалис аккуратно собирает осколки и относит в урну.

– Очень опасно. Дети бегают, кто-то может пораниться. Вот в этой школе мои дети учились: Стелайос и Агата.

– Ты ходил на родительские собрания?

– Да. Потом меня позвали в родительский комитет.

Я молчу. Жду продолжения рассказа. Догадываюсь, что дирекция поторопилась, пригласив его. И Михалис молчит.

– И что, Михалис? Ты согласился? – не выдерживаю я.

– Стать членом комитета? Я предупредил их, что это плохая идея, что им это потом не понравится. Но они уговорили меня.

Оказывается, в школах Кипра те же порядки, что и в наших, российских, но проблемы разрешаются легко, если в родительском комитете появляется свой Михалис.

– Видишь школьную спортивную площадку и рядом школьный двор? – говорит Михалис.

– И что? – удивляюсь я, ведь каждое утро вижу, как дети играют в футбол, гуляют по двору. Хорошая спортивная площадка. Что тут скажешь!

– Раньше учителя ставили во дворе свои машины. Удобно. Вышел из машины – и почти сразу в свой класс попадаешь.

Михалис рассказывает, как он предложил запретить въезжать на территорию школы на машинах.

– Так сюда никто и не въезжает, кроме преподавателей, – ответил директор.

– Я предлагаю и им этого не делать, – продолжал настаивать Михалис.

– Почему? Они детей учат. Они здесь работают.

– Да. Но когда школьник пострадает от машины учителя, что вы скажете его родителям?

– Где же мы будем ставить машины?

– Давайте обратимся в муниципалитет и потребуем, чтобы школе выделили места на близлежащей парковке, с оплатой за счёт муниципалитета.

– Неужели выделили? – спрашиваю я Михалиса.

– Да, выделили, и все остались очень довольны.

– Бесплатно? За счёт муниципалитета?

– Нет, за счёт школы, но со скидкой от тарифа в пятьдесят процентов, что тоже неплохо.

Я думаю: как бы это дело сладилось в Москве? Скорее всего – никак. Наверное, даже всеильному московскому мэру трудно было бы решить эту проблему. Но в Москве

хорошо развита система общественного транспорта, а на Кипре без машины никуда: автобусы очень редко ходят. Здесь почти каждая семья живёт в собственном доме и имеет автомобиль, а бывает, и не один. Что сказать – местная традиция. Поэтому здесь считаются с правами водителей.

Это ещё что! Был случай, когда Михалис отказался от подарков. В честь окончания учебного года устроили банкет. Школьники пели, танцевали. Члены родительского комитета пили соки, закусывали. Михалис не притронулся ни к напиткам, ни к еде. По окончании вечера всем членам родительского комитета вручили по ящичку с продуктами. Михалису поднесла подарок жена директора школы.

– Что это? – спросил он.

– Продукты и напитки. Подарок.

– Я это не могу взять.

– Почему, Михалис? Мы каждый год так поступаем. Это традиция. Мы хорошо потрудились и заслуживаем благодарности.

– Я предлагаю похвалить детей за хорошую учёбу и устроить им утренник с напитками и закусками.

Деваться некуда. Так и сделали. Зато потом и учителя, и члены родительского комитета с немного виноватым видом подходили к Михалису и молча жали ему руку. Ох, как нам порой не хватает таких уроков! Нет рядом Михалиса, способного взглянуть на обычные поступки людей под необычным ракурсом.

3. ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПРАВ, НО НЕ ВСЕГДА

В городе Пафосе по боковой улочке едет машина. Водитель не видит закрытого грузовиком знака, запрещающего движение. В конце улицы стоит полицейский – наблюдает за водителем, нарушающим правила. Неподдалёку Михалис ожидает свою жену из магазина. Он всё видит и всё понимает. Ему до всего есть дело. Полицейский подаёт водителю знак остановиться и подходит к нему. И Михалис тоже подходит.

– Вы нарушили правила движения, – говорит полицейский, – я должен выписать вам штраф.

Водитель пытается объяснить, что он не знал, что на этой улице одностороннее движение, что...

– В начале улицы висит знак, запрещающий движение в этом направлении! – недовольным тоном перебивает его полицейский.

– Я не видел знака. Простите меня, – давит на жалость водитель.

– Это ваша проблема. Надо видеть. Будете платить штраф за невнимательность.

Молчавший до сих пор Михалис обращается к полицейскому:

– Послушайте, водитель не виноват. Я тому свидетель.

– Он виноват. И это не ваше дело! – уже раздражённо говорит полицейский.

– Не соглашайтесь платить штраф, – обращается Михалис к водителю, – идите в суд, и вы докажете свою правоту. Вот мой номер телефона, я буду свидетельствовать в вашу пользу. Здесь неправ полицейский.

– Вы оскорбляете в моём лице всю полицию. Вы поощряете нарушение закона. Вы мешаете мне исполнять закон! Предъявите ваши документы! – восклицает полицейский.

Михалис показывает свои водительские права и говорит примирительным тоном:

– Послушайте. Вы наблюдали за нарушающим правила движения водителем и ждали, когда он подъедет к вам, чтобы его оштрафовать. Но вы могли остановить его заранее, показав руками знак, что движение запрещено в этом направлении. Я просто хочу, чтобы полиция корректно исполняла свои обязанности.

Полицейский выслушал монолог Михалиса и... согласился с его мнением. Можем ли мы представить такое развитие ситуации на дорогах в Москве?

По дороге из Ларнаки в Лимассол водители моргают фарами, предупреждая о полицейских, контролирующих скорость движения. Встречные машины снижают скорость до разрешённой. То же самое делает Михалис. Но ему не везёт. Во встречной машине оказался полицейский, который разворачивается, догоняет и останавливает машину

Михалиса. И мой друг Эзопос выходит из машины, заранее предвкушая, каков будет разговор.

– Что вам угодно? – вежливо спрашивает Михалис.

– Вы моргали фарами, чтобы предупредить встречных водителей о полицейском контроле скорости движения. Вы мешаете полиции исполнять закон.

– Какой закон я нарушил?

– Мы штрафуем водителей за превышение скорости. А вы помогаете нарушителям уходить от ответственности. Я вас накажу за превышение скорости.

– Но я её не превышал.

– Вы поощряете других водителей превышать скорость и помогаете им уходить от наказания.

– Послушайте! Правительство тратит миллионы евро, чтобы содержать дорожную полицию. Что вы делаете? Ловите нарушителей правил. Я моргаю фарами, предупреждаю водителей о недопустимости превышения скорости, и они её снижают. Я хотел бы видеть того судью, который скажет, что мои действия неэффективны. Заметьте, я делаю это бесплатно, в отличие от полиции.

– Поезжайте. У меня нет к вам претензий, – улыбнулся полицейский, оценив находчивость Михалиса.

Я предлагаю Михалису приехать в Москву и повоспитывать наших дорожных полицейских. Уловив подвох, Михалис говорит:

– Ну, тогда, Алексис, мне нужно привезти с собой кипрских полицейских.

«Браво, Михалис! Ты прав», – восклицаю я в уме. Как я могу объяснить Михалису жизнь в Москве?! Это моя жизнь, и я люблю её со всеми плюсами и не люблю с минусами. Но мне очень нравятся порядки на Кипре, когда полицейский выпишет водителю штраф, но никогда не возьмёт от него деньги, а за предложение взятки наденет на водителя наручники. Невозможно предположить, что Михалис предлагает деньги стражу дорожного порядка, чтобы разойтись на договорных началах. Михалис и «договоримся» – тема басни для Эзопа, но не зря Михалис, похоже, и сам из Эзопова рода!

А иначе зачем эта жизнь?..

(Картошка от бабушки Марты)

Противно-скрипучий голос с металлическим оттенком прозвучал за окном. И опять тишина. Соседи на работе, некому здесь шуметь. Разве где-то собака лениво залает и замолкнет. Редко-редко случайная машина пройдёт. Тишина, словно в далёком украинском селе Дубовэ, где Мареев родился и в школу ходил. Вот вечером – другое дело, звуков больше – люди возвращаются с работы. Кто-то хлопнет дверью машины, ребёнок зайдётся в плаче, женщина засмеётся, калитка стукнет. Напротив, во дворе дома – мать и сын, бывает, ссорятся. Матери лет под пятьдесят, сыну около тридцати; их разговоры – с криком и шумом. Как-то Мареев спросил Михалиса, почему такой шум в соседском дворе.

– Ругаются, – нехотя ответил Михалис.

– А почему ругаются? Киприоты любят ругаться? – продолжал допытываться Мареев.

– Эти любят. Но таких, как они, мало.

Михалису позвонили. Он с предельным вниманием кого-то слушал, кивая головой в знак согласия, даже при-встал со стула.

– Элени звонила? – спросил Мареев.

– Да. Элени. Напомнила мне, чтобы не забыл купить капусту в супермаркете. Агата приезжает. Элени готовит ужин. Агата теперь не ест мяса. Ест только овощи и бобы.

– А рыбу?

– Рыбу любит. А мясо перестала, после того как делала репортаж с мясокомбината. Говорит, что животные чувствуют смерть, кричат и даже плачут. Все, кроме овец и птиц.

Агата – любимая дочь Михалиса, известная телеведущая и радиокomentатор. Есть ещё сын Стелайос. Он под

боком, живёт в Лимассоле; у него своя семья, но каждый день на обед приходит к родителям. Агата только по выходным приезжает. Она пока не замужем. Дочь для Михаила – объект родительской любви, заботы и беспокойства. Девушка ведь!

Опять раздался металлический голос за окном и отвлек Мареева от мыслей о своих знакомцах-киприотах. Он вышел на веранду. Мимо проезжал грузовичок с динамиком. «Наверное, овощами торгует», – подумал Мареев и поднял руку. Грузовичок остановился.

Водитель, приветливо улыбаясь, вышел из машины и поздоровался за руку.

– Что продаёте? – спросил Мареев.

– Картофель, – ответил тот, указывая на упакованные мешки и кульки.

– Почём?

– Семь евро за десять килограммов.

– Много, – с сожалением сказал Мареев.

– Не много. В магазине один килограмм стоит один евро. А моя картошка лучше.

– Я говорю, что мешок большой.

– Посмотри на эти картофелины! – продолжил нахваливать свой товар продавец. – Бери весь мешок, не пожалеешь. Картофель что надо.

Мареев с интересом рассматривал крупные клубни по двести-триста граммов каждый. Чистые, со светлой кожурой. А то, что кипрская картошка вкусная, он знал не понаслышке. Не раз в тавернах и ресторанах брал её, запечённую или жаренную крупной соломкой в кипящем масле. Киприоты говорят, что их картошка поставляется к столу английской королевы! Вот так-то! Не больше и не меньше! Сама английская королева заказывает!

Когда грузовичок, полегчавший на один мешок, уехал, Мареев достал из морозилки кусок белорусского сала, привезённого из Москвы, и порезал на тоненькие ломтики. Помыл картошку, разрезал каждый клубень пополам и уложил их на противне. Сверху прикрыл салом, потом дольки помидора, в конце притрусил луком и – в духовку! Ока-

зывается, на Кипре тоже можно настоящее блюдо из украинского детства состряпать. Так бабушка Марта когда-то готовила. Обьедење! Правда, картошечка кипрская, сало белорусское, лук и помидоры опять же кипрские, но рецепт блюда – украинский, от бабушки.

«Картошка от бабушки Марты» – назвал Мареев блюдо и стал ожидать, когда оно притомится и дойдёт в духовке. Хотел привезти на Кипр украинского сала, но обойдётся и белорусским. Сейчас белорусы по всей Москве открыли продовольственные лавки: мясные продукты, молоко, сметана, творог. Чего только нет там! Глаза разбегаются. Если всерьёз, ничем белорусское сало не отличается от украинского! В России оно не то, не совсем настоящее, жестковатое. Умеют делать этот национальный продукт братья-славяне. А вот поляки не умеют, а лучше сказать – не хотят уметь. Купишь толстенный кусок сала на рынке, обязательно окажется польским; дряблое и мыльное какое-то. А всё потому, что химию добавляют в корм свиньям: вот и разбухают хрюшки, как тесто на дрожжах. Невкусно и опасно для здоровья, а сало из Польши прёт и прёт через таможню.

Картошка поспевала, когда явился вездесущий Михалис. В свои шестьдесят девять он даст фору любому молодцу. Всё успевает, всем нужен Михалис. Кому помочь по хозяйству, кому совет дельный дать, а кто-то ждёт Михалиса, чтобы вместе поехать на святую гору Афон. И Мареев, морская душа, ждал Михалиса – хотелось с ним под интернациональную закуску выпить украинской горилки. И посидеть, поговорить. Сколько времени не видел Мареев своего соседа-друга, страшно подумать, целых четыре месяца! Ровно столько он пробыл в Москве, сбежав от островной жары и африканской пыли. Вчера вечером Михалис, почувствовав, что Мареев вернулся, уже забегал на несколько минут, поздороваться.

После взаимных приветствий Мареев предложил Михалису отведать картошку от бабушки Марты.

– Михалис, поверь мне, это вкусно. И украинская горилка у меня в холодильнике припасена. Настоящая водочка, хоть и горилкой называется. У нас, у славян, картошка –

национальная еда, а водка – национальный напиток. У вас в почёте виноградная зевания, а у нас водка.

– Капитан, извини, я на пять минут к тебе. В другой раз посидим-поговорим. Сейчас мне нужно ехать и навестить моего друга Ахмета.

– Ахмет турок?

– Да. В детстве и в юности дружили, а после войны не виделись ни разу.

– Что-то случилось? Михалис, ты ведь на турецкую сторону Кипра не едешь.

– Больше сорока лет нога моя не ступала на землю, где турецкая зона. Дал зарок себе: пока не объединимся, не поеду туда. А теперь нужно. Ахмет позвонил, болеет сильно. Боится, что умрёт и не свидимся.

Михалис уехал. Мареев не притронулся к картошке от бабушки Марты. Мысли разные в голову лезли и лезли. Кипр – небольшой остров, да разделён на две части: турецкую и кипрскую. Нет ничего страшнее, когда раздрай случается. А ведь греки и турки всегда жили вместе – дом к дому, окно в окно. Многие помнят кровопролитие 1974 года. Что делили Турция и Греция? То же, что и много лет назад, – власть над островом. В итоге турки-киприоты стали жить на севере острова, а греки-киприоты – на юге. Со временем стихла боль обид и страданий, но не исчезла совсем. Поэтому так медленен процесс примирения. Разойтись всегда проще, чем потом сблизиться. Разорвали полотно, сотканное из нитей человеческих связей, и всё! Попробуй опять соединить все эти ниточки, да так, чтобы не было узелков-шрамов. Постепенно налаживаются связи между киприотами-турками и киприотами-греками. Граница стала открытой. И правда, что им делить? Было два народа – одно государство. А сейчас два государства на одном острове. Во время военного конфликта Михалис был на передовой, и Ахмет, видимо, был там же. И вот на старости лет больной Ахмет зовёт друга детства, чтобы увидеться и попрощаться.

А что он, Мареев? Два года не был на Украине. Зовут друзья, зовут родственники, земляки из села Дубовэ зовут. Но не все. Вот поэт Яровой из Острога – не зовёт. Звонит

Мареев, а тот трубку не берёт. А когда удаётся дозвониться, то говорит нехотя, чувствуется напряжение в голосе. Ответы как шлепки и пинки. А раньше, помнится, часами по телефону стихи друг другу читали. Ярового можно понять: сына призвали на военную службу, вертолётчиком в зоне АТО на юго-востоке Украины служит. Конечно, тревожится, конечно, опасается. Ему сейчас не до поэзии. А Мареев в чём виноват? В том, что живёт в России? В том, что болеет сердцем и за Украину, и за Россию? В том, что не ругает ни тех, ни других? Никого Мареев не ругает, а только сожалеет. Сожалеет, что на Украине раздор. Сожалеет, что бедность пришла к его и раньше не богатым друзьям. Сами пишут, сами говорят, ждут помощи. И он, Мареев, чем может, помогает. А вот о политике не говорит с ними. Дал себе зарок. Потому что не знает, что сказать. Вот недавно земляк, живущий в Москве, рассказал две печальные истории. Его знакомая из Подмосковья позвонила сестре в Днепропетровск. Не успели поздороваться, как сестра тут же выдала: «Пока Крым не отдадите назад, не звони. Не сестра ты мне». И трубку бросила. А другая землячка, живущая в Донецке, убежала от войны к родной матери в Дубовэ, убежала вместе с мужем и детьми. Так нашёлся дурень, который заявил её матери: «Мы тебя на сходе будем разбирать, почему донецких привечаешь?» И что, по нему судить обо всех украинцах? Конечно, сельчане поставили его на место. Только женщина обиделась и уехала в Москву, где и устроилась на работу. «Сложно, ой, сложно восстановить порушенное!» – горестно восклицал Мареев, когда размышлял о событиях на Украине. Настроение у него улучшилось, когда в Фейсбуке обнаружил фотографии из прежней жизни. Их выложила поэтесса, переводчица и известная почитательница чешского ликёра «Бехеровка» Лариса Громушкина. Весёлые и беззаботные лица украинских поэтов, певцов, композиторов, и улыбающийся Мареев среди них. «Здорово было! Дом учителя в Киеве, Кременец, Почаев... Такое не забывается», – думал Мареев, преисполненный благодарности к Громушкиной за то, что не отказалась от былого, с течением времени обретающего

черты былинности. А тут ещё композитор из Киева Ксения Хмельницкая прислала электронной почтой весёлую детскую песню «Солнечные зайчики», и грусть словно ветром сдуло.

Море всех привечает и принимает, независимо от настроения человека. Плохо – иди к морю, постоишь перед водной гладью, полюбишься летящими над водой парусами, и всё. На целый день будешь сам собою. Но море, бывает, и штормит. И тогда его энергия увлекает человека – хочется творить, совершать духоподъёмные поступки. Музыка моря, сливаясь с мыслями, способна поднять человека до самых небес. Мареев стоит на пирсе, подставляет лицо брызгам разбивающихся о бетонную стенку волн и радуется. Середина октября, тепло. Ему нравится шторм, когда ветер сбивает с ног на палубе, когда корабль носом зарывается в волну, чтобы потом, выныривая, вскарабкаться на следующий гребень. Ощущается сила корабля, способного противостоять стихии. Вспомнились слова из песни – скорее это ода настоящему морю и человеку, неразлучному с ним:

*О море! Меня ты всегда привлекаешь
Всесильной любовью, безудержной страстью.
Меня ты тревожишь, меня покоряешь,
С тобою моё безграничное счастье.*

*О море! Будь вечно таинственной песней,
Моим откровеньем в тоске и печали.
Взлетаю, как птица, с тобой в поднебесье,
Стою пред тобою один на причале...*

Высоко в небе перистые облака, предвестники штормовой погоды. Чайки планировали над морем, вторя ветру такими знакомыми Марееву криками. Будет настоящий шторм. Будут грозовые тучи. Но на Кипре непогода долго не держится. Всё пройдёт. Небо очистится, и мир станет прежним. «Тонким, ласковым и нежным», – добавил Мареев вслух строчку из песни, кажется, Ларисы Громушкиной.

Вечером к нему опять пришёл Михалис, но уже вместе со смущённым Ахметом. Этот Ахмет схитрил и, чтобы выманить к себе Михалиса, придумал байку о недомогании. Теперь они пили украинскую горилку, закусывали белорусским салом, в хлебнице лежал пахнущий тмином бородинский хлеб из местного магазина «Маленькая Русь». Гости оценили главное блюдо – картошку от бабушки Марты, а Ахмет даже тщательно записал рецепт в замусоленную записную книжку.

Можно ли было предположить ещё несколько лет назад, что Михалис поедет к своему другу на турецкую часть острова, а потом вернётся с ним в Лимассол весёлым и счастливым? Что однажды вечером в Лимассоле будут сидеть за одним столом такие разные и такие похожие люди: грек-киприот, турок-киприот и украинец из России – морской капитан Мареев? Всё меняется в этом мире, вожди приходят и уходят, а люди живут на этих берегах, как и тысячи лет назад.

Ночью была гроза. Ветер сломал верхушку большой туи, стоящей рядом с домом. Но дерево справится с этой травмой. Нижние ветки потянутся к небу, и оно будет жить дальше, хотя прежнего ровного ствола уже не будет. Так и человек всё выдержит, всё переборет, что бы с ним ни случилось.

Перебирая в памяти события последних лет, Мареев сидел на веранде, думал о том, что он родился и вырос в маленьком селе на Украине, а после окончания мореходного училища стал жить и работать в России. Любит Россию, где у него друзья и семья. Любит Украину, где у него тоже друзья и родственники. А сейчас раздор между двумя странами. Таких, как он, миллионы. И что ему делать со своей любовью? Разделить её невозможно. И как ему дальше жить без своей малой родины – села Дубовэ, где могилы родителей, где стоит пустой отчий дом? Жизнь на излёте, и кто вправе отнять у него эту любовь? Нет, ничего не выбросишь из памяти, ничего не забудешь, ни от чего не откажешься. А иначе зачем эта жизнь?

Распогодилось. Мареев ехал на такси в аэропорт, радуясь чистому небу и спокойному морю. И тому, что, по его

расчётам, уже к вечеру он будет в украинском селе Дубовэ. Прилетит в Борисполь, возьмёт частника и через шесть часов снова окажется в своём далёком детстве, которое на все времена.

В аэропорту Борисполь Мареева встречали Лариса Громушкина с бутылкой «Бехеровки» и Ксения Хмельницкая с букетом белых хризантем. Как они узнали о его прилёте? Кто знает! Но прямо из аэропорта троица уехала в село Дубовэ, где Мареева ждал брат Вася и его многочисленное семейство.

Дурманящие запахи острова

1. Пляж нудистов

На пляж, на пляж, на пляж... Начало ноября, а погода – словно в одесском сентябре. Под утро, ещё в зыбком сне лицо Обабко расплылось во всю свою бледную ширь: Сашко не верилось, что он на Кипре.

Сон улетучивался, но лежать на широкой кровати и вспоминать вчерашний день Сашку понравилось: утром в Киеве, а вечером купаешься с Севой Мареевым в тёплом море... Песчаный пляж «Дасуди», что в Лимассоле, эвкалиптовая роща, закатное небо... Это сладкий сон или именины души?! На виду у берега отдыхают после промысла рыбацкие лодки... А ещё дальше в море – маленькие яхточки под разноцветными парусами. А вода? Парное молоко, слегка остывшее, но до чего же приятная душе и телу такая вода. Сашко чувствовал себя на одной волне с Мареевым, который поплавал немножко и куда-то унырнул к берегу, на песок. Что ж, рядом стайкой плескались женщины, непринуждённо беседуя, словно на танцплощадке или на восточном базаре. А куда им торопиться? Наслаждаются жизнью под лучами неспешно катящегося по небосводу солнца. Красноликое светило трудилось целый день, двигаясь от морской линии горизонта к зениту, потом – к западу, чтобы исчезнуть за вершинами далёких гор.

Приятные воспоминания прервал стук в дверь и голос Мареева:

– Просыпайтесь, сэр, вас ждут приключения! Завтрак на столе!

– Заходи, Сева! Я уже не сплю, – ловко вскакивая в штаны, крикнул Сашко.

Дверь приоткрылась, и Мареев объявил:

– Жду на кухне через пятнадцать минут.

За завтраком Мареев, лукаво улыбаясь, спросил:

– А не махнуть ли нам, друг мой, на пляж в Писсури? Это в сторону Пафоса, километров тридцать от Лимассола. Деревушка на вершине холма, на берегу моря. Вода чистая как изумруд! И пляж обширный – песок и галька.

– Писсури? Забавное название. А что там ещё можно увидеть, кроме пляжа?

– Для плотских удовольствий там есть великолепные рыбные таверны, для души – храм Святого апостола Андрея. Есть и другие примечательности, на месте разберёмся. Там недалеко бухта Афродиты. Ты ведь хотел увидеть её?

По старой привычке журналиста Сашко ко всем фактам подходил основательно и прежде, чем отправиться куда-то в путешествие, всегда долго готовился. Собирает, бывало, в интернете, в библиотеках информацию, расспрашивает знакомых, готовит планы, маршруты, намечает места, обязательные к просмотру. И к путешествию на Кипр он давно подбирался: ещё с тех времён, когда вместе с Мареевым и киевскими друзьями ездили на Хмельниччину, в село Дубовэ. Во время банкета, после творческого вечера, когда они сидели за столиком и подписывали сельчанам свои книги, Сашко не выдержал и спросил друга:

– Сева, ты ведь часто на Кипре бываешь. От тебя далеко то место, где Афродита, по легенде, вышла из моря? Ты бывал в этой бухточке?

– Бывал, бывал...

– А Афродиту нэ зустричав? – улыбнулся Обабко.

– Зустричав и нэ одну.

– Навить так?!

– Так! Там молодые туристки любят окунаться в море, особенно скандинавки! И украинские наши афродиты встречались. А давай, Сашко, приезжай на Кипр! Ко мне в гости!

– Спасибо, Сева! Не знаю, не знаю... Мне с Надюшей надо посоветоваться. Ведь на даче в Прилуках дел невпро-

ворот! Да и книга рассказов почти на выходе. Хотя, может быть, по осени?

Мареев, дурачась, стал напевать слова из когда-то расхожей песенки: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила...» Но обнаружив, что сельские учительницы смотрят на него, тут же перешёл на серьёзный тон:

– Приезжай в октябре-ноябре, море ещё тёплое, да и афродит этих там пруд пруди...

– Да ну тебя, Сева! Не понять, где шутишь, а где всерьёз говоришь.

– А я серьёзно приглашаю тебя на Кипр!

– Я-то желаю... Но...

– Не робей, Сашко! Хорошее желание. Одобряю!

И Мареев опять стал тихонько приговаривать: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила...» Что Сева одобрял – Обабко так тогда и не понял: то ли его желание приехать на Кипр, то ли своё желание целовать песок, по которому Афродита ходила, или всё вместе взятое в одном флаконе. Сейчас не так это и важно – он, Обабко, уже на острове.

– Мечты вчерашние, а чувства новые, – замурлыкал, словно кот весенний, Сашко, но тут же спохватился и перешёл на деловой тон: – Сева, мне всё интересно на Кипре! Древняя цивилизация. Мифы и реальные истории. Даже не знаю, что для меня важнее. А как мы доберёмся до Писсури?

– Марго отвезёт. Её хлебом не корми, но дай куда-нибудь на машине поехать. Ездит почти как Шумахер! И в море с нами поплещется.

– Отлично, Сева! Наконец-то с твоей дочерью познакомлюсь.

Марго – высокая, длинноногая флейтистка. И детей учит музыке. Привыкла вразумлять учеников, и эту свою привычку на взрослых переносит. «Ну-ну... – подумал Мареев, – возьмёт тебя Марго в оборот! У неё ведь рот закрывается, только когда спит, да и то по выходным». Однако, несмотря на то что Мареев не доверялся чудесам, Обабко и Марго отлично ладили друг с другом, готовясь к поездке, а потом и в дороге.

Когда свернули с трассы, Обабко без устали умилялся виноградникам и оливковым садам. Виноград уже убрали, но стройные ряды низкорослой лозы поражали воображение. А вот к сбору оливок только подступали, можно было наблюдать, как люди расстилают под деревьями брезент и специальными скребками сбивают плоды наземь.

И вот они втроём в Писсури! На заветном пляже! Загорали, купались, болтали ни о чём. Обабко поражался чистоте и прозрачности воды. И надо же: деревенька всего ничего, а какой здесь роскошный отель «Колумбия»! И до чего же живописна сама бухта Писсури! Кажется, всю жизнь можно прожить на её берегу. Марго уплыла к рифам, Мареев уткнулся в книгу. Озабоченный Обабко не спеша побрёл вдоль кромки воды в расчёте дойти до бухты Афродиты, где, как он помнил по легенде, богиня вышла из пены морской. «Каких чудес на свете не бывает? – думал поэт Обабко. – Вдруг дойду до этой самой бухточки, а там – сама Афродита?» Неожиданно для себя он стал напевать украинскую песенку:

– Ой ты, Галя, Галя молодая...

У поэта всегда романтика в сёстрах числится, а на самом деле является любовницей. Галя – на Украине, а здесь юная, вышедшая из пены Афродита.

Немноголюдный пляж Писсури остался позади, вдали виднелись деревья. Подойдя поближе, Сашко увидел свободно разгуливающих по пляжу голых мужчин и женщин. Нудисты! Вот это да! Говорил же Мареев. Несказанно повезло. Где он такое ещё увидит? Стал приближаться осторожно, с недоверием. Не поколотили бы. А вдруг примут за маньяка? Немного углубился на территорию пляжа и решительно снял плавки. Оглянулся вокруг, куда бы их пристроить. Некуда! Песок да галька вокруг. Вытащил из плавков красную тесёмку, которую обычно завязывал бантиком. Вырыл в песке ямку, спрятал в неё плавки и присыпал галькой с горкой. Постоял, полюбовался своей работой, а потом аккуратно перевязал левое бедро красной тесёмкой, соорудив по привычке бант. Ему казалось, что бант хоть как-то заменяет плавки. Пусть это иллюзия, но всё же не совсем голый...

Обабко шёл по пляжу nudистов, стараясь сохранить чувство собственного достоинства, голый, но с красной ленточкой на бедре и маленьким изящным бантиком. Купальщицы и купальщики – ноль внимания на него. Прошёл мимо кучки мужчин и женщин, стоящих у кромки моря. «Мы голыми приходим в этот мир», – Обабко вспомнил древнюю мудрость и улыбнулся своим мыслям. Дама средних лет, грудастая, с большими синими глазами, посмотрела на него и прыснула, что-то сказав подруге. Засмеялись все и двинулись за ним вслед. Он кожей чувствовал прожигающие взгляды. Не выдержал и прибавил шагу. Сделав небольшой полукруг, направился в сторону захороненных плавков. Чувствовал, что за ним идут. Ловил удивлённые взгляды встречных голых людей. Почти подбежал к горке насыпанной гальки, разбросал её ногой и стал рыть песок. Но в песке плавков не было, шаг в сторону – результат тот же. Несколько куч песка высились рядом. И что делать дальше? Обабко представил, как он возвращается на свой пляж, прикрывая, подобно Аполлону, мужское достоинство листком дуба... Нет, такой ужас невозможно представить! Поднял голову и увидел толпу голых мужчин и женщин, смотрящих на него молча и с интересом. Один лысый, рязанской внешности, спросил по-русски, в упор глядя на Обабко:

– Золото ищешь? Так лопату надо было с собой захватить!

– Плавки ищу. Закопал.

– Ну-ну... Ищи, – и лысый что-то сказал по-английски.

Послышался смех, и толпа начала расходиться. Обабко сел на песок, обхватил голову руками и стал мучительно соображать, что делать дальше.

– Мужчина, посмотрите сюда! – окликнула его разбитная блондинка. – Я ковырнула ногой холмик из гальки, а под ним синяя тряпка. Не ваши ли плавки? Мы в Одессе такие шуточки на пляже проделывали, игра такая была у нас.

– Ой, спасибо, дамочка. Мои, мои... – Обабко резво вскочил на ноги и кинулся целовать блондинке ручку (он всегда целует дамам ручки), даже вытянув губы дудочкой.

– Мужчина, не смешите мои тапочки! Вы и так весь пляж своим бантиком развеселили. Помните анекдот: «Чёрт-те что и сбоку бантик!» Я бы не сказала, что чёрт-те что, но бантик очень смешно выглядит. Прощевайте.

Одесситка удалилась, а Обабко поспешил к Марееву и Марго. О злключении им рассказывать не стал. Но выглядел каким-то смущённым, словно не в себе. В таверне вино не пил. После обеда отказался идти осматривать деревню Писсури и её окрестности.

– Как же так, Сашко? Ты ведь хотел храм Святого Андрея посмотреть? – удивился Мареев.

– Очень хочу. Но только не сегодня. День – не мой!

«День – не мой! Немой день...» – стучала дребедень в висках. Хотя у кого такого дня не бывает, особенно при посещении Писсури?! Не зря же деревня прозвана так, вероятно, с древних времён. «Возможно, в названии скрыта кара Всевышнего для не в меру любопытных», – подумал Сашко, но не стал делиться этой мыслью с Мареевым.

2. МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Три дня на Кипре... Счастье несказанное! С утра на пляж с Мареевым! Перед тем как войти в воду – традиционная прогулка в плавках вдоль моря. Обабко засмутился своим мыслям. Ему-то хорошо здесь, а жена Надежда занимается дачей в Бахмаче. По телефону сказала, что у них небо хмурое, слякоть, холод уже стал донимать, особенно по ночам. Пора, пора законсервировать дачу на зиму. Надежду жалко, самому совестно. Приглашал вместе поехать на Кипр, отказалась. Эх, а так бы ходили с ней по пляжу и в море нежились бы. Не любит самолёты, а любит сидеть на даче и банки с огурцами закручивать...

Тут мысли Обабко резко переключились на предстоящую пешую экскурсию по Лимассолу. С утра сбор группы в старом порту, а потом будут бродить с гидом по кварталу, где находится средневековый замок. В нём во время Крестового похода на Иерусалим венчался сам король Ричард

Львиное Сердце! Экскурсия по-английски, но ничего – Марго переведёт.

Всё получилось так, как и мечталось! Обабко с Мареевым и Марго полдня провели в старинном центре Лимассола. Узкие и кривые улочки, мощённые камнем, антикварные лавки, храмы, скверы, словно из Парижа времён Османа. Интересный экскурсовод – женщина лет под пятьдесят, но стройная и приятная в общении. Мареев не только вникал в её рассказы, но и торчал рядом всё время, так и поедая её глазами. А наслушавшись её ласкающего голоса, готов был даже сыграть на лютне, лежащей на столе в мастерской музыкальных инструментов. Старинная лютня, давно вышедшая из моды, но с недавних пор кипрские музыканты опять стали играть на ней. Всё в этой жизни, говорят, будто бы возвращается на круги своя...

Пили кофе, фотографировались, в общем, трудовой день киевского поэта на Кипре удался.

После обеда и непременно сиесты Обабко, не дожидаясь ужина, отправился к морю.

– Сашко, ты долго не задерживайся. Ужинать будем в рыбной таверне.

– На закат посмотрю, сфотографирую – и назад.

И вот он сидит на скамейке в эвкалиптовой роще и любит тихим закатным морем. Приблудный кот примостился рядом, словно старый знакомец. Рыжий, с большими глазами зверь. Упитанный. И на шее – тонкий кожаный ремешок синего цвета.

– Тебя как зовут, зверюга? – спросил Обабко.

– Mr-p... – в ответ.

Ленивый кот поднялся и стал тереться о ноги новопечённого друга. Потом не спеша, задрав пушистый хвост к небу, проследовал к кромке воды. По повадкам кота было видно, что это его территория. Он на пляже хозяин, а Обабко – пришелец, побудет здесь и исчезнет навсегда. Так уже не раз бывало в его кошачьей жизни. Рыжий был умным и рассудительным, к пришельцам относился хорошо, некоторые его угощали разными

вкусностями, но кот, бывало, даже не обнюхивал их. А этот ничего не принёс. Новенький. Обычаев местных не знает. Разве трудно было захватить с собой кусочек колбаски? Мог бы купить пачку кошачьего корма. Ведь добрый дядька, по морде видно, что не жадный. Но глаза слегка плутоватые. Но это, скорее всего, от ума. Нескучный человек, любопытный, даже очень любопытный. Неспроста же при первом знакомстве под хвост заглянул и в восторге воскликнул:

– Да ты, рыжий, ещё тот котяра! Вон какие крупные шары под хвостом!

Как на такое реагировать коту? Молча! У людей иногда такта ни на грамм. Такое могут отчебучить... Но этому бледнолицему простительно. Видать, впервые на пляже. Поэтому и ведёт себя запанибрата с первым встречным котом. Если бы на Сару, рыжую кошечку, попал, та могла бы и морду расцарапать. Не терпит, когда туристы ей под хвост заглядывают.

Обабко с любопытством наблюдал за променадом рыжего. Откуда ему было знать, что коты на Кипре сообразительные, по любому поводу имеют собственное мнение?

А дальше... Дальше произошло самое невероятное. Появилась она! Женщина в фиолетовом купальнике и с бумажным кульком. Шла по пляжу, всё ближе и ближе к Обабко.

– Зевс! Зевс! Ждэш мэнэ? Ждэш?

– Мяу... – неожиданно противным голосом отозвался кот и неспешно потрусил навстречу даме, вытянув морду, явно чуя запах из кулька.

От удивления Обабко привстал со скамейки. Вот так кот! Да он известный зверь в эвкалиптовом парке! Ишь... Дама к нему пришла! Да ещё наша, украинка! Землячка! А та вываливала на картонную тарелку мясо из кулька, приговаривая по-украински:

– Йиж, Зэвсык, йиж, скоро зыма прийдэ. Треба тоби жырку накопычыты.

Кот интеллигентно принялся за пищу.

– Та яка тут зыма? – не выдержал Обабко. – Морозу ж нэма! Тэпло!

Обабко вернулся к Марееву где-то к полуночи. Тот весь извёлся, опасаясь худшего: заблудился, утонул, не дай бог, напали хулиганы в парке, хотя какие на Кипре хулиганы?! А если человек просто занемог? Лежит где-нибудь среди деревьев? Пришлось вызвать Марго, чтобы ехать искать друга. Не мог торчать в доме, то и дело выбегал за ворота, всматриваясь в дорогу, ведущую к морю. Выскочив в очередной раз, он увидел Обабко, весело шагающего под огромной, по-южному чистой луной.

– Ой, Сашко! Слава Богу, вернулся. А я тут себе места не нахожу. Дэ ты був? Заблукав?

– Зэвса зустрив на пляжи...

– Как Зевса? Настоящего бога?

– Да нет, кота рыжего так зовут.

– И что? До полуночи с котом общался?

– Потом подошла Эллочка... – Сашко явно смутился.

– Эллочка-людоедочка? – съязвил Мареев.

– Элла из Белой Церкви. Замужем за кипрским лётчиком, он в Арабских Эмиратах работает. Элла приходит по вечерам купаться и Зевса подкармливает.

– Сашко, не морочь мне голову! Так и скажи, что, пока лётчик в небе, ты гостил у землячки. Мог бы позвонить с её телефона, чтобы я не волновался.

– Сева, да что ты такое говоришь? Я действительно был у неё, но только щоб нашего сала взяты. Да ще пляшку пэрвака дала. Угостила. Я для тебя старался. Сало, скажу тебе, класс! На соломи смалэнэ. Из Белой Церкви передали! Эх, сальце, чёрный хлеб с тмином да горилочка в запотевшем графинчике!!! – помахивая авоськой и слегка пританцовывая, ликовал Сашко. – Крышталэва чарочка, срибнэ дно, пыты чи нэ пыты – всё одно!

Мареев во все глаза смотрел на него, не узнавая друга.

– Ну и ну, – задумчиво произнёс он. – И когда снова в гости собираешься к Эллочке-людоедочке?

– Да какая людоедочка?! Наша молодыця! Весёлая и добрая. Вот, сало пробуй. А в гости? Да, пригласила – завтра

на вечер. Вместе с Зевсом пригласила. Она его любит как родного.

Мареев чуть не выпалил очередную шутку-издѣвку, но вовремя прикусил язык, сказал миролюбиво:

– Давай на боковую, Саша! А завтра посмотрим. Утро вечера мудренее.

Как раз и Марго подкатила на машине, стала щебетать, нахваливая розоватое с прожилками сало. То, что человек чуть не пропал, её особо не взволновало, а вот сало... И нюхала его, и пробовала тонкую полоску с ножа, и ахала, и охала. А Обабко ей поддакивал:

– Вот то-то... Наш продукт, украинский! Со знаком качества в виде смолёной шкурки! Ни с каким сервелатом не спутаешь.

Мареев не выдержал и прикрикнул:

– Всѐ, всѐ, всѐ! По домам и спальням. Забирай, Марго, сало и отчаливай! Спать пора!

Утром завтракали молча. Сашко не поднимал глаз от тарелки. После завтрака Мареев не выдержал и спросил:

– Саша, у нас сегодня запланирован ужин в деревенской таверне, в Пареклише. Будет киприот Никос, мой друг, его жена англичанка Аманда, Марго будет. Ты с нами или с Эллочкой-людоедочкой?

Лицо Обабко стало красным, аж пунцовым.

– Сэво, ты Надии нэ дзвоныв? Ничего ей не говорил о моём вчерашнем приключении?

– Да ты что? С чего бы я стал твоей Надии звонить? Да я и телефона её не знаю.

– Она мне сама под утро позвонила! И стала расспрашивать, что у меня стряслось? Целую ночь не спала. Сны тревожные снились ей.

– И что? Что ты ей сказал?

– Рассказал про этого рыжего кота и про Эллу! У нас с Надюшей нет секретов. Так мне стыдно, так стыдно...

– А что Надюша? Ругалась?

– Да куда там?! Молчала и вздыхала в трубку, лучше бы она поругала меня. Да не пойду я к этой Элке! И кота этого, рыжего обормота, видеть больше не хочу. Не зря его Зев-

сом прозвали! Видимо, в этого развратника кот и пошёл! А может, то сам Зевс был в обличье кота? Свёл меня с Эллой, будь он неладен! Эх, котики-воротики!

– Сашко, не переживай так. У тебя Надюша – золотце! Всё понимает. Простит. Да и никаких ты дел особых не натворил.

– Так-то оно так... А мог! Надежду жалко. Зачем ей эти переживания?!

Друзья долго ещё говорили. О Кипре, о том, что в таком древнем месте, где столько всего намешано и напутано, всякие чудеса могут случиться. Не исключено, что боги продолжают жить на острове, скрываясь хоть в котах, хоть в деревьях, хоть в самых обыденных вещах, ведь издревле так было.

Приехала Марго, и друзья отправились в горную деревушку Омодос. Обабко был сосредоточен и постоянно что-то вносил в свою записную книжку. Уже в горах, во время дегустации вина, когда Мареев отвлёкся на беседу с хозяйской таверны, Сашко спросил тихонько:

– Марго, а в какое время лучше посетить бухту Афродиты? На восходе или на закате?

– Не имеет значения. Там всегда красиво!

– Не скажи, Марго. Важно знать, в какое время богиня выходит из моря! А вдруг мне повезёт и я увижу красавицу!

Марго с пониманием посмотрела на поэта. А что? Мифы – устойчивая вещь. Но где граница между реальностью и фантазией, оживающей под жарким кипрским солнцем? Что происходит в душе поэта, разрывающейся между супружеской ответственностью перед ждущей его в далёком Бахмаче верной Надюшей и желанием полюбоваться выходящей из пены морской прекрасной в своей наготе местной Афродитой?

3. ЯПОНСКОЕ БИДЕ

«До нашего села эта мода ещё не дошла...» – прокомментировал Сашко Обабко рассказ Мареева о биде-унитазах в японских гостиницах.

Обабко – бывалый путешественник, куда его только судьба не заносила! Ездил по разным странам, где в своё время проживали знаменитые земляки: Николай Гоголь, Серж Лифарь, Александр Вертинский и многие другие. Все свои средства тратил на эти поездки, зато повести и романы о жизни знаменитых людей получались достоверными и интересными. Даже в Китай летал, во французском квартале Шанхая исходил всё своими ножками, искал там следы Вертинского. Кстати, и Мареев в своё время жил целый год в Шанхае, в том же самом французском квартале... Знал Сашко, что Мареев был капитаном на морских судах, но китайский эпизод в жизни друга открылся для Обабко уже здесь, на Кипре.

Сидели как-то вечером на скамейке в парке «Дасуди» и вспоминали былое. А вспомнить было что. Тот же Сахалин, где многие годы после окончания одесской мореходки Мареев работал в островной судоходной компании. Сашко вместе с матерью и бабушкой в детские годы жил на Сахалине в небольшом посёлке Новотроицкое, что недалеко от Южно-Сахалинского аэропорта. Мама, царство ей небесное, работала в плодово-ягодном совхозе, там и замуж повторно вышла. В памяти Сашка остались навсегда сахалинские картинки: зимы метельные, вёсны неспорые, но буйные, лето рыбное, когда вёдрами икру лососёвую на зиму заготавливали. А осень? Красавица сахалинская осень! Ягодное море, что в совхозе, что в тайге. Большой урожай крыжовника, смородины в конце лета – в начале осени. А в тайге собирали бруснику, морошку и клоповку – так местные прозвали красную ягоду за её специфический запах, но из неё получался вкуснейший морс. Мужики разбавляли засахаренную клоповку водой и использовали для запивки в зимнее время, когда вьюга за окном дни напролёт, а застолье становилось непременно атрибутом их общения. Да что там говорить! И Сашко с друзьями, такими же, как и он, мальцами, наслаждался морсом. Это потом Сашко узнал, что ягоду по-научному называют «красникой». А ещё была брусника! Её замачивали на зиму прямо в бочках. И к мясу подавали мочёную, и на сладкое – в сахаре.

Хотя и то, и другое нечасто на столе появлялось, зато картошки было вдоволь, и рыба была, и грибы были! О, грибы! Белые, подосиновики, маслята, рыжики, лапчатые и мясистые грузди, лесные и луговые опята, семейный гриб обабок... Семейный потому, что фамилия матери Сашка от этого гриба пошла (это так на Черниговщине называют подберёзовики). И у сестры Любы такая же фамилия, мать не захотела её менять, потому отчим и подтрунивал часто над «обабками». Отчим был из тех, кто «выпить не любит», всегда готов к застолью – как солдат к приказу. А выпив, стучал кулаком по столу, по-генеральски приговаривая: «У нас обабок и зимой, и летом растёт! Молодец, Саня! Смекалистый! Ишь, рыбы сколько натаскал дочкой!»

Вскоре семья вернулась на Украину, отошли в мир иной отчим, потом – мать, а бабушка осталась в сахалинской земле почивать. Обабко шесть лет назад летал к бабушке на могилку, постоял, помолился, всплакнул.

– О чём думаешь, Сашко? – тихо спросил Мареев.

– Сахалин вспоминал. Речку Сусую, где я научился плавать – сначала по-собачьи, а потом – вразмашку. Переплелись наши судьбы на острове, хотя встретиться там не пришлось. Я школьником был, а ты, Сева, уже морячил.

– Морячил-корячил, – отшутился Мареев.

– И как же это японское биде работает? Не пришлось мне в Японии побывать и уже, наверное, не придётся, разве что если о тебе, Мареев, начну книгу писать, то проедуся по местам твоей моряцкой славы! Ты-то сам, Сева, видел это биде в Японии?

– Видел, видел... Невозможно словами описать. Надо испытать! Как только эта штуковина лет двадцать назад появилась в жизни японцев, так они перестали селиться в тех гостиницах, где её не успели установить.

– Прямо какие-то туалетные страсти...

– Унитаз, но необычный: с музыкой и с автоматическим обмывом! На подлокотнике пульт управления. Выбираешь музыку под свой настрой: блюз или рок! Или ещё что-то подходящее для момента. Закончил своё дело, нажал кнопку, вода зашумела-забурлила и унеслась в глубину под-

земную. И музыка меняется на лёгкую, расслабляющую, а в это время тёпленькая струя – прямо туда, где потребен обмыв и массаж. Приятно и радостно. Прагматичные японцы всё правильно рассчитали – дело житейское, всем нужное. Слаб человек: неудобно рассказывать, зато как удобно пользоваться! Всем подходит: и старым, и молодым; и уродинам, и красавицам.

– А на Кипре? Есть на Кипре это самое японское биде?

– Не-е-е... И даже не пытались устанавливать. Дорогущее удовольствие, вряд ли приживётся. Здесь любят вещи натуральные, ручные... Может, в какой-то гостинице и установили для эксперимента... Кто-то мог себе домой выписать для экзотики. И то вряд ли. Здесь принято, что старики выписывают девушек из Юго-Восточной Азии для помощи по дому. Это непалки, вьетнамки, филиппинки, тайки... Зарплата небольшая – 350–450 евро в месяц, проживание и еда, социальный пакет за счёт хозяина. Ручной, так сказать, уход вместо бездушного робота с музыкой. Буддисты превозносят тело человека, а христиане – его дух. Вот на Кипре они и соединяются в гармонии. Это тебе не хоботы-роботы, Сашко...

Вот после этих слов Сашко Обабко и сказал, что, мол, зря до нашего села мода на биде-унитаз ещё не дошла. Оба друга родились и выросли в украинском селе, и в этой сказке был свой, понятный смысл.

Помолчали, каждый думая о своём.

– А давай-ка, Сашко, выпьем по бокалу кипрского вина где-нибудь в весёлом месте. А то как-то сильно запахло Востоком. Недалеко есть пятизвёздочная гостиница. Недавно ремонт ультрасовременный сделали. Вот мы и посидим там, в баре. Как ты?

Обабко заулыбался:

– Не против.

Играла музыка, пела, пританцовывавая, африканская певица... Пили вино, закусывали орешками, шутили. Смеялись.

– Сева, где здесь туалет? Спроси, пожалуйста.

– Наверно, на втором этаже. На Кипре вообще очень часто туалеты устраивают этажом выше.

Так и оказалось.

И вот Сашко Обабо в кабинке с облицованными мрамором стенами. Розовый камень с золотистыми прожилками! Тихая, расслабляющая музыка. А унитаз с десятком оттенков голубизны, а вода в нём небесно-голубого цвета. Сбоку на подлокотнике чёрный пульт с белыми кнопками. «Японское биде?» – мелькнула шальная мысль у Сашка Обабо. Пусть ему уже за шестьдесят, но в глубине души он остаётся тем же любопытным паренёком из села, с широко открытыми глазами, способным удивляться чудесам. И Сашко присел на это самое японское биде. Послушал музыку, подождал какое-то время и нажал наугад кнопку. И когда вода под ним зашумела-забурлила, встал, чтобы увидеть, как эта штуковина работает под нежные восточные мотивы. В раковине образовался голубой водоворот и вовлёл за собой куда-то в далёкую глубину следы пребывания Сашка. Он в восхищении нагнулся над этим чудом японской техники, чтобы понять, откуда льётся эта музыка. И вдруг... прямо в лицо ему ударил фонтан воды, ударил будто из поливного шланга на даче весной, да так неожиданно, что Обабо едва успел зажмурить глаза.

– Тьфу ты! У саму пыку залипыла! Зараза! – выпалил в растерянности наш герой, присовокупив ещё словцо покрепче, утираясь салфеткой.

Раздался мелодичный женский голосок:

– Аригато годзаимасу.

– О, вона щэ и дякуе, бисова маты...

Догадался, что поблагодарили по-японски. Оглянулся, нет ли кого рядом, не видит ли кто его конфуза? «Хто ж мэнэ побачыць в туалэтний кабины?» – рассмеялся в ответ на свой же вопрос. Повторил процедуру ещё несколько раз, пока не испытал всю полноту удовольствия от чуда техники. А в конце подумал: «А можэ, то вона нэ дякуе, а матюкаецься по-янонськы?!»

Обабо вернулся за столик к Марееву, не переставая смеяться.

– Случилось чего, Сашко? Что тебя так разбирает?

– Не могу... Ой, остановиться не могу, – продолжал смеяться Сашко, согнувшись пополам над столиком и отмахиваясь рукой от чего-то невидимого.

– Ты посмейся, посмейся, друг мой, а я ненадолго отлучусь...

Мареев тоже не возвращался к столу более получаса. Вернувшись, произнёс, посмеиваясь: «Теперь понял, почему ты так ухохатывался, Сашко! Пырнула и мэни в пыку, холэра!» И добавил глубокомысленно: «И до нашего сэла ця мода дійшла».

4. В ПАРКЕ «ДАСУДИ» – О СОКРОВЕННОМ...

Закатное солнце подкатило к горам, вот-вот скроется за их вершинами. Ноябрьское море – тихое и светлое. Несколько поздних купальщиков барахтались недалеко от берега, с десятков кораблей на рейде. Мареев и Обабко прогуливались вдоль моря по дорожке парка «Дасуди». Навстречу шли такие же, как они, любители прогулок; две женщины оживлённо болтали о своём, но, заметив брошенный в их сторону оценивающий взгляд Мареева, заулыбались в ответ, открыто и доброжелательно.

– Что более всего запомнилось мне в жизни? Вот ты спросил, Сашко, и сразу в моей памяти выстроились в очередь события... Именно события из прошлого. И все важные для меня. Детство на Хмельниччине... Речка Вилия, лето! Земляничные поляны в лесу! Какие грибы собирали в дубняке по осени! А зима, когда сугробы под крышу наметало, на лыжах катались с них! Потом... Любовь и горечь разочарований, дружба, предательство... А восходы солнца в Охотском море?! Стоишь на капитанском мостике, а на горизонте вдруг из моря всплывает краешек красного диска... И тяжёлые льды не забыть, когда судно – ни вперёд, ни назад... И потери были... То жизнь была – настоящая! Да разве всё расскажешь? – Мареев пытливо посмотрел на своего друга, печально улыбаясь.

– А ты, Сева, расскажи то, что первое вспомнилось? Первое – оно и есть самое настоящее.

– Да, Сашко, ты прав. Дедушка вспомнился. Дед Фёдор. Любил я его. И он меня, мальчика, любил. Помню, я ещё даже в школу не ходил. Дед уйдёт в лес за дровами, а я жду его с нетерпением. Особенно зимой ждал: за окном снег идёт, а на печке тепло. И вот дед наконец из леса возвращается. Стучит дверь, входит в тёплую хату, отряхивая снег с плеч и колен шапкой и рукавицами. Хочется к нему подбежать, но нельзя босым. Заругают. Пол глиняный, ещё холодный...

– А ты от зайчика подарка ждал, Сева? – прижмурился мечтательно Обабко.

– Видимо, и ты, Сашко, получал такие подарки зимой.

– А как же? Конфетка из кармана. Пирожок. Леденцы я любил, их можно было долго сосать, растягивая удовольствие.

– Ну, мне другое перепадало. Откуда в лесу леденцы? Дед приносил орехи от белочки. Иногда кислички, такие мелкие яблочки дикие, задубелые на морозе. Ох, вкусные они были!

– У нас, Сева, зимой яблоки из сада были. В погребе вместе с картошкой хранились.

– Во-во... А я кисличкам был рад, дед их называл «райскими яблочками». А ты, Саша, наслаждался настоящими. В нашем садике вишни, сливы были, а яблоки отродясь не водились. Видимо, потому что... Хотя нет, почему – не знаю.

– Не было заведено.

– Да, Сашко... Растревожил ты меня расспросами. Помню, как дед вечерами пел приятным баритоном:

*Когда б имел златые горы
И реки полные вина,
Отдал бы всё за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна...*

– Боже, так это же любимая песня моего отчима! Но он был родом с Орловщины. А твуй дид звидкы знав російську мову?

– Дид Фэдир у молодости бул фабрычным, у городи жыв. А потом он в армии служил. С немцами воевал в Первую мировую. Генерала Брусилова видел на фронте...

Помолчали.

В парке «Дасуди» перекликалась тонкими голосами какая-то птичья мелочь. Зачирикает одна, ну, прямо сопрано, а вторая ей отвечает ещё громче. «Так, наверное, я с дедушкой перекликаюсь мысленно... Может, он и вправду слышит меня на небесах? Царство тебе небесное, дедуля! Вот и мой срок уже подходит к твоему порубежью», – думалось Марееву.

Было время. После мореходки зимой он приехал в село повидать деда. Мороз был страшный, градусов за тридцать. Пока со станции добирался к дому, заоченел весь. От автобуса до хаты метров пятьсот, так бегом бежал. Представлял, как дедушка обрадуется. Бежал и пел в уме про эти самые золотые горы, которых у него не могло быть.

Обабко нарушил тишину. Как будто ножом полоснул:

– А к тому времени ты уже вино пил, Сева?

– Не-е... Не пил, не курил. И дед не курил, но самогонки рюмку-другую мог пропустить. А я вёз ему бутылку трёхзвёздочного коньяка. На курсантскую стипендию купил. Экономил несколько месяцев. Не попил дедушка городского напитка.

– Не понравился?

– Не смог. Лежал в постели больным. Я забегал изредка к деду в комнату. Зайду, постою... и потопал дальше. Нет чтоб сесть у кровати, поговорить с дедом?! Перед моим отъездом в Москву, а потом на Сахалин умер дедушка. Помню, как я шёл за его гробом, почти не осознавая, что нет его на этом свете и уже не будет. Не будет песен про золотые горы. Не будет рассказов о «жизни за царя». Мать свою и отца он вспоминал, неизменно обращаясь к покойникам на «вы».

Обабко слушал молча, склонив голову к земле. Говорил Всеволод отрывисто, с большими паузами, словно отвечал сам себе, на свои же вопросы. Кипрское солнце закатилось за горы. Поднялся порывистый ветер, по небу, откуда ни возмись, понесло рваные облака, словно тёмные лавины с гор.

– Знаешь, Сашко! Никогда не забуду похороны деда. День выдался ясным и морозным. Почему-то падал редкий снег. Откуда он, если туч не было. Синь над головой, а снег идёт. На подводе лежал на спине дед, а на его лице лежали снежинки и не таяли. Вот эти нетающие снежинки – моё самое большое потрясение тех лет.

*Не забуду я плачущей сини:
Дед в гробу и нетающий иней...*

Мареев поднял голову и посмотрел на шагающего рядом Обабко. В свете фонарей было видно, как глаза Сашка увлажнились.

– Пойдём, Сашко, домой. Дождь начинается. Откуда он? Целый день солнце светило, а после захода – на тебе! – стало накрапывать.

Они повернули назад и всю дорогу шли молча, думая каждый о своём...

У калитки их застала страшная гроза с громом и молниями. Марееву вспомнилось, как в детстве было боязно находиться в хате в грозу, особенно в вечернее время. Отключали электричество, чтобы не притянуло, не дай бог, шаровую молнию. Бабушка непрерывно крестилась при взрывах в небе, приговаривая: «Спаси и помилуй, Господи!» А дед говаривал: «Дождь – благодать Божья! Очищение!»

Постояли на крыльце, наблюдая за потоками воды, заполнившими улицу.

– Лют дожди, и нет покоя, не сдержать поток воды... – задумчиво прошептал Мареев и добавил: – Громыхает Небо. Сердится! Предал я деда, Сашко! Иной раз думаю: «Не надо было никуда уезжать из села».

Гроза прекратилась так же внезапно, как начиналась. Ещё долго друзья сидели на веранде под усыпанным яркими звёздами кипрским небом и беседовали. О самом важном, начатом в парке «Дасуди», который так располагает к откровениям...

...Всеволод встретился в Москве, на Киевском вокзале, с Мишкой, дружком по мореходке. Ещё раньше сговорились вместе ехать на Сахалин: обоих, не обременённых семьями, из Одессы словно сослали в островное пароходство, а всех «женатиков» оставили в своих, украинских.

И вот они, юные штурманы, будущие капитаны дальнего плавания, отправились в далёкое путешествие. Впереди Японское и Охотское моря, Тихий океан, Курильские острова, Камчатка и, возможно, загадочная Япония.

А пока Сева во все глаза смотрел на Москву с её красивыми домами, широкими улицами. В сравнении с Одессой столица казалась огромной. Мишка иронично оценил войлочные полуботинки Севы:

– Ты где такое чудо достал?

– Так, в селе, в магазине купил. Мать настояла. Они тёплые, то что надо, ведь на самый Сахалин едем.

– Сева, так ты бы в курсантских «гавах» поехал. А если снег мокрый? «Гавы» проверенные. А эти? Из тряпки сделаны.

Через день купили билеты только до Хабаровска, дальше запланировали продолжить путь самолётом до Южно-Сахалинска.

Радовались, что семь дней в поезде проведут, всю страну из окна увидят.

– Севка, представляешь? Из Европы в Азию! Границу будем пересекать. Отметим это дело?

А Мареев только глазами хлопал. Миша всё знает и всё может! Такой разбитной. Учился в мореходке всегда на «отлично». Выпускные сдавал по-английски. Во какой! Столичный парень! Мишка – спортсмен-фехтовальщик, Мишка – умный! О поэзии поговорить? Сыплет стихами Мандельштама. Как-то шли через парк, где деревья в шапках снега и ветки покрыты инеем. Дружок тут же выдал:

*Глубока, как ночь, зима,
Снег висит как бахрома...*

– Мирский, это ты сам придумал?

– Это Осип Мандельштам! А я буду романы писать. Позже начну, на Сахалине.

Девчата в восторге от него! Бывало, в одесском парке им Т.Г. Шевченко на танцплощадке сами приглашали на танец. Красавец! Лицо – крупное, волосы волнистые, широкоплечий. Куда Сева до него?! Сева – тонкий и высокий, застенчив не в меру. Хотя Бог силой его не обидел. Когда пацаны в шутку задирались, то Мареев любого мог скрутить своими жилистыми руками.

Несколько дней в Москве пролетели как сказочная карусель. Мама Мишки, Марья Борисовна, готовила очень вкусно, старалась побаловать ребят домашней едой, вечерами – в кино или просто гуляли по Тверской, наслаждаясь свободой и мечтая о будущих морских походах.

– Я, Сева, долго в штурманах не задержусь. Капитаном скоро стану. Представляешь: капитан Михаил Мирский! Звучит?

– Мишка, так нам ещё матросами надо трубить и трубить, пока не наработаем нужный ценз для получения рабочих дипломов. Наши пока не дают права занимать штурманскую должность. Ведь так?

– Прорвёмся, Мареев! Всегда есть исключения. На месте разберёмся.

И правда, потом на месте Мишка разобрался: начинали друзья матросами на старом-престаром пароходе под названием «Ванцетти», но через пару месяцев Мишка – уже на должности третьего помощника капитана. Фортуна, судьба-индейка: помощник заболел, его списали на берег, а Мишка занял свободное место. И в парке на танцплощадке, и в море – везде первый!

Пройдут годы, и Мареев вспомнит в стихах матросскую жизнь на пароходе «Ванцетти», будет Мишу Мирского видеть сквозь строчки:

*В памяти бывлое всплыло вдруг:
Чёрный корпус, бело-белая труба!
Помнится ль тебе, старинный друг,
Как играла с нами, юными, судьба?*

А тогда, из Москвы на Ярославском вокзале Михаила провожала мама. У вагона она отозвала Севу в сторонку и неожиданно для него сказала:

– Сева, я хочу тебя попросить присмотреть за Мишкой. Ты из села, всё видишь и всё понимаешь. А Мишка... Боюсь, попадёт в какую-нибудь историю.

Испытывая неловкость оттого, что ему дают такое деликатное поручение, Сева пообещал.

Ещё до посадки он заметил в стороне пару: очень красивая девушка с раскосыми глазами прощалась с коренастым мужчиной, постарше её возрастом. Если бы красавица вдруг, по какой-то необъяснимой причине, позвала Севу за собой, он, не задумываясь, остался бы на перроне с ней, пусть бы этот коренастый катился в своём поезде на Восток. Поднимаясь в вагон, он несколько раз оглянулся на красавицу, и та бросила быстрый взгляд в его сторону. Заметила! Сердце ёкнуло и быстро застучало... Из вагона – девушки не видать. Эх... зацепила! Все мысли – о большеглазой, высокой незнакомке с распущенными чёрными волосами. И вдруг... словно сама фортуна явила лик и улыбнулась Всеволоду: в проходе вагона незнакомка прошла к своему месту в соседнем купе, даже не замечая Всеволода. Батюшки мои, вот удача! Девушка расположилась на боковой нижней полке, и Сева будет её видеть со своей, верхней, если ляжет головой к проходу! Но другая беда: на него напала необъяснимая робость, он даже боялся смотреть в её сторону, не то чтобы заговорить с ней.

И вот он, Урал! Мишка за время пути успел со всеми перезнакомиться в своём купе и в соседних – тоже. А в тамбуре он рассказал Севе:

– Видел бурятку? В купе рядом с нашим? Глазищи – что тарелки! Карие! Маринка! Красивая девка. Она нашего возраста. К мужу приезжала в Москву. Он у неё следовательно работает, а в Москве на курсах каких-то.

– А куда она едет?

– Так в Бурятию. Я же сказал, что она – бурятка. На последнем курсе учится театрального института, на режиссёра.

– Мишка, мы хотели отметить пересечение границы из Европы в Азию. Будем?

– А как же! Поезд остановится, сбегает и купим бутылку спирта на перроне, пирожков возьмём. Бабки пирожки продают, а спирт, сказала проводница, прямо в киоске можно купить.

В киоске не в киоске, но спиртом разжились, с рук купили поллитровку. И пирожков набрали пару десятков. И вот обитатели купе собрались за импровизированным столом. Молодая женщина Катя добиралась к мужу-офицеру, служившему на границе с Китаем. Вадим, кандидат наук, парень лет под тридцать, ехал в командировку во Владивосток. Дед с бабкой – в гости к дочери в Хабаровск. Мишка без фамильярности пригласил красотку к столу. Пили спирт, рассказывали анекдоты, офицерская жена песню спела вполголоса. Словом, весело общались, как это бывает в дороге, когда вчера ещё незнакомые люди становятся вдруг близкими и родными. Мужняя жена Маринка хохотала в ответ на Мишкины шуточки, а он ещё в придачу стихи Мандельштама читал. Всем было весело, кроме Севы. Он слова не мог вставить в общий разговор, с обидой и завистью смотрел, как легко и непринуждённо болтали Мишка и Маринка о том о сём.

– Миша, я хочу покурить. Как ты? Пойдёшь?

– Конечно, Мариночка. Я тебя угощу своими сигаретами. У меня пачка «Мальборо». У предка экспроприировал. Он из Америки привёз.

«Ну и гад ты, Мишка! – думал Сева, плетясь за ними по коридору. – Целоваться в тамбуре будут».

– Севка, а ты? Не куришь? – спросила разгорячённая Мариночка-Марина.

– А ему мама не разрешает, – встрял приятель, понятно, недоволен, что друг путается у него под ногами.

Ни слова не говоря, Сева отправился назад, в купе.

– Так быстро уже накурился, Севка? – подначил кандидат наук.

– Парень не курит. Я сам в его возрасте ещё не курил, – вступился за соседа дед с верхней полки.

Как раз тут и появился Мишка, красный как рак. Отозвал Сева в сторону и прошептал:

– Иди в тамбур. Маринка просила, чтоб ты вернулся.

– Да я...

– Иди, иди, дурачок! Нравишься ты ей.

Сева не просто пошёл – побежал...

* * *

Мареев как будто закончил рассказ и, тяжело вздохнув, посмотрел внимательно на друга:

– Что, Сашко? Не утомил я тебя своей болтовнёй? Сейчас войдём в солёное море, и смоеет оно сахалинскую историю курсанта.

– Боже мой, Сева, я вначале и не понял, о ком ты рассказываешь. Ты же свою жизнь рассказываешь! Ведь этот курсантик ты и есть? Так?

– Да. Конечно. Не хотелось «якать», вот и выбрал такую форму: о себе, да в третьем лице! Ты ведь, Сашко, просил самую важную историю из моей жизни? Первая любовь! Сколько лет прошло, всплыло в памяти, словно всё это вчера было. Маринка, Мишка, даже проводницу помню, молодая и разбитная деваха, Люськой звали. Мишка закрутил с ней скорую любовь. Устраивали наши с Маринкой свидания в соседнем вагоне, купейном.

– А потом? Что было потом?

– Потом? Прибыли в Улан-Удэ, и Марина попрощалась со мной.

– И всё? – расстроено всплеснул руками Обабко.

– Не всё, не всё... Марина пообещала развестись с мужем и приехать ко мне на Сахалин. Сказала при расставании на перроне, что отец – директор местного театра, он поможет. В том году она оканчивала Институт культуры, режиссёрский факультет.

Подшли к пляжу «Дасуди», разместились на скамейке недалеко от здания яхт-клуба. Выходило бело-жёлтое солнце, очень быстро отрываясь от морской линии горизонта.

Мареев продолжил:

– Каждый раз, наблюдая восход солнца над морем, удивляюсь, какое оно разное: то весёлое, то печальное, то беззаботное, то тревожное; красное, белое, туманное, морозное... И каждый раз вижу светило, словно в первый раз... Да, в январе мы с Мишкой прилетели на Сахалин... А потом в моря матросами! Стою, помнится, на крыле капитанского мостика парохода «Ванцетти». Японское море, ветер, волны встречные бухают и бухают о корпус, небо тучами покрыто, а я мечтаю: «Придёт весна, солнце явится, а там, глядишь, и Марина прилетит». Её письмам радовался несказанно, и я ждал прихода судна в порт, нам почту доставляли на борт. К весне Марина развелась с мужем, написала мне в письме, закапанном слезами радости... Я целовал следы её слёз с размытыми фиолетовыми буквами.

Мареев смотрел на поднявшееся над горизонтом солнце и смущённо улыбался. По крайней мере, так показалось Александру Обабко, и тот, не выдержав паузы, спросил:

– И что? Когда Марина прилетела?

– Пришла радиограмма, я списался на берег на один рейс, приехал в аэропорт Южно-Сахалинска, но девушки не было в самолёте.

– И всё? Может, она рейс поменяла?

– Нет, не поменяла. Я вернулся на пароход спустя неделю... И больше о Маринке я ничего не слышал... Хотя писал ей письма, посылал телеграммы... Через месяц судовой радист признался мне, что он ошибочно впечатал дату прилёта Марины на неделю раньше. Игра судьбы или случая? Кто знает?

Сашко Обабко, ни слова не говоря, вскочил со скамейки и кинулся к морю, с разбегу бросился в воду и с ожесточением забарабанил руками и ногами по воде. Вскоре он взобрался на волнолом. Мареев видел фигуру друга, сидящего на камнях с опущенной головой. Спустя полчаса Сашко вернулся к скамейке и тихо спросил:

– Сева, ты мне правду рассказал или выдумал эту историю?

– Правду, Саша! Марина прилетала на Сахалин со своим отцом. Отец настоял, чтобы она вернулась с ним в Улан-Удэ.

– Так не должно было быть, Сева! Почему ты не полетел вслед за ней в Улан-Удэ? Почему не вернул её?

– Летал. Спустия год я по пути в Киев заезжал в Бурятию. Но ни Марины, ни её семьи не нашёл. Соседи сказали, что они все переехали то ли в Москву, то ли в Ленинград.

– А Мишка? Как его судьба сложилась?

– Карьера Миши на флоте не задалась. Гордый и вспыльчивый был, но справедливый. Инспектор отдела кадров обидел его, как-то нехорошо отозвался об одесситах, а Миша ответил. Слово за слово, Миша и заехал наглему в рыло. Вынужден был уйти из пароходства. Уехал в Москву к родителям, заочно окончил Ленинградский кораблестроительный институт. Стал довольно известным в профессиональных кругах конструктором подводных лодок. Но всю жизнь мечтал о море. Очень хотел вернуться на капитанский мостик. Погиб Мишка двадцать лет назад. Машина сбила его у метро, водитель пьяный оказался...

Обабко стукнул кулаком по коленке:

– Ну как же так, как же так?! Вот судьба! Так не должно было быть!

– Впечатлительный ты уж очень, Сашко. Что тебе Мишка?

– А как же не пожалеть и не восхититься этим парнем? Добрая и гордая душа! Царство ему небесное. Друг верный! Даже помогал тебе в поезде с Маринкой свиданки устраивать. И что? А след Марины навеки потерялся?

Мареев какое-то время помолчал, но, видя, как выжидательно и с нетерпением на него смотрит Обабко, произнёс улыбаясь:

– Марина Станиславовна в Москве. Недавно в театре встретились. Судьба? Случай?

– Как? Как это было? – всплеснул руками Обабко.

– У гардероба окликнула меня: «Севка!» Столько лет прошло... словно пулей сердце пронзило! Кинулись друг к другу, расцеловались. Всё возвращается, всё повторяется, друг мой...

– И что? Так и...

– Так, Сашко, так! Не будем больше об этом, – поставил точку Мареев и неспешно пошёл к морю.

У воды он оглянулся и увидел Обабко, который принялся делать зарядку с приседаниями, но потом стал выделять весёлые коленца, похожие на те, что демонстрировал на банкете после концерта на родине Мареева, в далёком украинском селе Дубовэ.

«Сашко, друже мий... участливая душа! Ишь, как за меня радуется... Не будь столько людей на пляже, так и гопака сплясал бы!» – подумал Мареев, входя в воду. Затем он повернулся и позвал друга:

– Саша, айда в море! Поплыли до волнолома!

5. НЕ С ТОЙ НОГИ...

Обабко обиделся на Мареева? Да кто в это поверит? Друзья – водой их не разольёшь! Как такое могло случиться? Хотя... Кто знает Обабко, тот скажет, что он сам никогда и никого обидеть не сможет, вот обидеться может. Душа у него мягкая и добрая. Кто видел эту самую душу? А не надо её видеть! Лицо Сашка надо видеть, глаза его! На губах всегда бодрствует улыбка, порой она там плясать начинает... Так душа отзывается на события, происходящие вокруг Сашка. И даже если события не очень, ну, например, что-то недоброе происходит, улыбка всё-таки не покидает Обабко, хотя и меняется, становится виноватой и печальной. Что это? Отклик на несправедливость, грубость окружающего мира? Чувствует душа свою ответственность за эту несправедливость, мается она, и тогда лицо Сашка приобретает вид страдальческий, но всё равно улыбчивый. И глаза! Глаза его лучатся светом неземным, нет-нет – земным светом, ярким и весёлым, но в фантастически меняющихся оттенках. Больше радости – больше яркости и переливчатости в жёлтом, белом, синем, оранжевом и во всяком другом цвете, а то и все цвета, вместе взятые, переливаются в глазах Сашка. Только вот чёрного цвета нет, бордового не бывает, да и от серого – боже упаси! И всяких там ядовитых окрасов не бывает, а есть всё мягкое и приятное. Но иногда случается, что печаль и скорбь затуманивают глаза

Сашка... Это бывает тогда, когда жалость проникает в душу или когда ему становится стыдно... Не за себя стыдно, ибо никогда, слышите, никогда он не совершает постыдных поступков. А вот чужие плохие поступки на себя принимает и стыдится. Глаза отводит, в землю смотрит, смущается и... отходит в сторону. Вот и сейчас такой случай: с утра завтракать не стал и умчался куда-то ни свет ни заря.

* * *

Раздумья Мареева прервал приезд Марго. Вышла из машины и тут же:

– Отец! Что произошло? Пана Олександра встретила, шёл мне навстречу с опущенной долу головой.

– Что же ты, Марго, не остановилась? Спросила бы его?

– Что ты... Конечно, остановилась и вышла из машины поздороваться. А он обрадовался, кинулся навстречу, как обычно, к ручке приложиться. Аж три раза чмокнул... Словно забылся, гуляя в мыслях где-то в другом месте.

– С чего ты, Марго, моего друга паном называешь? Какой он тебе пан?

– Так он ко мне обратился сам: «Пани Маргариточка, целую ваши ручки». В ответ спросила его, что он такой печальный.

– И что?

– А ничего! Махнул рукой и пошёл в сторону моря. Определённо, обидел ты его. Ты можешь обидеть, когда не с той ноги встанешь. Я-то знаю! Кстати, с какой ноги ты сегодня встал?

– А я помню?! А с какой надо?

– Спросил бы лучше, с какой не надо? С левой – не надо!

* * *

Марго уехала по своим делам, а Мареев сидел на приставном стульчике у парадной двери, всматриваясь в дорогу; он ожидал возвращения Обабко. При этом вспоминал

события вчерашнего дня. С самого утра не задался день! На рассвете сон дурацкий приснился, что как будто он поругался со своим другом Сашком Обабко. И началась ссора с его, Мареева, дурацкой шутки. Ещё курсантами в мореходном училище так шутили. За завтраком взял... да и бухнул ложку соли в чашку чая друга, когда тот на секунду отвернулся. Чёрт его дёрнул такую глупость сотворить! Посолить чай гостю! Не курсанты молоденькие всё-таки! Тем более что Сашко на флоте не служил и не привык к таким примитивным, можно сказать, тупым приколам. Потом спохватился, но поздно уже было... Как сказать? А Сашко тем временем три ложки сахара в чай положил и стал усиленно размешивать... И это монотонное постукивание было нестерпимо слушать. И Мареев не выдержал во сне:

– Да хватит уже стучать ложкой о чашку! Такой скрежет – как серпом да по одному месту...

– Ой, прости, Сева! Задумался я! Вот одна мысль у меня мелькнула

– Одна всего? – съязвил Мареев, злясь на себя, что попал в такое глупое положение, что остановиться не может.

– Одна, зато какая! – заулыбался Обабко, и глаза его наполнились радостным светом весенним.

– Да пей ты уже чай, а то остынет, – опять не к месту выпалил.

Сашко отхлебнул сладко-солёного чая. Глаза его сразу потемнели, он поперхнулся и пулей выскочил из-за стола... А Мареева из сна словно кто-то науськивал. Он быстренько поменялся с другом чашками с чаем. Тут как раз вернулся к столу Сашко.

– Не в то горло попало, Сашко?

– Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие!

Таков был ответ, как выстрел из пистолета, причём фраза из заезженного анекдота. На этом фантазмагория с розыгрышем не прервалась! Почему так грубо, не похоже на себя, отреагировал на шутку Сашко? И дальше пошло всё наперекосяк, а почему?

Утром, после завтрака, после реального завтрака с фирменной яичницей «от Обабко», его, Мареева, на самом

деле, словно Остапа Бендера, понесло. Пнул ногой соседского чёрного кота, который у дверей веранды ждал традиционного угощения. Тот заверещал и мигом перемахнул через ограду в свой двор, а Сашко с удивлением посмотрел на друга:

– Сева, что случилось? Какая муха тебя укусила?

– Да это чёрт с того света, а не кот! Вечно этот Чёрный с утра крутится у дверей, шпионит, как Дуремар известный.

Днём обедали в прибрежной таверне. Мареев устроил скандал, заявив официанту, что мясо пережаренное. Потом спохватился, но извиняться не стал, зато при расчёте дал официанту немислимо большие чаевые, а тот, улыбка во весь рот, в ответ на чистом украинском:

– А вы заходьтэ до нас щэ, заходьтэ, землякам тут завжды ради. А за мясо выбачайтэ. Нэдоглядила Хрыстя. Бильше такого не будэ.

– Ой, так цэ ж земляк! – обрадовался Обабко.

Еле увёл друга из кипрской таверны с украинским персоналом и сладкоголосием семейной пары из Черновцов. Потом Сашко долго удивлялся, как удалось официанту Грыцько так хорошо овладеть греческим? «Каких чудес на свете не бывает! – думал Мареев. – Жизнь заставит, и китайский выучишь. И не только...»

Под вечер набрали на художественную галерею. Сашко ступал по залу, всматриваясь в морские пейзажи – разноцветные водоросли походили на фантастических спрутов. А Мареев тем временем вовсю флиртовал с молоденькой Данаей, красивой и улыбчивой! Как пришли в салон, он сразу же с ней расцеловался. А потом пошёл болтать, при этом приобнимал девушку за плечи. Не будь здесь Обабко, не прочь был и за другие места пообнимать красавицу.

«Волосся сывие, а голова шалие» – так думал Сашко, отводя глаза в сторону. Стыдно стало за друга? Ну, нельзя же в таком возрасте так напропалую волочиться за молоденькими женщинами! Обабко отошёл к двери и стал заинтересованно всматриваться в морскую даль. До чего же красив этот морской простор! И над ним – лазоревое небо! Живой пейзаж – жизнь без фантазмагории, без всех этих

чужих Данай... Хотя люди на острове весёлые и приветливые. Женщины раскованны и доброжелательны; вот Даная терпит ухаживания возрастного мужчины, и кажется, что ей это даже нравится. Хотя, возможно, она и не придаёт какого-то особого значения этому общению с Мареевым? Солнце, море, беззаботная жизнь располагают к открытости, к... Мысли Сашка Обабко прервал голос Мареева:

– Нэ трэба завидовать, мий дружэ!

– Звидкы ты цэ взяв? – вырвалось у Сашка.

– Та, цэ я так... бовкнув, що прыйшло у голову. Що, вгадав?

Впервые за время пребывания на Кипре Сашко Обабко обиделся на друга. Нельзя же так бесцеремонно вторгаться в чужие мысли. Что-то происходит с Всеволодом. Не такой он, как обычно!

От ужина Сашко отказался и отправился спать сразу по возвращении из города.

* * *

Солнце давно поднялось над домами, освещая дорогу к морю, а Сашка всё не было и не было. Накануне вечером не стал ужинать, а с рассветом ушёл из дома! Терзали разные мысли. Как-то глупо вчера всё пошло: во сне соли другу в чай насыпал! Зачем? Дурость несусветная. Как мог он, Мареев, так шутить? А потом на глазах у друга чёрного кота пнул ногой, зная, как Сашко любит кошек. Он, Мареев, сам дурью стал маяться! Сам и есть Дуремар, а не кот Чёрный! Да и в салоне чёрт его дёрнул съязвить про зависть. Что-то с ним, с Мареевым, не так! С чего вчера так завёлся?

Всеволод вошёл в дом и включил телевизор. Шла программа «Как устроена Вселенная». Диктор излагал версию английского физика, что в ближайшие несколько десятков лет человечеству придётся покинуть Землю из-за угрозы гибели от столкновения с астероидом-убийцей. Вселенская катастрофа, которой опасаются учёные. Серьёзный мужчина из телевизора «обрадовал», объявив, что человечеству неизвестно более половины угроз, тающихся в глу-

бинах космоса, и добавил, что вчера на опасном расстоянии пролетел огромный астероид, и если бы он столкнулся с Землёй, то от неё ничего не осталось бы. Катастрофы не случилось потому, что астероид отвернул от Земли, словно чья-то рука подправила его орбиту. Но такие опасные сближения небесных тел не проходят бесследно для землян, особенно метеозависимых. Люди плохо себя чувствуют, меняется их психика, некоторые совершают неадекватные поступки...

«Как страшно жить! Сашко, слышишь, как стало ещё страшнее жить; чем больше информации приходит, тем сложнее разобраться в хитросплетениях этого мира...»

Мареев стоял посреди комнаты, уставившись в экран телевизора. Вот это да! Вот тебе и присказка «не с той ноги встал»! И сон неслучайный, пророческий сон! А если бы он встал с кровати с правильной ноги, то избежал бы дурного настроения? Нога и пролетающий мимо Земли астероид разве не связаны между собой? Как знать?! Встал с левой... и получай день неожиданностей и вагон неприятностей! Встал с правой... и пронесло! Действует закодированная программа где-то там, на Небесах? «А ведь Сашко ничего об этом не знает! Ни я, ни он не виноваты», – думал Мареев. «Нет, Сашко ни при чём, это я вёл себя как скаженный!» – громко воскликнул Мареев и, словно очнувшись от столбняка, выскочил из дома, побежал в сторону моря.

* * *

В парке «Дасуди» на скамейке у моря сидел Сашко Обабко. Рядом с ним рыжий кот. Мареев пожалел, что в спешке не захватил с собой мобильник, такой кадр пропадает! Тихо приблизился к необычной парочке и произнёс покаянным голосом: «Прости меня, Сашко! Видимо, я вчера утром не с той ноги встал...»

Два друга и кот ещё долго сидели на скамейке, любовались морем. Потом они завтракали в кафе на пляже. Кофе, французские булочки... А для кота – сосиска!

6. ПРОЩАНИЕ С КИПРОМ

И вот наступил этот день. День прощания с Кипром, день отлёта! С утра Сашко Обабко побежал на пляж «Дасуди», захотелось ещё раз окунуться в море, вдохнуть запаха эвкалиптовой рощи, да и с рыжим котом попрощаться. А вот и он! Лёгко на помине. За поворотом к морю, возле олимпийского бассейна, бежит навстречу, почему-то поджав хвост. На этот раз Сашко не оплошал, заранее припас угощение для друга – сосиску, разогретую на сковороде.

– Что, дружок? Узнал меня? Узнал, узнал! Встречаешь. А вот тебе и угощенье.

Кот с поджатым хвостом несмело приблизился к сосиске.

– Да что вы, ваше высочество, скромничаете? Кушайте. Тёпленькая сосиска. А хвост-то чего поджали? Поранили зад? – с этими словами Обабко ловко зацепил и приподнял хвост рыжего.

– Мья-ау-у, – котяра противно взвизгнул, взвился и умудрился царапнуть Обабко за подбородок, моментально отскочив в сторону. Стоит, изогнув спину и заняв угрожающую позицию.

– Гадина! Так ты – кошка, оказывается! Пошла вон, стерва! – Сашко пнул ногой сосиску и отправился восвояси.

Надо же такому случиться?! А как похожа, поганка, на рыжего Зевсика! Потрогал руками лицо и обнаружил кровь. Надо быстро солёной водой промыть, а то зараза какая-нибудь пристанет. Такая незадача!

«Нет худа без добра», – вспомнилась старая поговорка, когда увидел огромный красный диск солнца, вставший над горизонтом. Хотя Мареев говорит, что по морским приметам, когда солнце красно поутру, моряку не по нутру. Но нет! Не всегда эти самые приметы работают! Небо чистое, лазурное. Море спокойное. Красивое утро! Обабко быстро разделся – и в воду. Море всё смоев, всё спишет его канцелярия! Вспомнил инцидент с рыжей кошечкой и рассмеялся: «Не надо было барышне под хвост лезть!»

Каждый день с ним что-то происходило на Кипре. Будет что вспомнить и друзьям в Киеве рассказать. А проявив-

шийся на фотографии столб света в ночном небе! Чем не чудо? Фотографировал Мареева поздно вечером на безлюдной неосвещённой улочке в Пареклише. Небо тёмное. И на тебе – на фотографии стоит Мареев, а над ним столб света, ниспадающий с неба. Может, это было явление самого Зевса? Ведь из древних сказаний известна его способность менять своё обличье, даже умудрялся превратиться в золотой дождь и, проникнув в медную башню, соблазнить там юную красавицу. Да... манки-приманки, чудеса в решете!

Вдоволь накупавшись и надышавшись настоящим на эвкалипте воздухом, Сашко прибежал трусцой к дому. Последний день, дел неспорот, завтра рано утром в аэропорт. А сегодня надо ещё раз одному прогуляться по Старому городу, чтобы налюбоваться и попрощаться с ним. Зайти в старинный православный храм Айя-Напа, поставить свечки во здравие и за упокой близких людей. Может, и подарок для Нади подберётся?

Дома наскоро позавтракал с Мареевым, успел рассказать ему о рыжей кошке, поцарапавшей лицо. Мареев не удержался и съязвил:

– Не Эллочка-людоедочка то была?

– Да хватит уже, Сева!

До Старого города добрался рейсовым автобусом, а потом пошёл кружить по его улочкам-переулочкам, останавливаясь перед старинными домами и делая селфи. На верандах кафешек – немногочисленные гости потягивают кофе и беседуют. Вот пробежали мимо него три симпатичные девчушки в коротеньких платьицах. Торопятся, но весело им, щебечут, что воробьи ранней весной. Встал спиной к убегающим девушкам и сделал селфи на фоне живописной улочки с виднеющимся в конце её минаретом, свидетельством пребывания турок на этой земле. Посмотрел снимок на экране телефона и удивился: рядом с девчушками фигура человека в чёрной шляпе и пальто. Очень похожая на кого-то из знакомых. Так не было этой фигуры наяву! Посмотрел в конец улицы! Как не было? Увидел того же человека, но уже удаляющегося от него. Шёл го-

сподин неспешно, опираясь на трость. Со спины видно, что слегка сутулится. «Как же он прошёл мимо меня, что я не заметил?» – удивился Сашко. И вдруг его осенила догадка, и он кинулся бежать за человеком в пальто. Человек резко обернулся и остановился. О Боже! Царица Небесная, спаси и помилуй! Перед ним стоял сам Гоголь!

– Мыколо Василёвичу! Вы? Тут, на Кипри? – пролепетал потрясённый Сашко.

– Пан добродий Обабко? А вы що, Пушкина хотили тут зустрити?

– Да я... Ведь вы...

– Читал, читал ваш опус о моей жизни. Нафантазировали вы, батюшки сколь премного... Кое-что вам и удалось. Но зачем же ад поминать в названии?

– Простите, Николай Васильевич! В новом издании будет – «Смех над огнём», «Смех над огнём»...

Гоголь снисходительно кивнул головой и пошёл дальше, постукивая тростью по мостовой. И тут Сашко спохватился, в нём очнулся журналист, и он кинулся вслед за Гоголем:

– Николай Васильевич! Николай Васильевич! Один только вопрос: «Почему Вы сожгли рукопись?»

...Над ним стоял Мареев и тряс за плечо:

– Сашко, ты что кричишь? Приснилось чего?

– А? Что? А где Николай Васильевич?

– Какой Николай Васильевич? Кто это? Поднимайся! Завтракать пора!

И тут Обабко понял – это был сон, всего лишь сон. Фантазмагория! А ведь были планы с утра пойти на пляж и попрощаться с рыжим Зевсом, а потом посетить храм Айя-Напа в Старом городе. С тем и уснул. И вот – на тебе! – проспал.

– Сева, не до завтрака. Я лучше в Старый город сбегаяю, а по пути на пляже с Зевсиком попрощаюсь.

– И с Николаем Васильевичем встретиться хочешь? Не с Гоголем ли? Ну и чудик же ты, мой друг! Посмотри в окно.

За окном бушевал ливень. Порывы ветра хлестали по стеклу веткой пальмы и тяжёлыми потоками воды. Долго-

жданный и благословенный дождь! Радость для засушливого Кипра. И разочарование для Сашка Обабко. Хотя... в этом дожде, возможно, был какой-то тайный смысл, о чём поэт будет потом долго думать в Киеве, пытаясь разгадать утренний сон последнего дня пребывания на Кипре.

Букет на пляже

Примерно в трёх метрах от кромки воды – холмик из песка, обложенный морскими камушками-голышами. Сверху красивый букет из белых роз.

Вчера рано утром вот на этом самом месте лежал мужчина. Вокруг столпился пляжный люд: крепкий молодой парень делал искусственное дыхание, кто-то подкладывал под голову лежащего валик из одежды. Никакой суеты. Пытались спасти несчастного. Утопленник? С чего бы в такое спокойное и ясное утро человеку тонуть на мелководье? А может быть, бедолаге стало плохо на глубине, у волнолома? Какая разница, что и почему! Наверно, уже вызвали скорую помощь, но до приезда врачей люди делают, что могут. Не зная греческого языка, я здесь лишний. Чтобы не глазеть впустую, пошёл дальше, вдоль моря, к огромному валуну, торчащему из песка, словно обломок гор Троодос. Я чувствую какой-то необъяснимый страх. Издалека валун похож на ярко-красный корабль, который уже неделю без движения болтается на рейде. Сегодня на корабле что-то происходит. К нему подогнали огромный плавучий кран, рядом платформа, катер. «Наверное, ремонтируют эту машину», – думаю я, сливаясь мысленно с кораблём. Из парка – нескончаемый щебет. Это вездесущие воробьи! Повезло птичкам родиться на Кипре. Ишь расчирикались! А ты попробуй почирикай в холодную подмосковную зиму, когда мороз за двадцать градусов и земля покрыта снегом. Где корм добудешь? А этим, кипрским, что? Лафа, а не жизнь! Диких трав с семенами полно даже на пустующих участках в городе. Конечно, надо ухаживать за землёй, скашивать бурьян и перепахивать землю. Но на месте скошенного бурьяна вскоре вырастет другой бурьян. Жизнь во всём её многообразии и благозвучии! Всё живое приспособлива-

ется к временам года; цветёт, плодоносит и, исполнив своё предназначение, умирает. Но человек – не цветок. Природе нет дела до человека и до его переживаний, хотя он тоже её часть. А человеку? Кто борется, тот выживает и остаётся на земле на установленный ему срок жизни. Это относится и ко всему живому: зверям, птицам, деревьям, растениям. Вот и подумаешь: замысел Божий о человеке такой же, как о цветах или траве? Корабль же – дело рук человеческих, а огромный валун у кромки прилива – чьих?

Навстречу шли женщины, примеченные мной вчера, и что-то обсуждали, говоря так же быстро и одновременно, как воробьи в парке. По озабоченным лицам, по тону разговора можно было догадаться, что речь о пострадавшем. Мне хотелось надеяться, что мужчину откачали, я представлял себе, что ему делали искусственное дыхание и он вдруг очнулся и закашлял. Всегда хочется верить в лучшее! Не может и не должно так быть, чтобы в такое утро, под ярко-синим небом, под таким ласковым солнцем человека не спасли!

Весь день не мог забыть я этого случая, и мысли постоянно возвращались к утреннему событию. Мне почему-то вспомнился рассказ Василия Шукшина о том, как на пыльной привокзальной площади произошло несчастье. Это был маленький, затерянный в сибирских просторах городок, где жизнь течёт монотонно и скучно. Обычно ничего в таких местах не случается. Все друг друга знают. Какие события? Кто-то родился. Кто-то умер. Кто-то из армии пришёл и женился. А если что-то из ряда вон выходящее происходит, то об этом долго помнят и рассказывают друг другу. Однажды жарким летним днём на площади встретились двое: высокий, красивый, спортивного вида парень и плюгавенький мужичок в старой и облезлой шапке, похожий на бомжа. Как они там встретились и почему, случайно – неслучайно? Неожиданно между ними возникла драка, и маленький человечек выхватил из кармана ножик и каким-то макаром ухитрился ткнуть им в парня. Тот упал и остался лежать недвижимым. Набежали люди, скопом кинулись на бродягу и с остервенением стали его избивать.

Подоспевшие от вокзала милиционеры разогнали толпу. А мужичок деловито отряхнулся, поднял с земли шапку и покорно уселся в милицейскую машину. Его – маленького и хиленького – под охраной увезли в милицейском уазике, а тело молодого крепкого парня – видимо, в морг. Как легко жизнь уходит из человека, и как живуч человек!

Почему именно эти сцены остались навсегда в моей памяти? Сейчас, глядя на букет на песке, я не мог отделаться от ощущения нереальности случившегося. Ведь так же, как вчера, светит солнце. Или не так? Возможно, я не всё вижу или не так вижу? Весело чирикают воробьи на отдалённом дереве. Или не весело? Возле берега плещется в воде народ. Нет, что-то не так! Вчера люди громко разговаривали, смеялись, а сейчас голосов почти не слышно. Я опять иду к своему валуну. Внешне – вроде бы всё по-прежнему. Но нет, мир изменился. Солнце не такое весёлое. Щебетанье воробьёв – монотонное и скучное. Громадина-корабль с пришвартованным к нему высоким краном застыл на рейде, раздражая меня своим уродливым видом.

Я возвращаюсь от валуна и вижу людей, стоящих у песчаного холмика. Здесь все друг друга знают. Я мог бы тоже постоять рядом. Но я иду дальше. Мне расхотелось плавать, расхотелось что-то говорить. А что говорить? Жизнь такая хрупкая. Одна ошибка, одно неосторожное движение, и ничего уже не вернуть.

Оглядываюсь назад. У воды, почти незаметен, – одинокий маленький букет.

Стелайос из селения Пиргос

Какая на Кипре осень! Великолепная! Не то что в России, где она то блистает всеми красками под лёгкими солнечными лучами, а то прольётся долгим и нудным холодным дождём. Здесь, на острове, осень фактически является продолжением лета, когда жара уже не такая жестокая, как в августе, а море тёплое и спокойное. Но есть и другие приметы кипрской осени: виноград поспел, яблоками нового урожая завалены все палатки вдоль улиц. В ноябре к вечеру в небе начинают появляться тучи, ветерок нет-нет да и всколыхнёт мирно дремлющие пальмы. И оливы. Оливы – одно из основных богатств острова. Первая волна урожая этого удивительного дерева подступает, захватывая всех. Оливки чёрные, оливки зелёные, солёные, оливковое масло, пироги с оливками. Эх, да что и говорить – ни одно застолье на Кипре не обходится без оливок на столе.

Стелайосу исполнилось девяносто два года, возраст солидный даже для кипрских долгожителей. Есть ещё мечты, не потерял интерес к жизни, но годы берут своё, ой как берут! Так хочется отправиться на участок с оливковыми деревьями и поработать, как бывало, – с удовольствием и в радость. Да куда там! Сила уже не та! Михалис сейчас следит за садом. С утра отправился собирать урожай с вековых олив. Прапрадеды жены Стелайоса посадили эти деревья. Его мысли перекинулись на Элени, вспомнилось то далёкое время, когда они познакомились, а потом и поженились. И вот уже, считай, семьдесят лет вместе. Элени восьмерых детей родила ему. Последнего сына Бог дал, когда Стелайосу было пятьдесят лет. Михалису сейчас пятьдесят, он шестой ребёнок. До него был первенец Евгениос, потом дочери Кириаки и Мария, сыновья Андреас и Хера-

клеидес. После Михалиса ещё два мальчика – Полидорус и Христос. Все дети хорошие, но Михалис особенный: любит землю, берётся за любую работу, и всё у него получается. Невысокого роста, сильный, выносливый. Стелайос невольно улыбнулся от приятных мыслей об Элени и детях. Но, мелькнув на лице, улыбка тут же сошла, и он призадумался. Хозяйство в порядке. Земля разделена между детьми. Церковную кассу вчера вечером проверил, всё сошлось до последнего пени. Стелайос уже много лет является церковным старостой селения Пиргос и старается очень тщательно вести дела. А как же иначе? Допустишь оплошность, и как потом людям в глаза смотреть! Нет, за многие годы он не сделал ни одной ошибки. Но есть одно маленькое дело, которое его тревожит: вешалка для одежды. Старая сломалась неизвестно отчего: крепкая была, из ствола оливкового дерева выточена, держалась на клиньях, вбитых в кирпичную стену. Его дед когда-то давно её смастерил. И вот ночью дерево треснуло аккуратно по месту отверстия для среднего клина. Утром обнаружил, что две половинки вешалки болтаются на колышках, а одежда на полу валяется. Расстроился Стелайос. Ему казалось, что это его жизнь сломалась, и дальше уже неизвестно, что будет. Всё когда-то кончается. Он посмотрел на новую вешалку, купленную в Лимассоле. Посмотрел с неодобрением. Ишь ты! Фабричная! А других сейчас и не найдёшь! Разве что самому сделать, но уже, наверное, не успеет. А новая лежит вот в пластиковой упаковке, аккуратно, поверхность тщательно отполирована. Вроде бы и красивая, но неживая какая-то. Старая была более грубой ручной работы, к ней и прикоснуться было приятно. И сучок был посередине. Она была близкая ему, родная. С годами древесина потемнела, и сучок внутри слегка шевелился, когда Стелайос нечаянно дотрагивался до него. Отжила своё, отжила, и ничего здесь не поделаешь. Но не оставлять же дом без вешалки, вот и нашёл ей замену. Надо повесить на стенку, а руки как-то и не поднимаются. Может, старую отремонтировать? Нет, сломалась так сломалась, на свалку пора. Или в чулан отправить её? Глядишь, эти два куска оливкового дерева ещё

для чего-то ему пригодятся. Подумал и горько усмехнулся. Ему – вряд ли, разве что Михалис найдёт куда пристроить.

Отбросив в сторону все сомнения, Стелайос достал новую вешалку и примерил к стенке. Тут же с негодованием остановился. Надо сверлить новые дырки. Напридумывали всё крепить на стальных петлях! Нет уж, он лучше попросит Михалиса приехать и просверлить три дырки в самой вешалке, а потом навесят её на старые деревянные кольшки.

В обед позвонил Михалису, но тот не сразу согласился приехать.

– Отец, можно я завтра приеду и всё сделаю? Сегодня мне нужно закончить оливки собирать.

– Нет, Михалис, мне нужно сегодня. Приезжай после работы.

– Хорошо, отец! Я постараюсь ближе к вечеру быть у тебя. На том и порешили.

К заходу солнца Михалис приехал к отцу с электрической дрелью. За пятнадцать минут сладили дело, и новая вешалка была прикреплена к стене! Стелайос отправился отдыхать, а Михалис поехал в Лимассол, домой – к жене Элени. И мать, и жена – обе Элени! Распространённое на Кипре имя. Не успел помыть руки, как раздался звонок из Пиргоса. Звонила сестра Мария:

– Михалис, приезжай, отцу плохо!

– Что ты? Не выдумывай! Я только что был у отца. Полчаса назад. Мы вешалку новую прикрепили в коридоре.

Потом оказалось, что Стелайос уже отошёл в мир иной, сестра не захотела Михалиса пугать по телефону.

Собрались все братья и сёстры, мать в траурном одеянии горестно молчала. На семейном совете решили, что Михалис возьмёт на себя хлопоты о похоронах Стелайоса. А расходы потом поделят на всех. Утром Михалис отправился к священнику отцу Георгию, чтобы договориться о могилке на кладбище.

– Место уже есть, Михалис! И за него уплачено, – сказал отец Георгий.

– Как так? Кто заплатил? Братья и сёстры меня просили сделать это.

– А сам Стелайос. И место себе выбрал.

Михалис вытер повлажневшие глаза, благодарно обнял отца Георгия и протянул ему приготовленные деньги за поминальную службу. Но тот отказался принять деньги:

– Стелайос внёс в кассу церкви деньги на поминальную службу и во время похорон, и на десять лет вперёд. Не надо денег, Михалис. У тебя был очень хороший отец, который всё предусмотрел. Стелайос и за памятник уплатил мастеру Ионису.

Когда Михалис шёл из церкви в дом отца, к нему подходили сельчане и выражали своё сочувствие. Вспоминали, каким отзывчивым и справедливым был его отец при жизни. Никогда не пропускал праздничные службы в церкви. И как он, будучи старостой при церкви, на протяжении многих лет добросовестно и аккуратно вёл церковные дела.

– Я одолжила у Стелайоса пятнадцать фунтов, так к концу месяца я верну тебе долг. Верну, как и договаривались с твоим отцом, Михалис, – сказала старая Павлина, соседка.

– Не надо возвращать, – попытался отказаться Михалис.

– Нет-нет. Что ты! Мне обязательно надо долг вернуть, иначе что я скажу Стелайосу, когда встретимся там, на небесах?

На похороны пришло всё село. Прощались и вспоминали о его делах и поступках при жизни. И у каждого нашлось доброе слово для Стелайоса, который всю жизнь прожил в селении Пиргос, никуда не выезжая за пределы острова, и оставил после себя восьмерых детей, таких же трудолюбивых, как и сам. В честь отца Михалис и его жена Элени назвали сына Стелайосом. Дочь – Агатой, в честь прабабушки, матери Стелайоса. Киприоты помнят своих предков и почитают их. Так принято: из поколения в поколение передаются имена, как наследство, как память о тех, кто является основателем и продолжателем рода.

Мы приехали с Михалисом в деревню Пиргос и пришли на старинное сельское кладбище. На могиле его отца лежа-

ла мраморная плита с православным крестом у изголовья. На плите белыми буквами надпись:

«Здесь упокоился Стелайос из селения Пиргос. 1904 г. – 1996 г.»

И ничего больше. Такова была воля Стелайоса из селения Пиргос, что располагается недалеко от города Лимасол на легендарном острове Кипре.

Затем мы поехали в оливковую рощу Михалиса. Какое это удивительное место! Стелайос оставил Михалису в наследство двенадцать скалосов земли в трёх километрах от деревни, на берегу реки. Один скалос – это примерно полторы тысячи квадратных метров, так что у Михалиса есть что оставить своим детям. Самое дорогое на этой кипрской земле – сама земля и растущие на ней оливковые деревья. Когда зимой идут дожди, река наполняется водой, стремительный поток несёт с собой поваленные деревья, камни, песок. Но заканчивается сезон дождей, и река пересыхает. Слева и справа от долины – невысокие горы, вдали виднеется море. Я смотрел на древние оливковые деревья, которые помнят и старика Стелайоса, и его предков. Благодаря труду многих поколений киприотов старые оливы каждую весну цветут и каждую осень плодоносят. Ведь даже такие долгожители требуют ухода и внимания к себе. Рядом с ними стоят молодые деревья, посаженные Михалисом. Несколько сотен лет спустя, уже в почтенном возрасте, они будут всё так же стоять здесь и смотреть спокойно и снисходительно на окружающий их мир. Наверное, так и будет, если мы будем жить в согласии с собой и с этим миром, так, как жил Стелайос из селения Пиргос.

Через год я опять побывал в тех местах, и Михалис с гордостью показал мне довольно массивный мост через русло реки, который он построил своими руками из камня, заготовленного когда-то Стелайосом. Мост вписался в природу, словно он стоял здесь всегда под высоким бирюзовым небом, в царстве великолепной кипрской осени.

Наступило время сбора оливок – всё повторяется, и всё продолжается.

Содержание

Правдиво и про людей. <i>М. Замшев</i>	3
Молчание Шурика	6
Рассветное утро старика Кавецкого	14
Дочь из прошлого	19
Такая беспощадная любовь	27
Брошенная	34
Певица	39
Дульсинея из Киева	47
Маруся	54
Голые женщины, или Необычные способности Ивана Голощепкина	59
Франческа	66
Боль любви	71
Смятение чувств	76
Потеря, которую невозможно пережить... ..	84
Однажды в предгорьях Троодоса	92
У синего моря	99
Манана – чистая душа	107
Виктория Буш и её жизнь	114
Неоконченная история	124
Рафинированная женщина	134
Если упасть в постель... ..	145
Остров счастья в арбатских переулках... ..	152
Горлица, птица благонравная... ..	162
Эфрозини – в подарок	174
Рыжий котяра	181
Мой друг Эзопос	188
А иначе зачем эта жизнь?... ..	195
Дурмящие запахи острова	203
Букет на пляже	239
Стелайос из селения Пиргос	242

Литературно-художественное издание

101 ПРОЗАИК XXI ВЕКА

4



Александр Иванович

Матвеев

• • •

ГОРЛИЦА, ПТИЦА
БЛАГОНРАВНАЯ...

избранные рассказы

Составитель сборника *Маргарита Полонская*

Оформление серии *Анна Розанова*

Компьютерная вёрстка *Алина Симонова*

Корректор *Елена Биткова*

Выпускающий редактор *Анна Баранова*

Подписано в печать 17.04.2020

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 84x108/₃₂

Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. 7,8

Тираж 500 экз. Заказ № 1808

ISBN 978-5-00170-060-9



Издательство «У Никитских ворот»

121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50 а/5, стр. 1

тел.: (495) 690-67-19

www.uniki.ru